

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

2(54)
2025

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

2

2025

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ И ЕАЭС

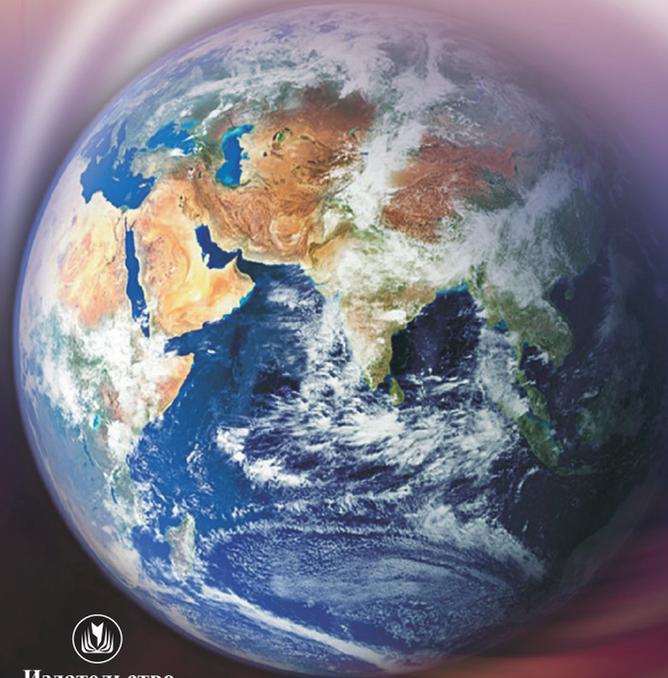
О ЦИВИЛИЗАЦИЯХ
И СТРАНЕ-ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПУТЬ КИТАЯ К НОВОЙ
МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
АФРИКАНСКИХ СТРАН

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Издательство
«Учитель»

Наш журнал можно заказать
в интернет-магазине
издательства «Учитель»:
www.uchmag.ru
Подписка на журнал
осуществляется на сайте
«Объединенного каталога «Пресса России»
www.pressa-rf.ru
и через интернет-магазин
«Пресса по подписке»
www.akc.ru
Подписной индекс 80840

Заказы и информацию можно послать
по электронной почте: peruch@mail.ru
Сайты: www.socionauki.ru
www.uchitel-izd.ru

Журнал можно приобрести
в г. Москве:
Факультет глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Ленинские горы, д. 1, стр. 13А)
Тел: 8(495) 939-43-23
Сайт: www.globalistika.ru

Издательство «Учитель»

Россия, 400079,
Волгоград,
ул. Кирова, 143

Тел. (8442) 42-04-08

ISSN 1994-9065

9 771994 906005

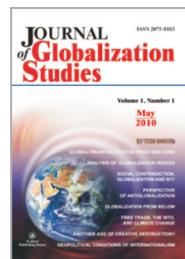

Чумаков А. Н.
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР:
СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ
М.: Проспект, 2018. 512 с.
ISBN 978-5-392-27416-1
МОНОГРАФИЯ
Рекомендовано к изданию
Институтом философии РАН

Монография является заключительной частью трилогии, посвященной авторской концепции общей теории глобализации. Опираясь на проведенные ранее исследования природы и направленности глобальных процессов, автор показывает многоплановую структуру и динамику развития современного мира, анализирует международные отношения в условиях всеобщей взаимозависимости. Особое внимание уделяется противоречивой природе как самого человека, так и общественных отношений, что лежит в основе столкновения различных интересов и непрекращающихся социальных конфликтов. Рассматриваются вероятные сценарии исторического развития и предлагаются наиболее оптимальные пути решения актуальных социально-экономических и политических проблем как для отдельных стран, так и для мирового сообщества в целом.

Подробнее см.:
http://www.globalistika.ru/Globalistika/globalny_mir_stolknovenie_interesov.htm
<http://rfo1971.ru/a-n-chumakov-globalnyiy-mir-stolknovenie-interesov/>
<http://rfo1971.ru/knigi-stati/>

Книгу можно приобрести в книжных магазинах или по Интернету

Journal of Globalization Studies

Издается на английском языке.
Выходит с 2010 г. Периодичность – 2 раза в год.
Журнал предлагает многосторонний анализ глобализации, основанный на перспективах и результатах исследований авторов, работающих в разных культурных и научных традициях. Среди тем публикаций: экономические, политические, социальные, экологические, научно-технические, культурные, религиозные, этические и другие аспекты процессов глобализации; глобальные кризисы и проблемы современности; локальные решения в глобальном пространстве; философские аспекты глобализации и др.

Подписаться на журналы можно в любом почтовом отделении или через издательство. Подробнее см. на сайте: www.socionauki.ru

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

**2(54)
2025**

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Лось В. А., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.; (Россия)*; Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., академик РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Бурьянов С. А., *к.ю.н. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Даффферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Киш Э., *Ph.D., Prof. (Венгрия)*; Коппула В. Б., *Ph.D., Prof. (Индия)*; Коротаев А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D., Prof. (Иран)*

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2025.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Глазьев С. Ю. Перспективные направления экономического развития России и ЕАЭС в формирующейся новой Мир-Системе..... 3

Ивахнюк И. В. Кризис глобальной модели управления миграционными процессами 21

Гринин А. Л. О цивилизациях и стране-цивилизации 37

Мясников А. Г., Мясникова Т. А. О глобальном потенциале практической философии И. Канта 45

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Кудряшова Е. В., Шашкова А. В. Независимые финансовые институты в реализации наднациональной финансовой политики 58

Штарк Л. П. Реалии и перспективы противостояния США и КНР в Южно-Китайском море..... 65

Чжао Хун, Фомина М. Н. Путь Китая к новой модели глобализации: от концепций глобализации к глобализации культуры 76

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Горлач М. Е., Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Общественные коммуникации и «политические религии» в эпоху глобализации..... 88

Коротаяев А. В., Медведев И. А., Авдалян М. Р., Ситар К. А., Барановская Е. И., Орлова Л. Н., Тимиргалеева Р. Р. Глобальное значение африканских стран, развитие российско-африканских отношений и риски политической дестабилизации государств континента..... 100

Степанова Е. Н. Дальнейшая демократизация политической системы Тайваня при условии сохранения стабильности..... 114

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Акаев В. Х., Осмаев М. К. Российская цивилизация в контексте современной глобализации 128

Лукашина Е. В., Лукашин А. В. Межрелигиозный диалог в системе современных международных отношений..... 138

Губанов Н. Н., Черемных Л. Г. Влияние глобалистского менталитета на взаимодействие ноосферы с атасферой..... 149

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Лопатников Д. Л. Постиндустриальный ренессанс географического детерминизма 158

Степанов Н. С. Предпосылки развития Арктического региона под влиянием глобализационных процессов 166

Шаповал В. М., Рочняк Е. В., Бабаев Б. С. Глобальные вызовы современности и их влияние на общество и экономику 178

ЮБИЛЕИ

Валерию Викторовичу Снакину – 75 лет..... 190

ТЕОРИЯ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕАЭС В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ НОВОЙ МИР-СИСТЕМЕ*

Глазьев С. Ю.**

В последние годы продолжается тенденция снижения совокупной доли государств ЕАЭС в мировой и евразийской экономике. Принятие ориентиров экономического развития до 2030 г. не переломило этой тенденции в силу сложившегося положения ЕАЭС в мировом разделении труда и продолжения воспроизводства экономики по инерционному сценарию. Экспортируя в основном сырьевые товары, государства ЕАЭС оплачивают интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортных высокотехнологических товарах, и таким образом финансируют научно-технический прогресс в других странах. Положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС не трансформируется в инвестиции вследствие крупномасштабной утечки капитала. В этом неэквивалентном внешнеэкономическом обмене ЕАЭС теряет более 100 млрд долларов США в год, которые могли бы использоваться для инвестиций в развитие экономики. Суммарный объем внутренних затрат на НИОКР всех государств – членов ЕАЭС сопоставим с расходами такой небольшой европейской страны, как Нидерланды, или такой крупной корпорации, как Samsung. В результате снижается вес государств ЕАЭС в мировом научно-техническом потенциале, нарастает отставание от США, ЕС, КНР и Японии.

Как следует из мирового опыта, для вывода экономики государств на волну роста нового технологического уклада требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала. Опыт стран, совершивших экономическое чудо, свидетельствует о необходимости форсированного увеличения инвестиций до 35–45 % ВВП. Как будет показано в статье, основным источником финансирования такого подъема инвестиционной активно-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Глазьев С. Ю. Перспективные направления экономического развития России и ЕАЭС в формирующейся новой Мир-Системе // Век глобализации. 2025. № 2. С. 3–20. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.01.

For citation: Glazyev S. Yu. Prospective Directions of Economic Development of Russia and the EAECU in the Emerging New World System // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 3–20. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.01 (in Russian).

** Глазьев Сергей Юрьевич – д. э. н., профессор, академик РАН, г. н. с. Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: Glazyev@spa.msu.ru.

Sergey Yu. Glazyev – Dr. Econ., Professor, academician of the RAS, Chief Research Fellow of the Centre for Stability and Risk Studies of the National Research University Higher School of Economics. E-mail: Glazyev@spa.msu.ru.

сти является многократное расширение кредита, организуемое государством путем контролируемой многоканальной денежной эмиссии под обязательства страны и предприятий в целях финансирования инвестиций в модернизацию, развитие и расширение перспективных производственно-технологических систем. Из этого следует критическая важность переориентации денежно-кредитной политики на цели развития, включающие создание механизмов рефинансирования инвестиционной и инновационной деятельности.

Ключевые слова: ЕАЭС, инвестиции, технологическое отставание, потенциал развития, международное сотрудничество, опережающее развитие.

PROSPECTIVE DIRECTIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE EAEU IN THE EMERGING NEW WORLD SYSTEM

In recent years, the trend of decreasing the overall share of the EAEU states in the global and Eurasian economy has continued. The adoption of the guidelines for economic development up to 2030 has not reversed this trend, due to the current position of the EAEU in the global division of labor and the continuation of economic reproduction according to the inertial scenario. By exporting mainly raw materials, the EAEU states pay the intellectual rent contained in imported high-tech goods and thus finance scientific and technological progress in other countries. The EAEU's positive trade balance is not being transformed into investment due to large-scale outflow of capital. In this non-equivalent foreign economic exchange, the EAEU loses more than 100 billion US dollars per year, which could be used for investment in economic development. The total internal R&D expenditures of all EAEU member states are comparable to that of a small European country like the Netherlands or a large corporation like Samsung. As a result, the weight of the EAEU states in the global scientific and technological potential is decreasing, and the gap with the USA, the EU, China and Japan is growing.

As the world experience shows, in order to bring the economies of the states to the wave of growth of a new technological order, a powerful initiating impulse for the renewal of fixed capital is needed. The experience of countries that have achieved economic miracles shows the need for a forced increase in investment up to 35–45 per cent of GDP. As will be shown in the article, the main source of financing such an increase in investment activity is the multiple expansion of credit, organized by the state through controlled multi-channel monetary emission under the obligations of the country and enterprises for the purpose of financing investments in the modernization, development and expansion of promising production and technological systems. This implies the crucial importance of reorienting monetary policy towards development goals, including the creation of mechanisms for refinancing investment and innovation activities.

Keywords: EAEU, investments, technological gap, development potential, international cooperation, advanced development.

1. Положение ЕАЭС в меняющемся мире

После взлета взаимной торговли и экономической активности в первые годы функционирования единой таможенной территории продолжилась тенденция

снижения совокупной доли государств ЕАЭС в мировой и евразийской экономике (Рис. 1). Принятие ориентиров экономического развития до 2030 г. не переломило этой тенденции в силу сложившегося положения ЕАЭС в мировом разделении труда и продолжения воспроизводства экономики по инерционному сценарию. Экспортируя в основном сырьевые товары (Рис. 2, 3), государства – члены Союза оплачивают интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортных высокотехнологических товарах, и таким образом финансируют научно-технический прогресс в других странах. Положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС не трансформируется в инвестиции вследствие крупномасштабной утечки капитала. В этом неэквивалентном внешнеэкономическом обмене ЕАЭС теряет более 100 млрд долларов США в год, которые могли бы использоваться для инвестиций в развитие экономики.

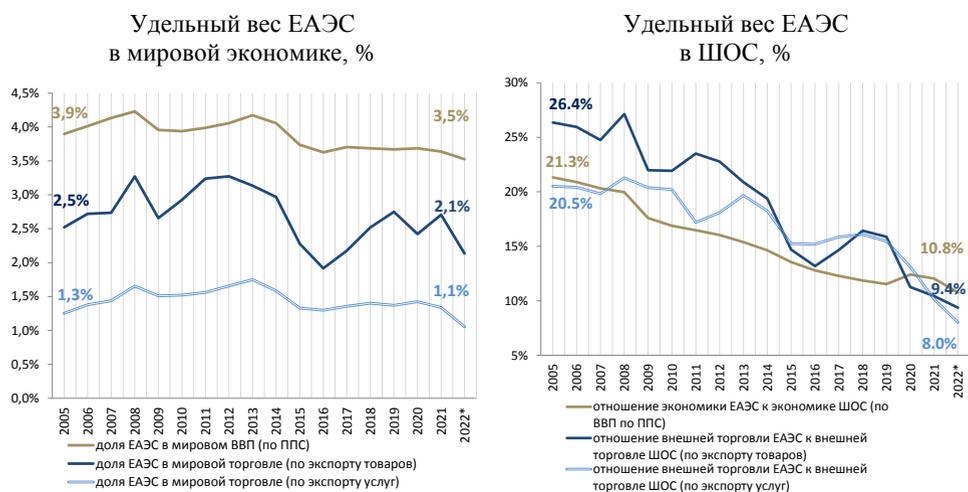

Рис. 1. Доля ЕАЭС в мировой экономике и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)

Источник: Всемирный банк, расчеты ЕЭК.

Рис. 2. Удельный вес сырьевых и несырьевых товаров в общем объеме экспорта товаров Союза в страны вне ЕАЭС, %

Рис. 3. Удельный вес минеральных продуктов, металлов и изделий из них, машин и оборудования в общем объеме экспорта товаров Союза в страны вне ЕАЭС, %

Международное инвестиционное сотрудничество тоже складывается не в пользу государств ЕАЭС (кроме Армении), которые в сумме по счету капитала имеют отрицательное сальдо первичных доходов баланса иностранных инвестиций более 50 млрд долларов в год (Табл. 1). В России в 2022 г. вследствие санкций произошло беспрецедентное снижение обязательств перед нерезидентами по прямым инвестициям. Динамика прямых иностранных инвестиций по отношению к ВВП государств ЕАЭС отличается неустойчивостью с понижательной тенденцией (Табл. 2).

Таблица 1

Оценка трансферта государств – членов ЕАЭС в пользу мировой финансовой системы

Сальдо первичных доходов

(по данным центральных (национальных) банков, млрд долл. США)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Всего за 12 лет
Армения	0,5	0,4	0,4	0,7	0,5	0,4	0,2	0,4	0,2	0,2	-0,2	-0,4	3,3
Беларусь	-1,1	-1,4	-1,5	-2,7	-2,5	-2,5	-2,2	-2,1	-2,1	-1,9	-2,6	-2,5	-25,1
Казахстан	-19,4	-27,7	-28,1	-25,1	-22,7	-11,6	-13,4	-18,1	-22,0	-22,7	-15,1	-24,2	-250,2
Кыргызстан	-0,3	-0,7	-0,2	-0,4	-0,3	-0,3	-0,4	-0,4	-0,3	-0,8	-0,3	-0,6	-4,8
Россия	-47,1	-60,4	-67,7	-79,6	-68,0	-37,7	-35,5	-42,1	-40,4	-53,5	-35,0	-43,0	-610,0

Источник: Департамент статистики ЕЭК.

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции в страну (в соответствии с принципом активов/пассивов), % к ВВП

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	5,7	6,4	4,7	3,1	3,5	1,7	3,2	2,2	2,1	0,7	0,5	2,6
Беларусь	2,4	6,6	2,2	3,0	2,4	3,0	2,6	2,3	2,4	2,0	2,3	1,8
Казахстан	5,0	7,1	6,6	4,2	3,3	3,6	12,5	2,9	0,2	2,1	4,2	2,3
Кыргызстан	9,1	11,2	4,4	8,5	4,7	17,1	9,0	-1,4	1,7	3,8	-7,5	6,4
Россия	2,8	2,7	2,3	3,0	1,1	0,5	2,5	1,8	0,5	1,9	0,6	2,3

Источник: данные и расчеты ЕЭК.

В структуре импорта готовой продукции и прямых иностранных инвестиций высок вес машин и оборудования с овецищенными результатами НИОКР. Это

является следствием внешней технологической зависимости государств ЕАЭС, возникшей из-за разорванности воспроизводственных контуров национальных инновационных систем, в которых разрушено прикладное звено (конструкторские бюро, проектные и отраслевые институты), а также хронического недофинансирования исследований и разработок по сравнению с уровнем развитых стран.

По уровню внутренних затрат на исследования и разработки государства – члены ЕАЭС существенно уступают мировым лидерам. Доля расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в мировом ВВП устойчиво растет, приближаясь в передовых странах к 4 %, в то время как в ЕАЭС в целом она остается крайне низкой: от 0,1 % ВВП в Кыргызской Республике до 1,1 % ВВП в Российской Федерации. В среднесрочной перспективе государствами ЕАЭС планируется стабилизировать ее на уровне 1,2 %. С учетом того, что в абсолютном выражении расходы на НИОКР сократились суммарно в государствах ЕАЭС по сравнению с СССР на порядок, этого явно недостаточно даже для простого воспроизводства научно-технического потенциала. До сих пор продолжается сокращение численности ученых и инженеров, сохраняется тенденция нарастающего отставания государств – членов ЕАЭС по показателям патентной и инновационной активности, что усугубляет внешнюю технологическую зависимость и влечет снижение конкурентоспособности экономики, замедление ее развития. В результате снижается вес государств ЕАЭС в мировом научно-техническом потенциале, нарастает отставание от США, ЕС, КНР и Японии. Суммарный объем внутренних затрат на НИОКР всех государств – членов ЕАЭС сопоставим с расходами такой небольшой европейской страны, как Нидерланды, или такой крупной корпорации, как Samsung.

Значительное отставание по наукоемкости экономики государств ЕАЭС усугубляется крайне низкой инновационной активностью частного сектора: доля инновационно активных предприятий в государствах ЕАЭС составляет 5–20 % (в Кыргызстане – 5 %, в Казахстане – 11 %, в России – 12 %, в Беларуси – 20 %) по сравнению с 70–80 % в передовых странах, что влечет снижение эффективности затрат на НИОКР с точки зрения трансформации их результатов в развитие и повышение конкурентоспособности экономики. При этом прослеживается высокая зависимость государств – членов ЕАЭС от импортируемых результатов НИОКР. В Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике доля иностранных исследований и разработок (ИиР) в совокупном объеме затрат на НИОКР составляет от 74 до 94 %, в Российской Федерации – 50 % [Отчет...]. Государства – члены ЕАЭС, отстающие от передовых стран по уровню технологического развития, развивают инженерно-технологическую сферу за счет интеграции с глобальной цифровой инфраструктурой. При этом создание внутренней инфраструктуры часто происходит на иностранной технологической базе, что усугубляет внешнюю зависимость и создает риски для национальной безопасности.

Уязвимость экономики ЕАЭС к внешним угрозам предопределяется его периферийным положением в мировой финансово-торговой системе. Выполняя рекомендации МВФ, денежные власти государств – членов Союза держат национальные финансовые рынки открытыми для международных спекулянтов и малодоступными для большинства внутренних заемщиков из реального сектора экономики. Удерживая ключевую ставку выше средней рентабельности обрабаты-

ющей промышленности, центральные (национальные) банки сдерживают кредитование производственных инвестиций. При этом денежные власти искусственно удерживают денежную массу в спекулятивном обороте, систематически завышая доходность государственных долговых обязательств по отношению к рыночной оценке риска. В результате такого субсидирования международных кредиторов за счет государственного бюджета финансовый рынок выкачивает деньги из реального сектора экономики за рубеж, вместо того чтобы обеспечивать привлечение средств для финансирования внутренних инвестиций.

2. Преодоление технологического отставания – императив экономического развития

Преодоление технологического отставания, обеспечение технологического суверенитета и опережающее развитие государств – членов ЕАЭС на основе нового технологического уклада требует изменения сложившейся ситуации: необходима перестройка системы регулирования и управления развитием экономики в соответствии с принципами нового мирохозяйственного уклада (МХУ). Прежде всего необходимо кардинально усилить роль научно-технической политики, создать условия для резкого увеличения финансирования инновационной активности, кратного увеличения расходов на НИОКР. Особое внимание следует уделить стимулированию ключевых факторов нового технологического уклада и модернизации экономики на его основе. Большое значение имеет правильный выбор приоритетов научно-технической политики, которые должны соответствовать ключевым направлениям становления нового технологического уклада, опираться на имеющийся научно-технический потенциал, обладать значительным экономическим, социальным и интеграционным эффектом.

Научно-технический прогресс (НТП) является ключевым фактором экономического развития. Вклад НТП обеспечивает более 90 % экономического роста в технологически передовых странах, в государствах ЕАЭС он оценивается в 75–85 % прироста ВВП. Прогнозные оценки вклада прогрессивных научно-технических изменений в экономический рост государств-членов см. в Табл. 3.

Таблица 3

Оценка потенциала прироста среднегодовых темпов роста ВВП государств – членов ЕАЭС в 2022–2035 гг. вследствие технологических сдвигов, п. п.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Дополнительный среднегодовой прирост ВВП за счет прогрессивных технологических сдвигов, п. п.	1,3	3,3	1,4	3,9	1,2

Источник: расчеты ИПП РАН.

Отраслевая структура прогнозируемого вклада технологических изменений в экономический рост государств – членов ЕАЭС отражена в Табл. 4. В частности, для Армении наибольшие эффекты прогнозируются в связи с развитием биотехнологий и технологий сельского хозяйства, цифровизацией и развитием рынка электромобилей. Для Беларуси наиболее значительный вклад в экономический рост дадут биотехнологии и технологии в сельском хозяйстве, цифровизация экономики и новые транспортные технологии. Для Казахстана – новые транспортные технологии, цифровизация и строительство. Для Кыргызстана – биотехнологии и технологии в сельском хозяйстве, цифровизация и новые транспортные техноло-

гии. Для России – новые технологии на транспорте и в строительстве, биотехнологии. При этом значение научно-технической кооперации для экономического роста государств ЕАЭС остается крайне незначительным.

Таблица 4

Вклад отдельных направлений научно-технологического развития и углубления кооперации государств-членов в прирост среднегодовых темпов экономического роста, п. п. ВВП на горизонте 2022–2035 гг.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Новые технологии в машиностроении	0,03	0,09	0,04	0,01	0,08
Новые транспортные технологии	0,15	0,46	0,49	0,48	0,48
Электромобили и смежные технологии	0,32	0,27	0,25	0,37	0,15
Биотехнологии, сельское хозяйство и животноводство	0,49	1,20	0,20	1,46	0,18
Новые технологии в строительстве	0,02	0,04	0,29	0,09	0,21
Цифровизация экономики и ИКТ-технологии	0,29	0,71	0,12	0,84	0,10
Кооперационные эффекты	0,01	0,52	0,02	0,65	0,01
Всего	1,3	3,3	1,4	3,9	1,2

Источник: расчеты ИМП РАН.

Приведенные выше данные основаны на экстраполяции сложившихся тенденций и свидетельствуют о необходимости кардинальной интенсификации использования имеющегося научно-технического потенциала, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, значительного усиления роли научно-технической политики. Для выхода на траекторию опережающего экономического развития вклад НТП в прирост ВВП в России, Казахстане и Армении должен быть утроен.

Обоснование и выбор приоритетов научно-технологического развития ЕАЭС предъявляют повышенные требования к качеству экспертизы и аналитики. Традиционные методы прогнозирования, основанные на экстраполяции сложившихся статистически значимых тенденций, недооценивают последствия и возможности крупномасштабных структурных изменений, обусловленных сменой технологических укладов. В периоды таких структурных изменений нужны сценарные методы их моделирования, описывающие распространение базисных нововведений нового технологического уклада и связанных с ними изменений в структуре экономики, применение которых позволяет заблаговременно установить пределы роста существующих производственно-технических систем и предвидеть возможности их замещения новыми. Это очень важно для правильного определения перспективных направлений развития экономики, оценки возможности их реализации с точки зрения имеющегося производственного потенциала и национальных конкурентных преимуществ и на этом основании – выбора из них приоритетных с целью опережающего развития экономики на волне роста нового технологического уклада. Комиссией сделан обзор методов технологического прогнозирования, применение которых рекомендовано государствам – членам ЕАЭС [Доклад... 2022] с целью использования окна возможностей для рывка в развитии экономики, открывающегося в период смены технологических укладов.

В национальных документах стратегического планирования научно-технического развития государств – членов ЕАЭС присутствуют в качестве приоритетных базисные технологии нового технологического уклада. Государства – члены

ЕАЭС уделяют приоритетное значение цифровизации государственных услуг, финансовой системы, производственных процессов, здравоохранения и социальной сферы. Большое значение придается созданию нано- и композитных материалов. Планируется модернизация химической и нефтехимической промышленности. В сфере медицины государства-члены придают приоритетное значение развитию биоинженерных, биокаталитических, биосинтетических, клеточных технологий. В сельском хозяйстве – селекции растений и животных с применением биоинженерных и клеточных технологий, хранению и переработке сельскохозяйственной продукции на передовой технологической основе. В сфере транспорта планируется создание международных транспортно-логистических систем и инфраструктуры высокоскоростного транспорта.

Сопоставление указанных в национальных документах стратегического планирования приоритетных направлений научно-технического развития с общемировыми тенденциями становления нового технологического уклада показало их высокое сходство по наименованиям и многократное отставание от передовых стран по объемам финансирования. Без резкого увеличения расходов на НИОКР в приоритетных направлениях научно-технического развития государств – членов ЕАЭС их отставание по уровню технического развития от мировых лидеров будет нарастать. Для преодоления этого отставания и достижения технологического суверенитета требуется многократное увеличение расходов на НИОКР и инвестиций в развитие научно-технического потенциала.

3. Потенциал выпуска

В государствах – членах ЕАЭС имеется существенный потенциал развития, связанный с использованием невостребованного научно-технического потенциала, проявляющегося в утечке умов и незагруженных производственных мощностей. Повышение загрузки мощностей только в промышленности (находится на уровне 50 % в Кыргызстане, 52 % в Казахстане, 62 % в России и 70 % в Беларуси) на 10 % способно привести к увеличению темпов роста объемов промышленного производства в государствах-членах на 6–15 % в зависимости от структуры национальных экономик (Рис. 4). При этом возможности роста производства товаров инвестиционного назначения в разы выше, так как уровень загрузки производственных мощностей особенно низок в машиностроении, обеспечивающем материальные возможности наращивания инвестиций в увеличение активной части основного капитала. Это свидетельствует о физической возможности двукратного увеличения объема инвестиций в развитие экономики ЕАЭС. Практически возможности расширения производства машин и оборудования должны быть сбалансированы со спросом на них, структура которого существенно меняется в связи со сменой технологических укладов.

В целом, со стороны спроса также имеются большие резервы для увеличения выпуска продукции. Уход с российского и белорусского рынков многих компаний из недружественных стран освободил более четверти внутреннего рынка ЕАЭС, до 80 % которого может быть замещено внутренним производством. Применение имеющихся научно-технических заделов, полномасштабное использование научно-технического и интеллектуального потенциала позволяют существенно

но нарастить выпуск готовой продукции, многократно повысить уровень переработки сырьевых товаров, провести эффективное импортозамещение продукции недружественных стран, нарастить экспорт продукции в дружественные страны. Общий потенциал увеличения выпуска продукции промышленности с учетом свободных производственных мощностей и освободившихся сегментов внутреннего рынка составляет от 10 до 40 % в разных отраслях промышленности.

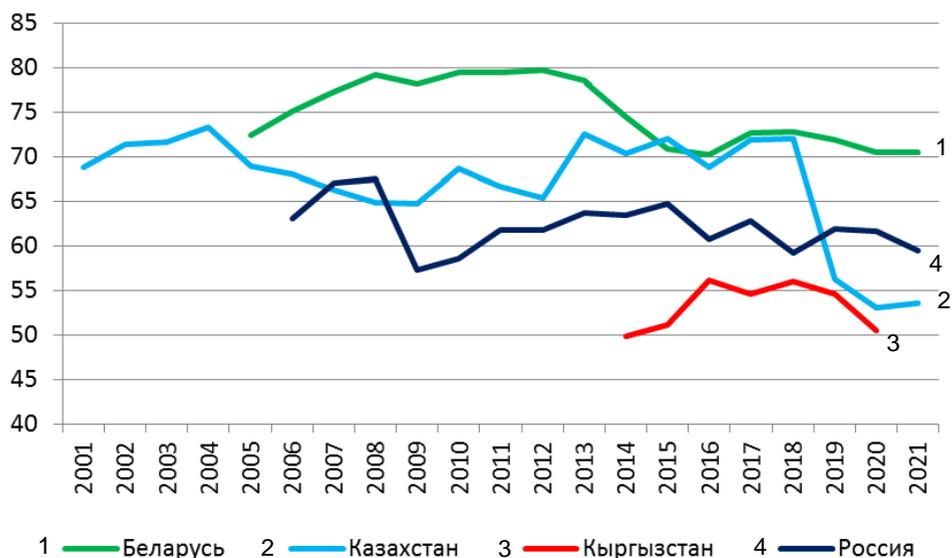

Рис. 4. Средний уровень загрузки производственных мощностей и потенциал наращивания выпуска в государствах – членах ЕАЭС до 2030 г.

Источник: оценки ЕЭК.

Существенный потенциал роста производства имеется в сельском хозяйстве. Обладая значительными сельскохозяйственными угодьями и развитым агропромышленным комплексом, государства – члены ЕАЭС могли бы сыграть значи-

тельную роль в устранении голода на планете. Для этого необходимо создание устойчивых внутренних механизмов расширенного воспроизводства агропромышленной продукции, включающих: стабилизацию цен как на сельскохозяйственную продукцию, так и на необходимые для ее производства основные товары (минеральные удобрения, топливо, пестициды, корма) на основе разворачивания прозрачных и регулируемых государствами ЕАЭС товаропроводящих сетей, включающих современные хранилища, логистические центры, мощности по переработке; устранение иностранных посредников и спекулянтов; создание механизма кредитования сельскохозяйственного производства на основе специальных инструментов рефинансирования коммерческих банков, кредитующих аграрные предприятия; внедрение современных технологий прослеживаемости сельскохозяйственных и продовольственных товаров, гарантирующих их безопасность и доступность для потребителя.

Имеющийся в государствах ЕАЭС производственный потенциал позволяет ежегодно наращивать выпуск продукции на 8 % ВВП. Для этого, как показывает анализ зависимости между приростом инвестиций и ВВП (Рис. 5), потребуется ускорение прироста инвестиций до 16 % в год.

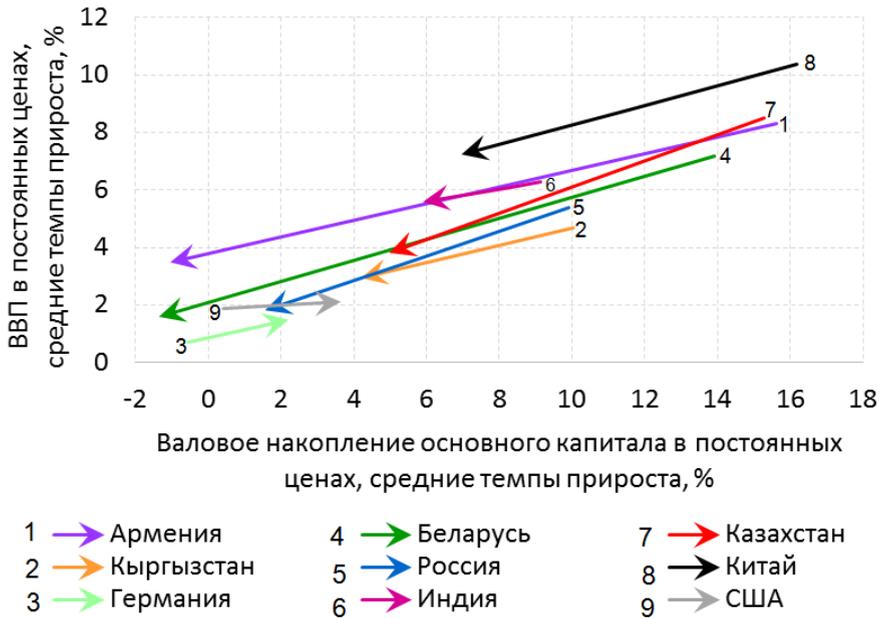

Рис. 5. Экономический рост и инвестиции средние значения в 2000–2009 гг. и в 2010–2020 гг.

Примечание: по КНР используется показатель валового накопления.

Это возможно, как показывает анализ международного опыта и успешной отечественной практики, при условии форсированного наращивания кредитования инвестиций за счет внутренних источников [Финансовые... 2014]. Для этого необходимо широкое использование центральными банками специальных инструментов рефинансирования институтов развития и коммерческих банков,

уполномоченных кредитовать реализацию инвестиционных проектов, предусмотренных стратегическими планами экономического развития государств ЕАЭС. Нарастание целевого кредитования инвестиций и оборотных средств предприятий посредством специальных инструментов рефинансирования должно гарантироваться многосторонними инвестиционными соглашениями между предприятиями, банками и органами власти, составляющими основу индикативного планирования опережающего развития. В отсутствие такого механизма целевого кредитования инвестиций выйти на целевой сценарий развития экономики ЕАЭС невозможно. Сохранение же тенденции сокращения валового накопления основного капитала в большинстве государств ЕАЭС (Рис. 6) повлечет продолжение падения веса Союза в мировой экономике. Если не переломить эту тенденцию в ближайшие несколько лет, то использовать окно возможностей для рывка в развитии экономики в период смены технологических укладов не удастся. На волне активного формирования нового технологического уклада догнать ведущие страны мира едва ли будет возможно.

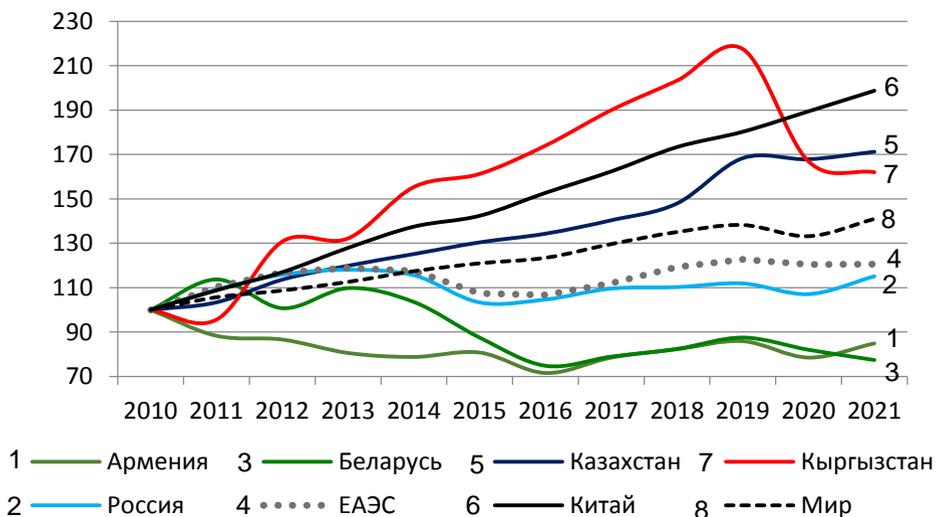

Рис. 6. Валовое накопление основного капитала
(в постоянных ценах, индекс (2010 = 100))

Примечание: по КНР используется показатель валового накопления.

4. Кредитование инвестиций

Недостаточность кредитования инвестиций в государствах ЕАЭС является следствием проводимой денежно-кредитной политики «таргетирования» инфляции. По сути, она представляет собой сочетание режима свободного плавания обменного курса национальной валюты и манипулирования ключевой ставкой процента при отсутствии ограничений на трансграничные валютные операции капитального характера. Следствием этой политики, проводимой по рекомендациям МВФ, закономерно является втягивание экономики в порочный круг деградации: повышение ключевой ставки ЦБ в целях подавления инфляции – сокраще-

ние кредитования производственных инвестиций – технологическое отставание от передовых стран – снижение конкурентоспособности национальной экономики – девальвация валюты – всплеск инфляции – повышение ключевой ставки. Этот порочный круг втягивает экономику в стагфляционную ловушку. Параллельно международные спекулянты манипулируют свободно плавающим обменным курсом национальной валюты, наживаясь на ее колебаниях за счет оттока капитала из реального сектора экономики вследствие ее дестабилизации. Неуправляемые колебания курса национальной валюты (Рис. 7) разрушают замкнутые на внешний рынок воспроизводственные контуры экономики государств ЕАЭС, порождают инфляционные волны и дезорганизацию производства. Утрата ценовых ориентиров во внешней торговле и лихорадочное состояние финансового рынка влекут падение инвестиций и вывоз капитала, снижение товарооборота, рост числа банкротств и безработицы, ухудшение уровня жизни населения.

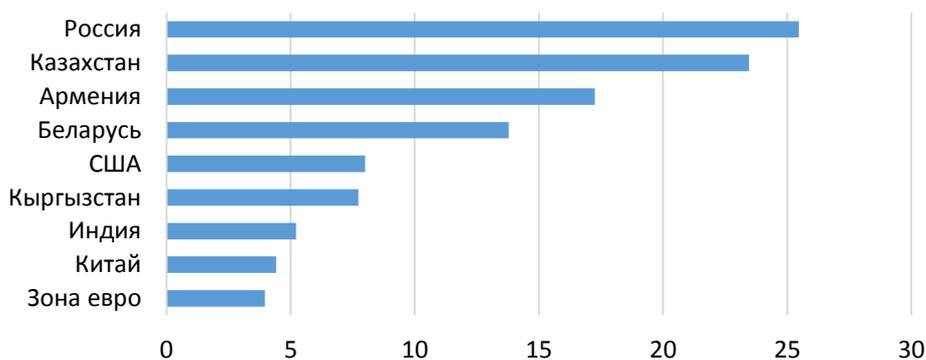

Рис. 7. Номинальные эффективные обменные курсы валют*, коэффициент вариации за 2013–2022 гг.** в %

Примечание: * данные для Индии, Китая, США, зоны евро, России – Банк международных расчетов; для Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана – национальные банки; ** данные для Армении, Беларуси, Кыргызстана – за январь 2013 г. – ноябрь 2022 г.

Источник: расчеты ЕЭК.

Попытки добиться макроэкономической стабилизации путем повышения ключевой ставки процента центробанками государств ЕАЭС не могут иметь успеха в условиях свободы трансграничного движения капитала. В нынешних условиях турбулентности мирового финансового рынка автоматически действующие алгоритмы проведения спекулятивных операций стягивают ликвидность с его периферии, включая финансовый рынок ЕАЭС. Повышение процентных ставок не может изменить их поведение и вызывает отток денег из реального сектора, блокирует производственные инвестиции и усугубляет экономический кризис. Без введения ограничений на трансграничные неторговые операции финансовый рынок Союза сохранит свою крайнюю уязвимость перед лицом раскачивающих его международных спекулянтов.

В свою очередь, режим свободного плавания обменного курса национальной валюты, применяемый рядом центральных (национальных) банков государств ЕАЭС, не позволяет стабилизировать макроэкономическую ситуацию вне зави-

симости от внешних факторов, включая цены на нефть и даже состояние валютных резервов. После перехода к режиму плавающего курса рубля Россия вошла в число лидеров по нестабильности обменного курса национальных валют наряду с такими нефтегазодобывающими странами, как Бразилия и Норвегия, в которых также установлены свободно плавающие обменные курсы. Четыре другие нефтедобывающих страны – Саудовская Аравия, Узбекистан, Азербайджан и Вьетнам – сохранили стабильность своих валют, потому что применяют режимы привязки курса к резервной валюте на установленном значении и фиксированный курс в рамках горизонтального коридора (Рис. 8). Обладая самым большим в мире резервным обеспечением (вплоть до ареста валютных резервов Банка России объем рублевой денежной базы был почти вдвое меньше их величины), Банк России мог легко отбить любую спекулятивную атаку и держать курс рубля стабильным в течение всего десятилетия с момента создания ЕАЭС, что было бы критически важно для макроэкономической стабильности и инвестиционного климата. Однако в отсутствие регулирующей роли ЦБ рынком манипулировали международные спекулянты, раскачивая курс и генерируя инфляционные волны. Отключение международных спекулянтов от российского рынка вследствие санкций стран НАТО повлекло укрепление курса рубля под воздействием положительного сальдо торгового баланса. Возобновление возможности вывоза капитала денежными властями вновь привлекло на рынок спекулянтов и повлекло за собой девальвацию рубля.

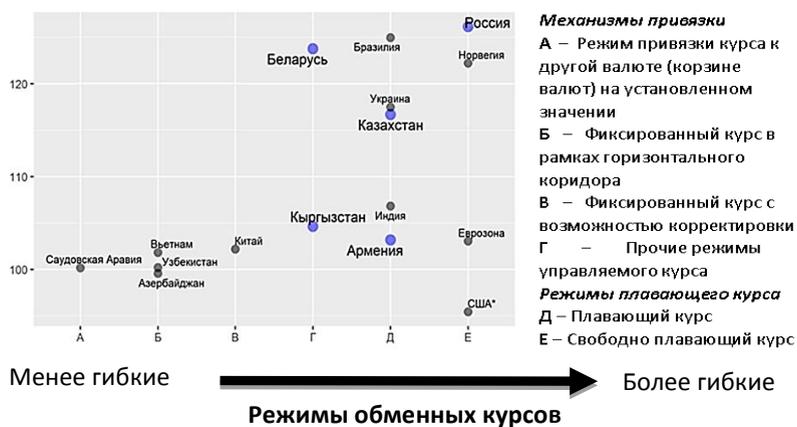

Рис. 8. Изменение обменных курсов валют в зависимости от их режимов

Примечание: 1) изменение курса рассчитано за период с 01.01.2020 по 25.03.2020, где 01.01.2020 = 100; 2) режим валютного курса указан за 2017 г. (последний доступный в МВФ AREAER 2018); 3) * для США приведен индекс доллара США (DXY).

Источник: МВФ AREAER 2018 (апрель 2019 г.), Bloomberg, расчеты ЕЭК.

Переход к общепринятой в странах ядра нового МХУ денежно-кредитной политике, включающей валютные ограничения на трансграничные операции с капиталом, а также регулирование ставки процента исходя из целей повышения инвестиционной активности, остановит вывоз капитала и даст возможность расширения внутреннего кредита реальному сектору экономики. Расширение кредитования обеспечит вовлечение простаивающих производственных мощностей,

незадействованного научно-технического потенциала, вывозимых за рубеж природных ресурсов в процесс расширенного воспроизводства экономики. Возможности неинфляционной ремонтизации экономики государств ЕАЭС оцениваются на уровне до 25–30 трлн рублей в год, что позволяет к 2035 г. выйти на характерные для развитых стран показатели мощности финансового сектора, соответствующие целевому объему ВВП. Расшивка общих для всех государств ЕАЭС «узких мест» финансирования инвестиционной и инновационной деятельности позволит достигнуть и удержать в долгосрочной перспективе установленные главами государств основные ориентиры макроэкономической политики на 2021–2023 гг. на уровне 4,5–5,5 % ежегодного прироста ВВП.

Справочно. Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования Центральным банком кредитных институтов, замкнутый на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития. Это можно сделать путем использования хорошо известных и отработанных в практике развитых стран косвенных (рефинансирование под залог обязательств государства и платежеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, предоставление госгарантий, фондирование институтов развития) способов денежной эмиссии. Эмитенты мировых резервных валют направляют денежную эмиссию непосредственно на государственные нужды США, Англии, Японии, стран ЕС путем приобретения центральными банками государственных долговых обязательств.

В ситуации денежной экспансии и мер по удешевлению финансовых ресурсов, последовательно проводимых эмитентами мировых валют, необходимо выравнивание условий деятельности предприятий государств ЕАЭС по сравнению с иностранными конкурентами по стоимости финансовых ресурсов, срокам их предоставления, уровню рисков. Для этого требуется снижение ключевой ставки и ставок специальных инструментов рефинансирования, устанавливаемых центральными банками многих ведущих стран на уровне ниже инфляции на долгосрочный период в целях нивелирования рисков издержек заемщиков, и удлинение сроков предоставления кредитных ресурсов. При этом следует учитывать, что в развитых экономиках при осуществлении эмиссии делается упор на формирование целевых «длинных» и «сверхдлинных» ресурсов (в США, Японии и Китае – до 30–40 лет) под обязательства государства, в том числе связанные с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, которые дополняются инструментами среднесрочного рефинансирования, что создает мощную основу «длинных» ресурсов в экономике. Причем денежно-кредитная политика является органичной частью стратегического планирования и согласовывается со структурной, научно-технической, промышленной, региональной составляющими общегосударственной политики развития экономики.

Для реализации открывающихся возможностей подъема на волне роста нового технологического уклада государствам ЕАЭС требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления с ны-

нешних 18–20 до 35–40 % ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях роста нового ТУ и модернизации экономики на его основе. Источником финансирования таких инвестиций может стать целевая кредитная эмиссия, организуемая денежными властями в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами. О целесообразности перехода к целеориентированной на рост инвестиций денежно-кредитной политике свидетельствует охарактеризованный выше опыт стран, успешно использовавших «окно возможностей» для технологического рывка – все они прибегали к политике финансового форсажа, увеличивая в разы объем кредитования перспективных направлений экономического роста. Их центральные банки, по сути, становились банками развития, эмитируя необходимое количество денег для реализации централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ.

5. Международное сотрудничество

Созданные государствами ЕАЭС межгосударственные институты и механизмы развития в сотни раз меньше по совокупному объему капитала и активов, чем в соседних интеграционных структурах. Чтобы успешно конкурировать с ЕС и обеспечивать эффективное сопряжение ЕАЭС и концепции «Один пояс – один путь», необходимо изыскать дополнительные источники финансирования совместных программ и проектов, многократно увеличив их совокупный объем. Если исходить из международного опыта, необходимый для успешной региональной интеграции объем совместных инвестиций составляет 7–12 % ВВП (в зависимости от выбора стратегии развития). Требуется существенного увеличения инвестиционной активности и своевременная модернизация экономики на основе нового технологического уклада. Для выхода на необходимый для устойчивого экономического развития уровень совместных инвестиций необходимо поднять норму накопления в государствах ЕАЭС с нынешних 18–21 % ВВП до 28–33 %. Добиться этого можно как посредством целевого рефинансирования национальных банков и институтов развития, так и путем последовательного развертывания Евразийской системы поддержки развития и интеграции с участием как существующих институтов развития (ЕАБР, ЕФСР), так и создаваемых дополнительно.

Структурные изменения мировой экономики оказывают противоречивое влияние на ЕАЭС. С одной стороны, переход к новому технологическому укладу усиливает внешнюю зависимость от импорта передовых технологий. С другой стороны, смена мирохозяйственных укладов сопровождается резкими разрывами сложившихся воспроизводственных контуров внешнеэкономической деятельности государств ЕАЭС. Санкции США и ЕС против Российской Федерации и Республики Беларусь стимулировали в Союзе процессы импортозамещения за счет роста внутреннего производства и взаимной торговли. Объем взаимной торговли ЕАЭС за 10 месяцев 2022 г. увеличился более чем на 13 %. Произошло резкое снижение доли импорта европейских товаров (с 33,8 % в 2021 г. до 26,5 % в январе – октябре 2022 г.) и увеличение почти в 1,4 раза доли ввозимых товаров из Китая, Индии, Турции, Ирана. Потоки российских углеводородов и других природных ресурсов переориентируются с ЕС на рынки этих стран. В 2022 г. за 10 месяцев по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. товарооборот ЕАЭС с Индией вырос в 2,2 раза, с Китаем – в 1,3 раза. Симметрично снижался товарооборот с

ЕС. При этом товарно-отраслевая структура внешней торговли ЕАЭС принципиально не изменилась. Ориентация поставок из ЕАЭС в Китай на сырье и товары, не требующие высокого уровня обработки, выражена в еще большей степени при сравнении торговли с КНР с взаимным и совокупным экспортом государств – членов ЕАЭС. Более того, доля сырьевого экспорта в поставках в КНР выше, чем в совокупном экспорте ЕАЭС, и значительно выше, чем во взаимной торговле [Доклад ЕЭК...]. Переориентация внешнеторговых потоков ЕАЭС с Запада на Восток сопровождается ухудшением их качества вследствие объективных трудностей быстрого встраивания предприятий государств ЕАЭС в воспроизводственные контуры стран ядра нового МХУ. Для этого требуются время и целенаправленная экономическая политика развития научно-технологической и производственной кооперации.

Резко ускорился переход на расчеты в национальных валютах во взаимной торговле товарами и услугами между государствами – членами ЕАЭС, также возросло использование национальных валют отдельными государствами-членами в расчетах в торговле с третьими странами. В 2018–2021 гг. удельный вес национальных валют во взаимных расчетах находился на уровне 74–76 %. По итогам девяти месяцев 2022 г. доля взаимных расчетов в национальных валютах государств-членов повысилась до 78,7 %, в расчетах с третьими странами – до 36,8 %.

Быстрой адаптации ЕАЭС к резкому ухудшению условий торговли с ЕС способствует наличие развитой договорно-правовой базы торгово-экономического сотрудничества со странами Азии. С Китаем государства ЕАЭС заключили обширное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, идет сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса – одного пути». Действуют соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Сингапуром, Ираном. Приняты решения о формировании преференциальных торговых отношений с Индонезией, Монголией, Индией. Реализуются меморандумы о сотрудничестве/взаимопонимании с Камбоджей, Сингапуром, Таиландом, Индонезией, Монголией. Прорабатывается вопрос о подписании Меморандума о сотрудничестве с Мьянмой.

Указанные изменения продолжатся в среднесрочной и окажут влияние в долгосрочной перспективе. Внешнеэкономические связи ЕАЭС будут переориентированы на страны Азии, зависимость от США и ЕС станет снижаться, а сотрудничество с Китаем, Индией и другими странами ядра нового МХУ – усиливаться. Неопределенной остается степень внешней технологической зависимости государств ЕАЭС. Для ее преодоления необходимо резкое наращивание финансирования НИОКР и инвестиций в перспективных направлениях становления нового технологического уклада. Хотя эти направления определены в документах стратегического планирования государств ЕАЭС как приоритетные, их реализация предполагает создание достаточно мощных механизмов финансирования расходов на разработку базовых технологий нового ТУ и кредитования инвестиций в их широкое применение, модернизацию экономики на этой основе. Данные механизмы должны опираться на внутренние источники кредита, которые может обеспечить только ориентированная на цели наращивания инвестиций денежно-кредитная политика. Она должна быть встроена в систему стратегического управления долгосрочным развитием экономики, согласованную государствами ЕАЭС исходя из интеграции их научно-технических потенциалов и конкурентных преимуществ.

6. Управление развитием

Как следует из мирового опыта, для вывода экономики на волну роста нового технологического уклада требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала. Опыт стран, совершивших экономическое чудо, свидетельствует о необходимости форсированного увеличения инвестиций – до 35–45 % ВВП. Как показано выше, основным источником финансирования такого подъема инвестиционной активности было многократное расширение кредита, организуемое государством путем контролируемой многоканальной денежной эмиссии под обязательства страны и предприятий в целях финансирования инвестиций в модернизацию, развитие и расширение перспективных производственно-технологических систем. Из этого следует критическая важность переориентации денежно-кредитной политики на цели развития, включающей создание охарактеризованных выше механизмов рефинансирования инвестиционной и инновационной деятельности. Эти меры должны органично сочетаться с научно-технической политикой, включающей:

- освобождение от налогообложения доходов предприятий, направляемых на инвестиции в развитие производства, проведение НИОКР и освоение новых технологий, внедрение схем ускоренной амортизации основных фондов при контроле над целевым использованием амортизационных отчислений;
- двукратное увеличение уровня бюджетного финансирования научных исследований, развертывание системы целевых научно-технических программ, предусматривающих государственную поддержку инновационной активности на перспективных направлениях развития экономики;
- формирование современной информационной инфраструктуры научно-исследовательской и предпринимательской деятельности;
- обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности, поддержку импорта новых технологий и защиту российской интеллектуальной собственности за рубежом.

Без создания такой системы управления развитием экономики, соответствующей принципам нового МХУ, государства ЕАЭС не смогут встроиться в его ядро и останутся на периферии мировой экономики под одновременным влиянием ее старого и нового центров. Это влечет серьезную деформацию воспроизводственных контуров экономики, включая разрыв многих технологических цепочек, замкнутых на рынки недружественных стран или на их технологическую базу. Чтобы избежать падения производства и деградации экономики, государствам ЕАЭС необходимо срочно создавать собственную технологическую базу производств нового технологического уклада в альянсе с научно-инженерными центрами стран ядра нового МХУ. В противном случае разрыв воспроизводственных контуров, связывающих Россию и Белоруссию с недружественными странами, повлечет вымывание из их экономики качественных ресурсов, лишь часть из которых может быть локализована в других государствах ЕАЭС. Не все встроены в технологические цепочки с недружественными странами предприятия смогут адаптироваться к новым условиям и сохранить квалифицированные кадры. Сырьевая специализация государств ЕАЭС на периферии нового МХУ не компенсирует эти потери. Переход к новому технологическому укладу снижает спрос на сырьевые товары, составляющие основу экспорта ЕАЭС. Без диверсификации экономики в кооперации со странами ядра нового МХУ государства ЕАЭС столкнут-

ся со сжатием внешнего спроса, который лишь частично может быть замещен развитием внутренней научно-производственной кооперации и взаимной торговли.

Исходя из изложенного, можно заключить, что оптимальной для государств ЕАЭС стратегией развития в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов является сочетание опережающего развития собственной технологической базы, научно-производственной кооперации и взаимной торговли, компенсирующее разрыв воспроизводственных контуров с недружественными странами, и формирование технологических цепочек со странами ядра нового МХУ. Необходимым условием успешной реализации этой стратегии является создание системы стратегического управления развитием экономики, включающей:

а) разработку и внедрение механизма реализации целевой программы опережающего развития ЕАЭС на базе нового технологического уклада, предусматривающей меры по наращиванию инвестиций в развитие составляющих его производственно-технологических комплексов, создание благоприятной для этого макроэкономической среды и формирование соответствующих институтов и контуров управления;

б) формирование системы стратегического планирования ЕАЭС, включающей установление приоритетов экономического и научно-технического развития и выработку индикативных планов и программ их реализации, установление целевых показателей деятельности институтов развития;

в) подчинение деятельности всех органов макроэкономического регулирования, государственных корпораций и институтов развития государств ЕАЭС решению задач модернизации и технологического развития экономики, полноценного раскрытия ее научно-технического потенциала. Для этого необходимо индикативное планирование совместной деятельности государства и предприятий на основе инвестиционных контрактов, предусматривающих ответственность за достижение поставленных целей.

Литература

Доклад ЕЭК «Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения: 14.02.2025).

Доклад «Методы технологического прогнозирования». М. : Б. и., 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.1.3_2.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

Отчет о выполнении научно-исследовательской работы «Оценка потенциальных возможностей экономического развития ЕАЭС исходя из имеющихся факторов производства» по договору на выполнение научно-исследовательской работы «Оценка макроэкономического потенциала выпуска продукции в Евразийском экономическом союзе и анализ перспективных направлений формирования цепочек добавленной стоимости в целях повышения потенциала выпуска и обеспечения условий для научно-технологического прорыва Союза» [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d34/NIR_macro.pdf (дата обращения: 09.01.2023).

Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014.

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ*

Ивахнюк И. В.**

В статье показано, как формировалась концепция управления миграцией на глобальном уровне в контексте общего увлечения идеей глобального управления и осознания миграционной взаимозависимости государств. Обосновывая тезис о кризисе глобальной модели, автор приводит такие аргументы, как несовершенство наработанных подходов и инструментов, коллизия международного и национального права, неприятие принимающими странами односторонних обязательств по обеспечению прав мигрантов, неспособность сдерживать незаконную миграцию и др. Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г., который считается сейчас основным ориентиром глобального управления в миграционной сфере, оказался полон противоречий и расколото глобальное сообщество. Автор трактует кризис глобального управления миграцией как логическую часть общего кризиса, переживаемого глобальным международным сотрудничеством. Либерализм как основа международных отношений уступает в чрезвычайных обстоятельствах прагматизму. Происходит смещение фокуса наднационального управления миграцией на региональный уровень, где именно на принципах взаимовыгодного прагматизма выстраивается региональная интеграция. Автор показывает, что путь преодоления кризиса лежит в поиске компромиссов, новых путей взаимодействия и точек соприкосновения интересов участвующих в международной миграции государств.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная политика, управление миграцией, Глобальный договор о миграции.

CRISIS OF THE GLOBAL MODEL OF MIGRATION PROCESSES GOVERNANCE

The article demonstrates how the global migration governance concept arose from the common interest towards global governance and awakening realization of migration interdependence. The author brings forward the following arguments to prove the crisis in the global migration governance: inadequacy of the existing approaches and tools, collision between international and national migration law, rejection of irreciprocal commitments on migrants' rights by receiving states, failure

* **Для цитирования:** Ивахнюк И. В. Кризис глобальной модели управления миграционными процессами // Век глобализации. 2025. № 2. С. 21–36. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.02.

For citation: Ivakhnyuk I. V. Crisis of the Global Model of Migration Processes Governance // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 21–36. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.02 (in Russian).

** Ивахнюк Ирина Валентиновна – д. э. н., член Глобальной ассоциации экспертов в области миграционной политики (GMPA). E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com.

Irina V. Ivakhnyuk – Dr. Econ., Associate in the Global Migration Policy Associates (GMPA). E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com.

in combating irregular migration, etc. The 2018 Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration, which is positioned as the road map of the global migration governance, turned to be not without tensions and split the world community. The author interprets the crisis of the global migration governance as a part of the common crisis in international cooperation. Liberalism as the basis of international relations gives way to pragmatism in critical situations. The focus of supranational governance of migration is shifting from the global to the regional level where reciprocal pragmatism is the backbone for regional integration. The author argues that the way to overcome the crisis is the search for compromise, new common grounds for cooperation and new alignments of interests of all parties concerned by international migration.

Keywords: *international migration, migration policy, governance of migration, Global Compact for Migration.*

Введение

В этой статье речь пойдет об управлении трансграничной миграцией. Пересечение границ между государствами и пребывание иностранных граждан на территории других стран подразумевает определенный порядок регулирования, согласованный на международном уровне – двустороннем, региональном, глобальном. При том, что осуществление миграционной политики всегда было и остается суверенным правом национальных государств, в последние десятилетия явление трансграничной, или международной, миграции приобрело такие масштабы и касается такого количества стран, что казалось логичным вынести формирование неких единых, согласованных подходов в управлении на глобальный уровень [Managing... 2001].

Обобщенная доля международных мигрантов*** в общей численности населения Земли – 3,6 % – мало что дает для понимания масштабности и значимости процессов международной миграции. Она кажется небольшой, но следует иметь в виду, что только в течение последних двух десятилетий она возросла в полтора раза (при сохраняющихся относительно высоких темпах роста мирового населения). В 2020 г. число международных мигрантов в мире превысило 281 млн человек [World... 2024]. Оценка численности международных трудовых мигрантов (точнее – международных мигрантов на рынках труда принимающих стран) составляет 168 млн человек, при этом за последние 10 лет их число увеличилось на 30 млн [ILO... 2024]. Еще одна многочисленная категория лиц, перемещающихся через границы государств, – беженцы. По устоявшейся международной классификации, «беженцы» и «мигранты» – это разные категории лиц; они принципиально различаются силой воздействующих на людей выталкивающих сил и степенью уязвимости их существования при перемещении из привычных мест пребывания [International... 2019]. По оценке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в конце 2024 г. общее число беженцев, лиц, ищущих убежища, и других людей, нуждающихся в международной защите, составило 52 млн человек [UNHCR... 2024].

Еще более важным аспектом международной миграции, помимо роста ее масштабов, предстает миграционная взаимозависимость государств, которая фак-

*** В статистике ООН под международными мигрантами понимаются лица, родившиеся в стране, отличной от той, где они проживают в настоящее время.

тически является основным побудительным мотивом для формирования наднационального уровня управления миграцией. Речь идет о том, что на современном этапе мирового развития международная миграция, прежде всего международная трудовая миграция, является фактором, принципиально меняющим отношения между более развитыми странами (импортерами трудовых ресурсов) и менее развитыми странами (экспортерами трудовых ресурсов). Через механизм международной трудовой миграции происходит перераспределение ресурсов развития, без которого ни одна, ни другая группа стран не могут обойтись [подробнее см.: Ивахнюк 2008].

Наиболее развитые страны, столкнувшиеся с убылью и старением своего населения, видят в мигрантах из других стран необходимый им демографический и трудовой потенциал. В ряде стран, таких как нефтедобывающие государства Персидского залива, функционирование экономики почти полностью зависит от присутствия иностранных работников, их доля составляет до 80–90 % от общего числа работающих.

В то же время в других странах, таких как Филиппины, Таджикистан, Бангладеш, Молдова, Албания, более половины ежегодно выходящих на рынок труда молодых людей уезжают на заработки за рубеж, так как национальный рынок труда не может обеспечить их рабочими местами. Экпортируя трудовые ресурсы, эти страны обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов мигрантов, что способствует снижению бедности и обеспечивает социальную стабильность.

Таким образом, международная миграция в последние десятилетия приобрела для большинства стран мира такое значение, какого никогда не имела прежде. Фактически она превратилась в необходимый, во многом безальтернативный ресурс, обеспечивающий экономическое развитие как принимающих мигрантов стран, так и стран их происхождения. Такая взаимозависимость подталкивает страны к поиску партнерских форм взаимодействия в деле управления миграцией, в том числе на глобальном уровне.

Нельзя упускать из виду, что миграция сопровождается целым рядом «побочных эффектов». Она оказывает мощное и не всегда позитивное воздействие на принимающие общества, учитывая этнические, религиозные и социокультурные различия между коренным населением и мигрантами. Она несет в себе проблемы для стран происхождения, истощая их квалификационный и человеческий потенциал. Она радикально меняет жизнь мигрантов, не только предоставляя им новые возможности, но и увеличивая их уязвимость. Именно поэтому эффективное управление миграцией, создание законодательного и социального «каркаса», способствующего раскрытию ее потенциала и нивелирующего неизбежные издержки, является одним из залогов поступательного развития современного мира.

Формирование идеи глобального управления миграцией

В отношении определенных категорий лиц, перемещающихся через государственные границы, единые подходы к определению их статуса и прав были сформулированы еще в середине и второй половине XX в. Международные конвенции и договоры, будучи рамочными соглашениями, тем не менее способствовали выработке единого языка обсуждения миграционных проблем и формированию об-

щих подходов в понимании форм межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере.

Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Конвенции МОТ о трудящихся-мигрантах № 97 1949 г. и № 143 1975 г. полностью опирались на Всеобщую декларацию прав человека ООН, ставшую символом справедливого мироустройства послевоенной эпохи.

Разработанная в рамках европейской христианской морали Всеобщая декларация прав человека имела весьма отвлеченный характер для многих стран мира, удаленных от европейского «ядра» в своих ценностных, религиозных и культурных традициях. Тем не менее идея всеобщего равенства прав и необходимости их защиты была закреплена в международных документах как базовый принцип определения положения мигрантов в принимающем обществе. Так, Конвенция о беженцах предусматривает, что беженцам должно предоставляться «возможно наиболее благоприятное правовое положение» в отношении получения правового статуса, трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования и т. д. Конвенции МОТ устанавливают, что трудящиеся-мигранты должны иметь равные трудовые, социальные, профсоюзные и культурные права с национальными работниками.

На деле получилось, что юридические, финансовые, социальные, моральные и прочие обязательства предлагалось взять на себя в рамках концепции равенства прав принимающим мигрантов странам в одностороннем порядке. Такие гарантии мигрантам, как неотложная медицинская помощь, право на защиту в суде, право на владение имуществом, право детей мигрантов на образование, запрещение коллективной высылки, не вызывают сомнений со стороны принимающих государств. Однако реализация равных с национальными работниками прав на трудоустройство, жилищное обеспечение и социальную защиту является, по их мнению, слишком серьезным односторонним обязательством. Тем временем подписание и ратификация конвенций МОТ странами происхождения практически не влечет за собой никаких обязательств с их стороны.

Такой дисбаланс отнюдь не способствовал объединению государств вокруг этих международных документов как основы для формирования согласованного наднационального подхода к управлению трудовой миграцией. Яркий тому пример – история с подписанием Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., которая считается наиболее всеобъемлющим международным договором, посвященным правам трудящихся-мигрантов. По состоянию на конец 2023 г. Конвенцию 1990 г. подписали и ратифицировали 59 стран, еще 11 государств подписали, но не ратифицировали [GMPA 2023]. Все эти государства являются странами происхождения мигрантов, так что их интерес к обеспечению прав их граждан, работающих за рубежом, вполне понятен. Справедливости ради надо признать, что многие из стран-подписантов имеют на своей территории значительное число международных мигрантов и особенно беженцев; в 10 из них это число превышает 1 млн человек (Аргентина, Бангладеш, Египет, Колумбия, Кот-д’Ивуар, Мексика, Нигерия, Турция, Уганда, Чили). Однако едва ли это можно назвать успехом в продвижении Конвенции 1990 г. как общего стандарта для управления международной трудовой миграцией, поскольку те государства, которые являются основными странами назначения для трудовых мигрантов, уклоняются от подписания Конвенции.

Следует учитывать, что в 1990-х гг. международная миграция, в значительной части стихийная и неконтролируемая, воспринималась как одна из «новых» угроз, бросающих вызов международному порядку и, таким образом, рассматривалась в основном как проблема безопасности. Подобный взгляд на миграцию породил надежды, что глобальная модель управления миграцией способна предложить такие согласованные механизмы управления, которые нивелируют связанные с миграцией угрозы безопасности (на всех уровнях – от международной и национальной безопасности до личной безопасности мигрантов). Заинтересованные глобальные институты активно искали такие механизмы. Одновременно предпринимались усилия по изменению нарратива миграции в пользу ее положительного восприятия и признания подхода, основанного на обеспечении прав мигрантов в качестве фундамента миграционной политики на всех уровнях.

В самом конце XX и начале XXI в. на фоне формирования общей идеи глобального управления, подразумевавшей создание согласованных норм, правил, принципов и процедур принятия решений, определяющих поведение государств в той или иной сфере [Rosenau 1995], появилась концепция глобального управления миграцией [Betts 2011]. На этом была сфокусирована деятельность соответствующих международных институтов, занимающихся вопросами миграции, а также созданы новые организации и дискуссионные площадки, такие как Глобальный форум по миграции и развитию (GFMD), Группа по проблемам глобальной миграции (GMG), активизировалась деятельность неправительственных организаций на международном уровне.

Вопросы о роли миграции в современном мире и формах межгосударственно-го сотрудничества в управлении ею были трижды вынесены в качестве самостоятельного предмета Диалога высокого уровня на Генеральной Ассамблее ООН – в 2006, 2013 и 2016 гг. Миграция в контексте глобального развития стала темой специальных докладов Генерального секретаря ООН [Доклад... 2006; 2013; 2016; 2017]. Все большее число международных агентств включают миграцию населения в сферу своей ответственности.

Встал вопрос о создании институциональной базы, через которую может реализовываться глобальное управление миграцией [Ruggie 1998]. В академических и политических кругах разрабатывались проекты создания специализированных институтов, которые могли бы возглавить архитектуру глобального управления миграцией, таких как Мировая миграционная организация [Bhagwati 2003] или Глобальное агентство по экономической миграции в рамках ООН [GCIM 2005]. Однако было признано, что миграция в современном мире представляет собой столь многочисленное и многогранное явление, что управлять всеми ее аспектами в глобальном масштабе из одного центра – задача непосильная. В результате Организация Объединенных Наций взяла на себя роль координатора деятельности международных институтов в миграционной сфере и учредила в 2018 г. Сеть ООН по вопросам миграции (United Nation Network on Migration), координатором работы которой стала Международная организация по миграции, включенная в 2016 г. в систему учреждений ООН. Сеть ООН по вопросам миграции охватывает деятельность 30 структур ООН, в той или иной мере занимающихся проблемами мигрантов и беженцев, а также более 20 причастных к миграции независимых международных исследовательских, религиозных, профсоюзных, правозащитных и прочих неправительственных организаций [Research... 2023].

Важной составной частью активной деятельности ООН по «позитивизации» международной миграции и перевода ее из разряда угроз глобальной безопасности в разряд важного ресурса глобального развития стало вовлечение в глобальный диалог менее развитых стран. Понимание взаимозависимости участвующих в миграции стран было дополнено представлением миграции как взаимовыгодного процесса, от участия в котором выигрывают и страны, принимающие мигрантов, и страны их происхождения. Отсюда следовал вывод о том, что в решении вопросов управления миграцией на межгосударственном уровне все страны выступают как равноправные партнеры.

Глобальный договор о миграции

Именно такой подход заложен в документе, считающемся сейчас основным ориентиром глобального управления в миграционной сфере – Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. (ГДМ) [Глобальный... 2018]. Договор задумывался как первое компромиссное, сочетающее позиции и принимающих стран, и стран происхождения соглашение, создающее новую основу для международного сотрудничества и глобального управления в сфере миграции. Поэтому Договор прошел долгий и непростой двухлетний период дискуссий, консультаций и межправительственных согласований.

Среди целого ряда европейских стран (Венгрия, Польша, Чехия, Австрия, Словакия, Италия) были высказаны сомнения в соответствии ГДМ национальным интересам и суверенитету стран. Израиль также отверг ГДМ. За год до принятия Договора Соединенные Штаты Америки объявили об отказе присоединиться к нему, мотивируя свое решение тем, что он способен «подорвать суверенное право США проводить в жизнь иммиграционные законы и охранять государственную границу» [Tillerson 2017]. Учитывая политический вес Соединенных Штатов в мире и их роль как крупнейшей страны назначения для международных мигрантов, отказ США присоединиться к ГДМ нанес серьезный удар по авторитету и ценности этого документа. На Генеральной Ассамблее ООН в декабре 2018 г. 152 страны проголосовали за резолюцию об одобрении Договора, 5 стран проголосовали против, 12 стран воздержались, 24 страны не участвовали в голосовании [Global... 2018].

ГДМ опирается на тот теоретический конструкт, который последовательно выстраивался в международных документах в предшествующее ему десятилетие: само явление миграции (и трудовой, и вынужденной) трактуется в Договоре не как вызов, с которым приходится иметь дело отдельным государствам, а как элемент единой системы отношений, охватывающей весь современный мир [Малахов 2019]. Именно отсюда вытекает тезис о «разделяемой ответственности» за судьбу беженцев. Именно это лежит в основе идеи обеспечения прав всех мигрантов независимо от их правового статуса. Именно этим, по-видимому, объясняется избегание в тексте Договора термина «незаконные мигранты», который заменяется терминами «мигранты, находящиеся в уязвимом положении», «лица, пытающиеся пересечь государственные границы» или «мигранты, ставшие объектами незаконного ввоза».

Тот факт, что ГДМ является компромиссом между подходами стран назначения и стран происхождения мигрантов, неизбежно выражается в противоречивости положенных в его основу принципов и поставленных целей. Признаваемая в Договоре прерогатива национальных государств в вопросах миграционной поли-

тики, в частности предоставления правового статуса иностранным гражданам, плохо увязывается с тем, что те же национальные государства обязываются обеспечивать общечеловеческие ценности, права человека, противодействие дискриминации и уважение к человеческому достоинству независимо от правового статуса индивида. Вмешательством в полномочия национальных государств может считаться также призыв к более широкой легализации мигрантов, находящихся вне правового поля, упрощению процедур воссоединения семей для мигрантов с любым уровнем квалификации и т. д.

Получается, что международные нормы в области прав человека, в центре внимания которых находится равенство всех людей как личностей, оттесняют принципы обычного права в отношении стандарта пребывания, которые государство готово применять к иностранным гражданам на своей территории. Это вызывает неприятие правительств многих принимающих государств.

Эксперты указывают, что в ГДМ баланс интересов государств мира смещен в сторону государств, поставляющих мигрантов, в то время как страны-реципиенты выигрывают гораздо меньше от международного сотрудничества [Потемкина 2018]. В тексте много говорится о тех правах и свободах, которые, как ожидается, должны предоставить правительства принимающих стран находящимся на их территории иностранным гражданам. Гораздо меньше – об обязательствах стран исхода мигрантов по обеспечению прав мигрантов на предотъездную правовую и профессиональную подготовку, трудоустройство и реинтеграцию по возвращении, беспрепятственное получение мигрантскими семьями денежных переводов из-за рубежа и т. д. Наконец, нет ни слова об обязанностях самих мигрантов предпринимать усилия по интеграции в стране пребывания и уважительному отношению к законам и культуре принявших их стран.

Изначально было объявлено, что ГДМ не носит юридически обязывающего характера и не предусматривает мониторинга соблюдения его положений странами-участницами. Если так, то непонятна причина жарких споров в ходе его подготовки и отказ ряда стран присоединиться к Договору. Дело в том, что, несмотря на декларативно-рекомендательный характер документа, он включает в себя механизм отслеживания реализации его положений. Да и формулировка «Мы обязуемся...» в каждой из 23 целей ГДМ предполагает фиксацию выполнения этих обязательств. Страны, проголосовавшие за Договор, обязаны ежегодно представлять отчет о том, как в национальном миграционном законодательстве и в заключаемых ими международных соглашениях, касающихся миграции, внедряются положения Договора. По утверждению ООН, «приняв ГДМ, государства-члены взяли на себя обязательство обеспечить реализацию целей миграции на благо всех» [Форум... 2022].

Глобальный договор очень скромно обозначил участие гражданского общества в реализации задач управления миграцией и обеспечения поддержки мигрантов. В 2010-х гг. НПО, работающие в сфере миграции, превратились в активный субъект миграционной политики во многих странах: их мнение учитывалось при принятии тех или иных законодательных решений, они продвигали идею прав мигрантов и членов их семей, они получали финансовую поддержку от правительств и международных организаций, активно участвовали в международных форумах, посвященных миграции. Для международных и национальных НПО были организованы Дни гражданского общества как часть регулярных масштабных конференций Глобального форума по миграции и развитию (GFMD). Для

участия в работе над Глобальным договором о миграции была создана специальная организация – Комитет действий гражданского общества, – призванная представлять интересы мигрантов при обсуждении текста Договора [Rother 2020]. Однако сейчас четко прослеживается тенденция сдерживания деятельности НПО, работающих в сфере миграции. На уровне правительств они сталкиваются с препятствиями в получении финансирования из-за рубежа, ограничением форм деятельности, которые могут осуществляться при иностранном финансировании; на международном уровне – это сокращение возможностей присутствия и выступлений на международных конференциях, гражданские активисты часто сталкиваются с отказом в получении визы, в финансировании поездок и т. д. [Rother, Steinhilper 2019]. Не исключено, что это связано с тем, что конференции и дискуссии об управлении миграцией, организуемые на глобальном уровне, прежде всего в рамках организаций ООН, приобретают все более отвлеченный и оторванный от реальности характер, так что реально работающим с мигрантами НПО там просто не находится места. В результате движение в пользу глобального управления миграцией теряет своего важного союзника – гражданский правозащитный сектор.

Наконец, нельзя не сказать о том, что ГДМ формирует парадигму глобального управления миграцией, которая сориентирована на упорядоченные, безопасные и легальные миграционные потоки. Однако в реальности значительная, если не большая часть миграционных потоков являются беспорядочными, небезопасными и нелегальными [Triandafyllidou 2021]. Миграция – это процесс, которому объективно присуща стихийность и неопределенность, причем она возрастает, когда на пути мигрантов возникают преграды. Такая оторванность от реальности ставит под сомнение ценность ГДМ, который предполагает быть основой глобального управления миграцией и руководством практической деятельности правительств в сфере миграционной политики.

Либерализм vs прагматизм

Международные документы и вся архитектура международного сотрудничества в сфере миграции создавались в основном принимающими мигрантов странами (а большинство из них – это развитые либеральные демократии условного «Севера») на понятных для них принципах либерализма. Центральным элементом либеральной идеологии является концепция защиты прав и свобод человека и обеспечение равенства всех людей. В конце XX в., наполненного войнами, революциями, расизмом, геноцидом, концентрационными лагерями, это казалось единственно возможной основой мирного международного сотрудничества. Страны-доноры, фактически не имевшие прежде голоса в решении миграционных проблем, с готовностью восприняли эту либеральную парадигму, хотя сами они в большинстве своем отнюдь не были приверженцами либеральной идеологии в политике. Тем не менее это создавало иллюзию широкого, фактически всемирного признания либерализма как единственно возможного языка политического взаимодействия, особенно при отсутствии паритетных идеологических соперников [Осипова 2015].

Оказалось, однако, что в условиях нарастания миграционных потоков нагрузка по реализации принципов всеобщего равенства ложится именно на те государства, которые являются колыбелью либеральных идей. Привлекательные для мигрантов своими социальными стандартами и экономическими возможностями

страны Европы оказались в двойственном положении, когда международные конвенции призывали их максимально либерализовать политику в отношении въезда, пребывания и трудоустройства иностранных граждан, а государственные интересы требовали прежде всего обеспечения интересов собственных граждан, особенно в условиях роста антимигрантских настроений.

Кроме того, выяснилось, что в критических ситуациях принципы либерализма оказываются бессильными в качестве ответа на возникающие в связи с миграцией угрозы, такие как массовый приток беженцев или нежелание мигрантов интегрироваться в принимающий социум. И тогда на первый план выходит принцип прагматизма в миграционной политике стран назначения. Это хорошо подтверждается примером миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг.: когда Европейский союз не сумел найти общий ответ на массовый приток беженцев, позиции стран раскололись, и большинство из них предпочли прагматично «закрыться», несмотря на принципы единого Шенгенского пространства.

Даже Германия, более других европейских стран сохранявшая приверженность либеральному принципу «открытых дверей» во время миграционного кризиса 2015–2016 гг., фактически руководствовалась прагматическим интересом к беженцам как демографическому, трудовому и даже интеллектуальному ресурсу (38 % сирийских беженцев, въехавших в Европу в тот период, имели высшее образование) [Betts *et al.* 2017].

Либеральный подход в миграционной политике и международных отношениях подвергся также серьезному испытанию во время кризиса 2020–2021 гг., связанного с пандемией COVID-19: многие страны ограничили свободу передвижения людей и ввели ограничения на трансграничную мобильность в качестве основной антипандемической меры. Это был не первый, но самый масштабный пример того, что либерализм как основа международных отношений уступает прагматизму в чрезвычайных обстоятельствах.

Если учесть перспективы развития миграционной ситуации в мире в ближайшие десятилетия, в частности увеличение масштабов международной миграции, часто спонтанной и неконтролируемой, связанной с климатическими причинами или вооруженными конфликтами, то приходится ожидать усиления прагматического направления в миграционной политике стран назначения мигрантов. Это означает большую закрытость границ, что при существенном миграционном давлении неизбежно приведет к росту масштабов незаконной миграции со всеми связанными с нею негативными последствиями, включая нелегальную переправку мигрантов через границы и торговлю людьми.

Тренд к ужесточению миграционной политики государств отмечен и в Докладе о миграции в мире, выпущенном ООН в 2022 г.: «Ограничительная политика, связанная с миграцией, такая как управление границами, требования въезда и ограничения на пребывание, стала более заметной во всем мире» [МОН... 2022]. Здесь речь идет не столько о миграции, ассоциирующейся с рисками чрезвычайных ситуаций, сколько о добровольной миграции, прежде всего миграции с целью трудоустройства. Развитые страны, испытывающие серьезные проблемы, связанные со старением населения и уменьшающейся численностью трудовых ресурсов, благожелательно воспринимают пополнение рабочей силы за счет иностранных работников, прагматично отбирая при этом наиболее востребованных.

Даже западные ученые и политики признают, что либеральный мировой порядок переживает кризис [Simmons, Goemans 2021; Fukuyama 2022]. Причина заключается, скорее всего, в несоответствии провозглашаемых ценностей реальной внешнеполитической практике западных идеологов либерализма. В сфере международной миграции это предложенные миру либеральные ценности Глобального договора по миграции 2018 г., вступающие в очевидное противоречие с построенной на границе между США и Мексикой стеной, сомнительными финансовыми сделками по беженцам между ЕС и Турцией, Ливией, Египтом, странами Магриба, вплетением конъюнктурных политических факторов в управление миграцией, в частности жестким ограничением выдачи шенгенских виз гражданам Российской Федерации в 2022 г. в ответ на украинский кризис, отсутствием солидарности между странами – членами ЕС по вопросам миграционной политики и т. д.

В последние годы мы стали свидетелями жестких столкновений либерального и протекционистского (антииммиграционного) направлений в миграционной политике целого ряда стран назначения мигрантов. Чего стоит пример США, где миграционная политика является предметом острой внутривнутриполитической борьбы между Республиканской и Демократической партиями и вектор миграционной политики радикально меняется при смене президента страны. Это фактически компрометирует саму идею последовательной, общеприемлемой и согласованной на многостороннем уровне системы управления международной миграцией. А такая мера, как строительство стены на границе между США и Мексикой, стала наглядным примером беспомощности миграционной политики и «цивилизованных» мер регулирования въезда иностранных граждан. В Европейском союзе миграционная риторика во многих странах стала водоразделом в предвыборных программах национальных политических партий и одновременно расколола ЕС по позициям стран в отношении притока мигрантов и беженцев.

Заглядывая в будущее, можно предположить, что на смену во многом идеалистическому либерализму придет прагматичный рациональный подход в управлении миграцией на национальном и международном уровнях, который будет способен гибко реагировать на возникающие вызовы и с большим мастерством обеспечивать сочетание интересов государств, обществ и мигрантов – то, что Элиот Коэн называет возвращением к «искусству управления государством» [Cohen 2022].

Смещение фокуса управления миграцией на региональный и национальный

Тот факт, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые на самом высоком международном уровне, острота глобальных миграционных проблем не снижается, приводит если не к разочарованию, то к скепсису в отношении того, что выстраиваемая глобальная модель управления миграцией может дать ключ к упорядочению миграционных потоков и введению мигрантов в русло легальной и безопасной миграции. На деле масштаб незаконной миграции в мире остается сопоставимым с потоком законных мигрантов; границы между незаконными мигрантами и беженцами остаются размытыми, что затрудняет защиту последних; жертвами торговли людьми являются, по оценкам, не менее 50 млн человек по всему миру, и это число растет [Global... 2024]. Даже легальные трудовые мигранты сталкиваются с дискриминацией, эксплуатацией и несоблюдением их прав, все чаще они оказываются вытесняемыми в сферу прекарной, то есть неформальной, незащи-

щенной, занятости с отсутствием трудовых и социальных гарантий [Standing 2011].

Острота миграционных кризисов в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке говорит о кризисе самой идеи разработки единых, признаваемых всеми странами миграционных правил и институтов, которые могли бы стать некой наднациональной моделью управления миграционными процессами.

В периоды нарастания политической напряженности и противостояния между странами даже давно согласованные формы межгосударственного взаимодействия для решения острых миграционных проблем оказываются отвергнутыми. Нормы международного права на деле оказываются аморфными договоренностями, которые можно применять или не применять в зависимости от политической конъюнктуры. Один пример. Казалось бы, международное право в отношении беженцев – это самая проработанная и выверенная временем часть международного права в сфере человеческой мобильности. В мире уже давно существует устоявшийся международный порядок, регулирующий деятельность государств, столкнувшихся с притоком беженцев. Среди прочего он предусматривает оказание таким государствам международной помощи по линии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международного комитета Красного Креста и других гуманитарных организаций. Однако Россия, которая испытала на себе приток сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев с Украины в середине 2010-х гг. в связи с военными действиями на Донбассе, оказалась фактически один на один с этой проблемой, не получая никакой помощи и поддержки от международных организаций.

При этом идеологи глобального управления миграционными процессами сетуют, что «пробуксовывание» наднациональной модели управления, увязанной с Целями устойчивого развития ООН, связано с тем, что она наталкивается на неприятие многими странами самой идеи передачи части суверенитета наднациональным, глобальным институтам. Это выражается в довольно агрессивной риторике, когда национальные границы называют «самым рудиментарным столпом суверенитета», а национальную идентичность – «атавистической социальной потребностью» [Sasnal 2018]. В контексте таких «дискуссий» миграционная тема политизируется: происходит явное столкновение позиций правых и левых политических партий, которое транслируется на внутривнутриполитическую ситуацию в странах, провоцируя ее неустойчивость.

На этом фоне в выстраивании международного политического взаимодействия в сфере управления миграцией происходит сдвиг в сторону развития сотрудничества на регионально-групповой основе. Миграционное взаимодействие стран в рамках региональных экономических интеграционных структур получило развитие уже в конце XX в. Там фокус взаимных интересов стран к миграции, особенно региональной трудовой миграции, является более отчетливым, а механизмы скоординированной миграционной политики между ограниченным числом стран проще согласовать (хотя опыт Европейского союза, нацеленного на максимальный уровень интеграции, подвергает это подчас сомнению). Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Общий рынок стран Южной Америки (MERCOSUR), Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA, переименованное в 2020 г. в USMCA), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) – в этих и других региональных объединениях вопросы передвижения трудовых ресурсов и борьбы с незаконной миграцией являются частью интеграционных

усилий. В общей сложности более 110 государств мира являются сейчас частью одной или нескольких многосторонних региональных интеграционных инициатив, в рамках которых регулируется перемещение трудовых мигрантов.

На *региональном* уровне управление миграцией в большей степени отвечает принципам взаимовыгодного прагматизма, поскольку именно на них выстраивается региональная интеграция. В Евразийском экономическом союзе, например, с учетом роли международной трудовой миграции для региона, свобода передвижения трудовых ресурсов является фактически ведущим фактором для развития других форм интеграции [Ивахнюк, Кузьмина 2017]. Именно на региональном уровне наиболее отчетливо проявляется взаимный интерес стран выезда и принимающих стран к участию в миграционных процессах, их поддержании и регулировании мерами согласованной миграционной политики. Более того, в региональном сотрудничестве происходит увеличение политического веса стран, которые раньше практически не участвовали в межнациональном управлении миграцией. Институциональное обеспечение регионального управления миграцией, как правило, достигается взаимодействием национальных министерств, вовлеченных в миграционную политику, а также региональными интеграционными структурами.

Уровень *двустороннего* сотрудничества между принимающими странами и странами выезда является во многих случаях наиболее «работающим», поскольку в каждом конкретном случае учитываются взаимные интересы обеих стран: страны выезда и страны въезда. На этом уровне межправительственные соглашения касаются режимов въезда и пребывания, допуска мигрантов на рынок труда, взаимного признания дипломов, социальной защиты, профессионального обучения, денежных переводов и т. д.

Миграционная политика, осуществляемая на *национальном* уровне, фактически находится на пересечении внутренней и внешней государственной политики. В принимающих странах в решение миграционных вопросов вовлечен целый ряд ведомств: Министерство внутренних дел, Министерство труда, образования, здравоохранения, Министерство иностранных дел, не говоря об ассоциациях работодателей, профсоюзах и других негосударственных игроках. Не всегда их интересы и позиции совпадают, поэтому даже на национальном уровне миграционная политика выстраивается на основе компромисса интересов вовлеченных сторон. В странах происхождения мигрантов миграционная политика сосредоточена преимущественно на обеспечении прав своих граждан, находящихся за рубежом, так что она изначально ориентирована на межгосударственный уровень.

В отличие от глобального уровня, управление миграцией на региональном, двустороннем и национальном уровнях характеризуется более отчетливой системой принятия решений и контроля за их выполнением, в том числе в «особых» ситуациях, когда миграционная ситуация быстро меняется. Это важно, учитывая стремительность и непредсказуемость развития современного мира, чреватое возникновением конфликтов и экологических бедствий, которые провоцируют перемещение больших масс людей через государственные границы.

Заключение

Кризис глобального управления миграцией является логической частью общего кризиса, переживаемого глобальным международным сотрудничеством на современном этапе. Он признается и Организацией Объединенных Наций: «Усиление конкуренции между государствами приводит к обострению геополитиче-

ской напряженности и рискует подорвать международное сотрудничество через такие многосторонние механизмы, как ООН... Мы живем в период, когда брошен вызов основным ценностям, лежащим в основе глобального управления...» [МОМ... 2022].

ООН теряет доверие как институт, способный обеспечить сплочение наций и купировать опасное развитие международных событий. Кризис вокруг Украины в 2022 г. превратил площадку ООН в арену конфронтации позиций стран по пониманию всей ценностной шкалы, закрепленной в выработанных за послевоенные годы международно-правовых документах, включая Устав ООН [Маргелов 2022]. Это – лишь одно из проявлений девальвации международного права и кризиса многосторонней дипломатии, которые оказывают влияние на всю систему международных отношений.

В 2025 г. Международная организация по миграции, координирующая на уровне ООН деятельность всех международных структур, вовлеченных в сферу управления миграцией, вынуждена была констатировать кризис глобальной системы управления миграцией. Генеральный директор МОМ Эми Поуп признала, что «устаревшая система, созданная после Второй мировой войны, неспособна справиться с современными гуманитарными потребностями, демографическими тенденциями или требованиями рынка труда» [Роу 2025]. Однако «план» создания новой системы сводится к предельно обтекаемым декларациям о необходимости «поддерживать развитие» в странах происхождения мигрантов и одновременно создавать «доступные и эффективные каналы» легальной иммиграции, так чтобы миграция была «выгодна для всех».

Но таких заявлений от ключевой структуры, возглавляющей всю архитектуру глобального управления миграционными процессами, явно недостаточно.

Прежде всего, важно прийти к единому пониманию самого концепта глобального управления миграцией. В настоящее время в политических дискуссиях и международных документах встречаются разные трактования. Если понимать глобальное управление миграцией как многоуровневый процесс, в котором обеспечивается согласованность действий управленческих институтов национального, двустороннего и регионального уровней на основе неких общечеловеческих, гуманных, обсуждаемых на глобальном уровне принципов, и поиск приемлемых компромиссов между игроками с разными интересами и приоритетами, то такое «управление» может способствовать выстраиванию более или менее сбалансированной глобальной модели, хотя в условиях критических ситуаций и массовых потоков беженцев она может отступать перед прагматичными действиями правительств. Если же понимать глобальное управление миграцией как институционализированный процесс наднационального менеджмента в сфере миграции, то, по тонкому определению В. С. Малахова, оно представляет собой не более чем *wishful thinking*, носителями которого являются прежде всего представители международной бюрократии, с одной стороны, и гражданские активисты – с другой [Малахов 2019].

В любом случае речь не идет о полном отказе от глобального уровня в управлении миграцией. Существуют миграционные проблемы, имеющие глобальный характер, – и у них могут быть только глобальные решения. Это миграции, связанные с изменениями климата, защита беженцев, борьба против транснациональных преступных группировок, специализирующихся на торговле людьми, и т. д. В этих сферах наработаны вполне разумные и согласованные на межгосударственном уровне решения, но то, как они будут реализовываться, во многом зависит

от того, как будут складываться в дальнейшем отношения между национальными государствами и наднациональными структурами.

Более того, если кризис глобального управления миграцией, в какой бы форме оно ни существовало, приведет к его полному разрушению, скажем, в случае крушения самого института ООН, это может быть очень опасным сценарием возникновения хаоса и столкновений между странами. Поэтому путь преодоления кризиса лежит в поиске компромиссов, новых путей взаимодействия и точек соприкосновения интересов участвующих в международной миграции государств и негосударственных субъектов.

В условиях взаимосвязанного, взаимозависимого мира управление международной миграцией непременно должно носить системный характер. Основным его принцип можно обозначить как «согласованная многосторонность».

Во-первых, это означает формирование единых, принимаемых как странами въезда, так и странами выезда подходов к пониманию возможностей управления миграционными процессами. Важно, чтобы диалог о миграции велся на одном языке и стороны не избегали обсуждения сложных проблем, по которым у них имеются существенные разногласия.

Во-вторых, придание нового импульса межгосударственному сотрудничеству в миграционной сфере путем конкретизации международных норм и гармонизации национальных законодательств.

В-третьих, построение двусторонней модели реализации прав человека с участием как принимающих мигрантов стран, так и стран их происхождения в качестве основы международного взаимодействия. Пересмотр международных конвенций в сторону усиления двустороннего подхода в обеспечении прав мигрантов мог бы повысить готовность принимающих стран к их подписанию и ратификации.

В-четвертых, согласованная многосторонность должна быть инклюзивной. Она уже не может сводиться только или даже в первую очередь к отношениям между государствами, но должна охватывать деловой сектор, гражданское общество и других негосударственных игроков.

Литература

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Полный текст. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

Доклад Генерального секретаря ООН «Миграция и развитие» 18 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/esa/population/migration/hld/Text/Report_of_theSG_June06_Russian.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Доклад Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие» 25 июля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/SG-report-Intl-Migration-and-Development-2013-A_68_190-RU.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Доклад Генерального секретаря ООН «В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов» 21 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://undocs.org/ru/A/70/59> (дата обращения: 20.12.2024).

Доклад Генерального секретаря ООН «Реализация целей миграции на благо всех» 12 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/sg_report_ru.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М. : МАКС Пресс, 2008.

Ивахнюк И. В., Кузьмина Е. М. Зачем нужен единый рынок труда в ЕАЭС? Аналитический доклад. М. : Центр изучения перспектив интеграции, 2017.

Малахов В. С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 89–96.

Маргелов М. Организация разьединенных наций и лабиринты концепции нового миропорядка [Электронный ресурс] : Российский совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/organizatsiya-razedi-nennykh-natsiy-i-labirinty-kontseptsii-novogo-miroporyadka/> (дата обращения: 25.12.2024).

МОМ – ООН Миграция / Доклад о миграции в мире 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (дата обращения: 20.12.2024).

Осипова Н. Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2015. № 4. С. 5–26.

Потемкина О. Ю. Глобальный договор о миграции – успех или провал? [Электронный ресурс] : *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyu-dogovor-o-migratsii-uspeh-ili-proval> (дата обращения: 25.12.2024).

Форум по рассмотрению проблем международной миграции, 2022, Нью-Йорк. Глобальный договор о миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/migration2022/global-compact-for-migration> (дата обращения: 28.12.2024).

Betts A. Introduction // *Global Migration Governance* / ed. by A. Betts. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Betts A., Muller L., Sterck O., Geervliet R. Talent Displaced. The Economic Lives of Syrian Refugees in Europe. Deloitte. Oxford : Refugee Studies Centre, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/talent-displaced-syrian-refugees-europe.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).

Bhagwati J. N. Borders beyond Control // *Foreign Affairs*. 2003. Vol. 82. January/February. Pp. 98–104.

Cohen E. A. The Return to Statecraft. Back to the Basics of the Post-American World [Электронный ресурс] : *Foreign Affairs*. 2022. May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-04-19/return-statecraft> (дата обращения: 13.01.2025).

Fukuyama F. A Country of Their Own. Liberalism Needs a Nation [Электронный ресурс] : *Foreign Affairs*. 2022. May-June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country> (дата обращения: 13.01.2025).

GCIM. Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Report of the Global Commission on International Migration 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/reference/research/gcim/2005/en/19053> (дата обращения: 28.12.2024).

Global Compact for Migration 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Global_Compact_for_Migration (дата обращения: 15.01.2025).

Global Slavery Index 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/global-slavery-index-by-country> (дата обращения: 15.01.2025).

GMPA. Ratification of International Conventions on Migration Governance / Migrants Rights. As of 26 November 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalmigrationpolicy.org/articles/intStandards/Ratifications%20%20migration%20governance-migrants%20rights%20Conventions%20at%2026Nov23.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

ILO Global Estimates on International Migrant Workers [Электронный ресурс] : International Labor Organization. 2024. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-12/MIGRANT%20-%20ILO%20Global%20Estimates%20on%20International%20Migrant%20Workers_ES_E_WEB_0.pdf (дата обращения: 28.12.2024).

International Migration Law. Glossary on Migration [Электронный ресурс] : ИОМ – UN Migration. 2019. URL: <https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration> (дата обращения: 20.12.2024).

Managing Migration: Time for a New International Regime? / ed. by B. Ghosh. Oxford : Oxford University Press, 2001.

Pope A. Migration Can Work for All. A Plan for Replacing a Broken Global System [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2025. January/February. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/migration-can-work-all> (дата обращения: 21.03.2025).

Research Handbook on the Institutions of Global Migration Governance / ed. by A. Pécoud, H. Thiollet. Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2023.

Rosenau J. Governance in the 21st Century // Global Governance. 1995. Vol. 1. No. 1. Pp. 16–47.

Rother S. A Global Compact for Migration from Below? The Role of Migrant Civil Society // Newsletter of the American Political Science Association's Organized Section on Migration and Citizenship. 2020. Vol. 7(2). Pp. 16–20.

Rother S., Steinhilper E. Tokens or Stakeholders in Global Migration Governance? The Role of Affected Communities and Civil Society in the Global Compacts on Migration and Refugees // International Migration. 2019. Vol. 57(6). DOI: 10.1111/imig.12646.

Ruggie J. G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. London : Routledge, 1998.

Sasnal P. Domesticating the Giant: The Global Governance of Migration [Электронный ресурс] : Council on Foreign Relations. 2018. June 18. URL: <https://www.cfr.org/report/domesticating-giant-global-governance-migration> (дата обращения: 11.01.2025).

Simmons B. A., Goemans H. E. Built on Borders: Tensions with the Institution Liberalism (Thought It) Left Behind // International Organization. 2021. Vol. 75. No. 2. Challenges to the Liberal International Order. Pp. 387–410.

Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. London : Bloomsbury Academic, 2011.

Tillerson R. W. U.S. Ends Participation in the Global Compact on Migration. Press Statement. Washington, DC, 2017.

Triandafyllidou A. The Global Governance of Migration. Towards a “Messy” Approach // International Migration. 2021. Vol. 60(4). Pp. 19–27.

UNHCR Refugee Data. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> (дата обращения 11.01.2025)

World Migration Report [Электронный ресурс] : ИОМ – UN Migration. 2024. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения 25.12.2024).

О ЦИВИЛИЗАЦИЯХ И СТРАНЕ-ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Гринин А. Л.**

В последнее время в политический дискурс все активнее входят понятия «цивилизация», «цивилизационные проекты» и т. п. Это связано с усилением противостояния в мире, активизацией борьбы за новый мировой порядок на фоне ослабления гегемонии США и Запада, а также усилением идеологического противостояния в период реконфигурации Мир-Системы. Однако понятия «цивилизация» и тем более «страна-цивилизация» все еще недостаточно разработаны в научном плане. В статье рассматриваются разные подходы к терминам, связанным с цивилизациями, и дается их авторское видение на фоне геополитических задач РФ.

Ключевые слова: цивилизация, страна-цивилизация, столкновение цивилизаций, диалог цивилизаций, Россия, цивилизационный проект, идеология.

ON CIVILIZATIONS AND STATE-CIVILIZATION

Recently, the concepts of “civilization”, “civilization projects”, etc. have increasingly entered the political discourse. This is due to the intensification of confrontation in the world, the intensification of the struggle for a new world order against the background of the weakening hegemony of the United States and the West, as well as the intensification of ideological confrontation in the period of re-configuration of the World System. However, the concept of civilization and especially the concept of state-civilization are still underdeveloped in academic terms. The article examines different approaches to the concepts related to civilizations and presents the author’s vision of them against the background of the geopolitical tasks for the Russian Federation.

Keywords: civilization, state-civilization, clash of civilizations, dialogue of civilizations, Russia, civilizational project, ideology.

Введение. Цивилизационный дискурс в современном геополитическом контексте

В последнее время в СМИ, в заявлениях государственных деятелей (вплоть до первых лиц страны), посвященных анализу современной ситуации в мире, все чаще

* Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-Ш05-12 «Цивилизации как объект математического моделирования».

Для цитирования: Гринин А. Л. О цивилизациях и стране-цивилизации // Век глобализации. 2025. № 2. С. 37–44. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.03.

For citation: Grinin A. L. On Civilizations and State-Civilization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 37–44. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.03 (in Russian).

** Гринин Антон Леонидович – к. б. н., н. с. МГУ имени М. В. Ломоносова, г. н. с. Международного центра образования и социально-гуманитарных исследований. E-mail: algrinin@gmail.com.

Anton L. Grinin – Ph.D. in Biology, Research Fellow at Lomonosov Moscow State University, Senior Research Fellow at the International Center for Education and Social and Humanitarian Studies. E-mail: algrinin@gmail.com.

звучат слова «цивилизация», «цивилизационный конфликт», «коллективный Запад» (как собирательный образ стран, принадлежащих к западной цивилизации), «цивилизационные ценности», «цивилизационный/культурный код» и т. п. Более того, слово «цивилизация» весной 2023 г. впервые вошло в качестве важного термина в государственный документ стратегического уровня – Концепцию внешней политики Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ 31 марта 2023 г.), где в п. 4 сказано: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи... определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации...» [Указ... 2023].

Такое внимание к цивилизационной тематике обусловлено тем, что в эпоху глобализации роль основных геополитических акторов переходит от национальных государств к более крупным игрокам – наднациональным объединениям и союзам, скрепой в которых является в том числе общая цивилизационная принадлежность. В результате взаимодействия этих акторов во многом станет формироваться будущее общество [Преодолева... 2024: 13, 15; Яковец 2021].

В связи с тем, что обострилась борьба за российский суверенитет и в целом за новый мировой порядок и место в нем, в настоящий момент президентом и в целом политическим классом была выдвинута концепция «Россия – государство-цивилизация». Думается, в качестве синонима можно использовать выражение «Россия – страна-цивилизация», так как страна может быть рассмотрена как более широкое понятие, чем государство, четко определенное границами. Слово *страна* может включать в себя и русский мир в сопредельных государствах, так как в них проживает много этнических русских или людей, ассоциирующих себя с Россией.

Но данная концепция в научном плане недостаточно разработана, пока она представляет собой не столько развитую концепцию, сколько определенный важный посыл. И, соответственно, задача научного сообщества России – активно разрабатывать эту концепцию¹.

Это важно потому, что данные идея, лозунг, посыл и т. п. будут: а) внедряться в российскую политику и практику; б) влиять на планирование и развитие различных направлений. В частности, это предполагает всемерное развитие как технологий, так и демографической политики, поскольку страна-цивилизация должна быть достаточно сильной и сохранять традиционные ценности, в частности семью. Но как можно сохранять семью, если браки распадаются, а детей становится все меньше? Россия-цивилизация – это сильная нация, у которой экономика, социальная сфера, технология, демография находятся в хорошем состоянии и развиваются в положительном направлении.

Наконец, эта концепция будет одним из важных факторов влияния РФ на формирование нового мирового порядка, основанного на более справедливых принципах. И это не только лозунг, с учетом того, что США и западные страны пропагандируют крайне ущербную и ведущую к социально-демографическому кризису идеологию гендеров, однополых семей, калечения детей путем трансгендерных трансформаций и операций и нарушают социальное равенство путем принижения большинства в пользу агрессивных, малопроизводящих и разрушающих единство общества меньшинств. О роли для России новой идеологии в процессе укрепления ее позиций на мировой арене, в процессе выдвижения ее

¹ Анализ этой концепции и ее сложностей см.: [Наумкин 2020; 2022; Феофанов 2024]; критику: [Dorsey 2019].

в группу стран, которые будут формировать основы нового мирового порядка, см.: [Гринин 2024; 20256].

В частности, в этих работах мы среди условий для того, **чтобы России выйти в лидеры Мир-Системы**, указывали, что **нужно систематически работать над идеологией, которая бы одинаково подходила и к национальной идее, и к движению в сторону унификации человечества**. У России есть две важные основы для выработки такого мировоззрения: 1) стремление к тому, чтобы оказаться примером для других обществ²; 2) традиции интернационализма. Сегодня очень многие увлеклись идеей противостояния России и Запада, самой сущностью конфликта. В краткосрочной перспективе это очень важно, так как сплачивает общество [см., например: Сеницына 2025]. Но не менее важно, а в более дальней перспективе – даже важнее найти то, что Россия сможет предложить миру, кроме некоторых важных консервативных ценностей (охраны семьи, брака и пр.). Нужно иметь в виду, что патриотизма абсолютно недостаточно для мировой повестки дня³. Напротив, патриотизм как противопоставление всемирному не может работать⁴, что превосходно демонстрирует сегодня Д. Трамп. Советский Союз имел что предложить миру, но эти идеи оказались несостоятельными, или, точнее сказать, сильно преждевременными (сегодня идеи социализма поднялись на Западе и имеют неожиданный ренессанс), и, если можно так сказать, упакованными в слишком грубую обертку. Если Россия предложит миру развернутую идеологию, интересную для многих стран, то ее авторитет повысится.

Здесь кстати отметить, что в отношении движения к будущему миропорядку имеется сходство во взглядах российских и китайских исследователей, которые сходятся во мнении о необходимости нового мировоззрения, которое станет настоящим всеобъемлющим для всего человечества и позволит сформировать более справедливый мировой порядок [Карпович, Вильчинский 2022]. Однако, к сожалению, ни одна из этих держав пока не представила даже серьезного наброска такого мировоззрения, кроме набора общих слоганов.

О понятии цивилизации

Для того чтобы определиться с понятием «страна-цивилизация», стоит начать с определения цивилизации. С одной стороны, таких определений много, с другой – никакого единства в их понимании до сих пор нет. В данном случае нет смысла приводить различные определения⁵. Имеет смысл взять рабочее определение цивилизации. Думается, что определение Л. Е. Гринина вполне для этого подходит [Гринин 1998]. **Цивилизация – «это особый тип пространственно-временных группировок обществ на определенных стадиях исторического развития человечества, которые выделяются прежде всего по культурно-идеологиче-**

² Предшествовавшие, аналогичные по типу идеологии, хотя и не были успешными, но заложили определенную готовность нашего народа к такой миссии. Это православно-христианская идея народа-богоносца, активно развиваемая монархией, церковью и русской философией, и идея авангарда мира, которая была очень важной в период СССР, а также панславизм.

³ Разумеется, патриотизм исключительно важен для сплочения населения, поднятия духа нации, воспитания молодежи (о последнем см., например: [Андреев и др. 2016]).

⁴ И поэтому лозунг трампистов «Сделаем Америку снова великой» – чисто внутриамериканский. Он никак не может привлечь другие страны, тем более страны Глобального Юга. Напротив, такой лозунг лишь оттолкнет многие страны от США и усилит антиамериканизм.

⁵ См. об этом и в целом о цивилизационном подходе к исследованию: [Гринин 1998; Гринин, Коротаев 2009; Хантингтон 2003; Сравнительное... 1998; Следзевский 1997].

ским признакам и характеризуются значительной устойчивостью и длительностью существования. Цивилизации имеют большие особенности в духовном и культурном плане, в них складываются неповторимые и устойчивые черты образа жизни, мышления, стереотипы и образцы для подражания»⁶. Вообще хотим отметить, что выступления на круглом столе о цивилизации [Чумаков и др. 2024], особенно А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина, С. Ю. Малкова, А. В. Коротаева, А. И. Андреева, дают многое для понимания этой категории и направлений работы с ней.

Здесь важно подчеркнуть, что цивилизации имеют место на **определенных стадиях исторического развития человечества, то есть на разных стадиях. А соответственно, их черты будут во многом зависеть от технологического, научного, образовательного и иного уровня развития на каждом этапе.** Это принципиально, чтобы не путать цивилизации древности и Средневековья с идеей современной страны-цивилизации⁷.

Л. Е. Гринин справедливо указывает, что понятие «идеология» необходимо трактовать для описания цивилизаций возможно шире, как некие принципы объяснения мира, общие мировоззренческие, гносеологические и этические посылки [Гринин 1998]. Это достаточно хорошо вписывается в современные реалии России, где национальная идея еще не полностью разработана [подробнее см.: Гринин 2025б: Заключение]. Стоит только добавить, что идеология также предполагает важные (судьбоносные) объяснения единства общества и цивилизации. В данном случае концепция того, что русский язык – государствообразующий в РФ, дополняет сказанное в отношении многонациональной России.

Исторические типы развития цивилизаций

Что касается периодизации развития цивилизаций, Л. Е. Гринин выделял три стадии (и четвертую – переходную от доцивилизационного состояния) в зависимости от их размера и зрелости [Гринин 1998: 125]. Это первичные и локальные цивилизации; вторичные (региональные); третичные, связанные с мировыми религиями (мы бы назвали их крупнорегиональными). В XVI–XVII вв. в связи с Реформацией, по его мнению, европейская христианская цивилизация вступила в стадию сверхзрелости, формы, а потом в стадию надлома. И хотя развитие христианской цивилизации продолжалось еще длительное время (XVII–XIX вв.), но это было уже развитие по нисходящей линии, тем более что оно касалось прежде всего католической части Европы, подтягивающейся в описанном выше плане к протестантской [Гринин 1998: 133, 134]. XX и XXI столетия окончательно низвели роль христианской религии до служанки политики. Сегодня мы наблюдаем полное унижение христианства, когда введены однополые браки с регистрацией в церквях, открытые гомосексуалисты не просто допускаются в церкви (государство заставило церковь сделать это под страхом наказания), но и могут быть возведены в высокий церковный сан вплоть до епископа. Остается только ждать, когда представитель ЛГБТ+⁸ станет римским папой.

⁶ См. также наше выступление на круглом столе в 2024 г.: [Чумаков и др. 2024].

⁷ О связи научно-технической активности и жизненного цикла цивилизаций см. нашу общую статью: [Коротаев и др. 2025].

⁸ Международное движение ЛГБТ признано экстремистской организацией Верховным судом РФ, его деятельность на территории России запрещена.

Однако, поскольку Л. Е. Гринин делал эту периодизацию до того, как он разработал концепцию развития государственности, нам кажется, что было бы продуктивнее связать периодизацию цивилизаций с его же периодизацией развития государственности: **ранние государства** (непрочные, представлены в древности и в Средние века) – **развитые государства** (централизованные государства позднего Средневековья и Нового времени) – **зрелые государства** (индустриальные государства с формирующимися и сформировавшимися нациями) – **надгосударственные образования** с движением к мировым (современная и будущая эпохи) [см. подробнее: Гринин 2020а; 2020б; Grinin 2008; 2017]. Цивилизации всегда были связаны не только с культурно-идеологическими основами, но и с основами государственности. Это был всегда сложный синтез и симбиоз.

Таким образом, на основе вышесказанного мы могли бы предложить предварительную концепцию исторических типов цивилизаций, или периодизации цивилизаций. Эта периодизация базируется на уровне развития государственности, поскольку несомненно, что, во-первых, появление ранних государств и цивилизаций было вызвано общими причинами и обе эти формы организации обществ были тесно связаны. Во-вторых, наблюдается синергия, рост государственности дает толчок для цивилизации, и наоборот, рост культуры, идеологии, цивилизации способствует развитию государственности, как это было, например, с мировыми религиями⁹.

Мы предлагаем выделить:

- 1) *раннегосударственные цивилизации* древности, основанные на языческих религиях;
- 2) *раннегосударственные цивилизации, основанные на мировых религиях*;
- 3) *развитогосударственные цивилизации* позднего Средневековья и раннего Нового времени, основанные на мировых религиях, частью реформированных религиях;
- 4) *зрелогосударственные цивилизации* позднего Нового и Новейшего времени, которые могли использовать религиозную составляющую, но в XX в. начинают формироваться на основе уже светских идеологий;
- 5) *цивилизации надгосударственной эпохи и мир-организма*, которые объединяются на основе комбинированных идеологий (национально-культурных, культурно-религиозных, мир-системных и др.), которые в известной мере можно назвать постцивилизациями¹⁰.

Начало борьбы цивилизационных проектов

Когда С. Хантингтон писал о столкновении цивилизаций [Huntington 1996; Хантингтон 2003], он имел в виду непосредственные столкновения в рамках отдельных стран или между крупными блоками стран, связанными культурно-идеологическими узами. Однако сегодня можно говорить о столкновении цивилизационных идей даже в более активном плане.

Небезынтересно, что ряд западных политологов в ситуации ослабления позиций Запада начинают обращаться к цивилизационной тематике. Так, например,

⁹ См. также наше выступление на круглом столе в 2024 г.: [Чумаков и др. 2024].

¹⁰ Подробнее об этих типах см.: [Гринин 2025а; 2025б]. О понятии «мир-организм», разработанном С. Ю. Малковым, в том числе в связи с цивилизациями, см.: [Malkov et al. 2023; Малков 2019].

Дж. Коткин призывает к внутренней консолидации США, для того чтобы противостоять растущему китайскому цивилизационному влиянию, а также другим процессам в Азии и иных регионах [Kotkin 2024]. Далее Коткин пишет, что все происходящее следует схеме, изложенной в книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка», в которой предсказывается подъем «реваншистских» держав, стремящихся вернуть себе прошлое величие. Самым сильным и упорным борцом на этой арене, согласно Хантингтону, будет Китай, заявленная цель которого – стать ведущей мировой сверхдержавой к 2050 г. Этот автор даже говорит о грядущей цивилизационной войне. Р. Дреер отмечает, что правящие и культурные элиты Запада извратили все ценности западной цивилизации, а их одержимость проблемами ЛГБТ является признаком распада цивилизации [Dreher 2024]. В итоге мы видим начало распада западной цивилизации. В то же время китайский обозреватель Ван Ивэй пишет о Шанхайской организации, что она стала моделью международной организации нового типа, способствующей формированию международных отношений и Сообщества единой судьбы человечества [Yiwei Wang 2024]. В еще большей степени это относится к БРИКС+.

Чешский автор К. Струга пишет, что, по его мнению, «война» между цивилизациями с разными ценностями, которую предсказывал С. Хантингтон, возвращается [Струга 2024]. Он озабочен тем, что западное цивилизационное пространство утратило чувство самосохранения, полагая, что достаточно экспортировать в другие страны капитализм и демократические «премудрости», чтобы постепенно изменить эти страны по своему образу и подобию. Он призывает понять, что сегодня мы боремся за спасение того, что делает западную цивилизацию западной, при этом справедливо отмечая, что Китай и Россия хотят продвинуть свои модели. Характерно, что его статья называется «Война цивилизаций, когда на кону – власть», то есть этот автор достаточно четко (и в целом верно) связывает цивилизационные проекты, их притягательность и возможность влиять на мировой порядок.

Таким образом, борьба цивилизационных проектов начинает играть важную роль в борьбе за новый мировой порядок.

Завершить эту статью мы хотим следующей мыслью. В рамках разработки и внедрения новых принципов мирового порядка имеет смысл обратиться к цивилизационной тематике и предложить свой цивилизационный проект. Но тут следует сделать пояснение. Идея, что будущий мировой порядок должен основываться на цивилизационной парадигме, – это неверный подход. Не потому, что учет цивилизационных основ не должен иметь место. Напротив. Но потому, что, развивая свои цивилизационные особенности, нельзя их консервировать, тем более стремиться к охранительству и замыканию в традициях предшествующих веков (а таких предложений много [см., например: Демурин 2006]). Жизнь меняется. Нельзя же полагать, что ислам не будет меняться, эта религия очень разная. Российский исламский взгляд, в частности, намного более приближен к западной модели, чем ближневосточный исламский. И трайбалистские представления в Африке и других регионах не будут оставаться неизменными. Сохраняя определенные цивилизационные и культурные основы, культурную и национальную идентичность, мы, россияне, должны стремиться к культурному росту и наднационального, и надблокового уровня к мировому, мир-системному. Цивилизационный проект должен быть постцивилизационным, учитывать особенности культур, но призывать двигаться к постепенному и осторожному их сближению.

Литература

- Андреев А. И., Малкова Е. В., Яцкевич Ю. Ю. Патриотизм в России: молодежный аспект в условиях меняющейся идентичности // Вестник российской нации. 2016. № 1(46). С. 108–123.
- Гринин А. Л. Движение к новому мировому порядку и возможности России // Философия и общество. 2024. № 4. С. 49–71. DOI: 10.30884/jfio/2024.04.04.
- Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок в демографическом аспекте // Политическая наука. 2025а. № 1. С. 50–76.
- Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025б.
- Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 6. Понятие цивилизации в рамках теории исторического процесса. § 1–4 // Философия и общество. 1998. № 2. С. 46–129.
- Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М. : URSS, 2020а.
- Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. М. : URSS, 2020б.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. С. 10–15.
- Демури́н М. Конфликт цивилизаций: исчезновение или возрождение России? [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konflikt-czivilizacij-ischeznovenie-ili-vozhrozhdenie-rossii/> (дата обращения: 12.11.2024).
- Карпович О., Вильчинский А. О современном миропорядке [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2022. 18 января. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33293> (дата обращения: 12.11.2024).
- Коротаев А. В., Гринин А. Л., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Белоусова А. М. Изменение научно-технической активности в процессе жизненного цикла разных цивилизаций. Предварительный сравнительный анализ шести цивилизаций с древнейших времен до Нового времени // Философия и общество. 2025. № 1. С. 5–41. DOI: 10.30884/jfio/2025.01.01.
- Малков С. Ю. Гл. 21. От мир-системы к мир-организму: результаты моделирования социально-политической эволюции // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе / под ред. Л. Е. Гринина. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2019.
- Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.
- Наумкин В. В. К вопросу о «государствах-цивилизациях» // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения 9–10 июня 2022 года. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 143–145.
- Преодолевая пределы роста. Доклад Римскому клубу / под ред. В. А. Садовниченко, А. А. Акаева, И. В. Ильина, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева. М. : МГУ, 2024.
- Синицина А. В. Измерение и моделирование эффекта сплочения в русскоязычных социальных медиа после начала СВО: анализ социальных мотиваций // Политическая наука. 2025. № 1. С. 203–218. DOI: 10.31249/poln/2025.01.09.

Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // *Цивилизации* / под ред. А. О. Чубарьяна. Вып. 4. М. : МАЛП, 1997. С. 7–19.

Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б. С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1998.

Струга К. Война цивилизаций, когда на кону – власть. Где у Запада чувство самосохранения? [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2024. 25 июня. URL: https://inosmi.ru/20240625/voyna_tsivilizatsiy-269311199.html (дата обращения: 01.11.2024).

Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 2023. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 23.06.2024).

Феофанов К. А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 4. С. 122–135. DOI: 10.31249/kgt/2024.04.08.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чумаков А. Н., Гринин Л. Е., Малков С. Ю. и др. Цивилизация как объект междисциплинарного исследования (материалы круглого стола) // *Век глобализации*. 2024. № 3. С. 40–57. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.04.

Яковец Ю. В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М. : МИСК – ИНЭС, 2021.

Dorsey J. M. Civilisationalism: Ignoring Early Warning Signs at One's Peril. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/333565194_Civilisationalism_Ignoring_early_warning_signs_at_one's_peril (дата обращения: 02.11.2024).

Dreher R. A Civilizational Suicide Note on the Seine [Электронный ресурс] : *The European Conservative*. 2024. July 29. URL: <https://europeanconservative.com/articles/commentary/a-civilizational-suicide-note-on-the-seine/> (дата обращения: 12.08.2024).

Grinin L. Complex Chiefdoms: Precursor of the State or Its Analogue? // *Chiefdoms: Yesterday and Today* / ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, NY : Eliot Werner Publications, Inc., 2017. Pp. 195–232.

Grinin L. E. Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence // *Social Evolution & History*. 2008. Vol. 7. No. 1. Pp. 67–81.

Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon & Schuster, 1996.

Kotkin J. The Coming War of Civilizations. America's Decline is not Irreversible. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://americanmind.org/salvo/the-coming-war-of-civilizations/> (дата обращения: 15.08.2024).

Malkov S., Grinin L., Grinin A., Musieva J., Korotayev A. Modeling Social Self-Organization and Historical Dynamics. *Global Phase Transitions* // *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome* / ed. by V. Sadovnichy, A. Akayev, I. Ilyin, S. Malkov, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2023. Pp. 309–335.

Yiwei Wang. Shanghai Spirit Ushers in New Chapter of Shared Future for Humanity [Электронный ресурс] : CGTN. 2024. July 2. URL: <https://news.cgtn.com/news/2024-07-02/Shanghai-Spirit-ushers-in-new-chapter-of-shared-future-for-humanity-1uTPpFt4aEo/p.html> (дата обращения: 01.11.2024).

О ГЛОБАЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА *

Мясников А. Г., Мясникова Т. А. **

В статье рассматриваются проблемы кантовской практической философии в контексте современных глобализационных процессов. Сегодняшняя актуальность этих проблем обусловлена универсальным характером морально-правового учения Канта и взаимодополнительностью моральных и прагматических интересов, что нередко упускается из виду многими интерпретаторами. В статье представлен рационально-критический анализ типичных идеалистических трактовок кантовской морально-практической философии, принимаемых в качестве оснований для решения глобальных проблем. Также даются комментарии к современным догматическим оценкам кантовской практической философии, которые являются идеологически предвзятыми и ненаучными суждениями. Выявлены конструктивные основания взаимодополнительности моральных и прагматических интересов людей, разумное согласование которых является необходимым условием формирования справедливого миропорядка и роста степеней свободы. Эти основания представлены в базовых формулировках категорического императива (универсализации и персонализации максим) и требуют системной философской рефлексии, позволяющей ясно увидеть взаимосвязанный характер моральных и прагматических интересов человека в масштабе общечеловеческой правовой организации социальной жизни. Важное практическое значение имеет кантовское учение о постепенном выходе человека и всего человечества из состояния «несовершеннолетия», которое предполагает продвижение человечества к высшим степеням свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой.

* **Для цитирования:** Мясников А. Г., Мясникова Т. А. О глобальном потенциале практической философии И. Канта // Век глобализации. 2025. № 2. С. 45–57. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.04.

For citation: Myasnikov A. G., Myasnikova T. A. On the Global Potential of I. Kant's Practical Philosophy // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 45–57. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.04 (in Russian).

** Мясников Андрей Геннадьевич – д. ф. н., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Пензенского государственного университета, профессор кафедры управления Московского университета им. С. Ю. Витте, филиал в г. Пенза. E-mail: myasnikov-g@mail.ru.

Andrey G. Myasnikov – Dr. Phil., Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Penza State University, Professor of the Department of Management, S. Yu. Witte Moscow University, Penza Branch. E-mail: myasnikov-g@mail.ru.

Мясникова Татьяна Андреевна – аспирант Школы философии и культурологии, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии НИУ ВШЭ. E-mail: tamyasnikova777@gmail.com.

Tatiana A. Myasnikova – postgraduate student of the School of Philosophy and Cultural Studies, research intern at the Research and Training Laboratory of Transcendental Philosophy of the HSE University. E-mail: tamyasnikova777@gmail.com.

Ключевые слова: практическая философия Канта, моральные и прагматические интересы, глобализация, категорический императив, степени свободы, выход из несовершеннолетия.

ON THE GLOBAL POTENTIAL OF I. KANT'S PRACTICAL PHILOSOPHY

The article considers the problems of Kantian practical philosophy in the context of modern globalization processes. The current relevance of these problems is due to the universal character of Kant's moral-legal doctrine, and the complementarity of moral and pragmatic interests, which is often overlooked by many interpreters. The article presents a rational-critical analysis of typical idealistic interpretations of Kant's moral-practical philosophy, which are accepted as grounds for solving global problems. Comments are also made on modern dogmatic assessments of Kantian practical philosophy, which are ideologically biased and not scientific judgments. Constructive bases of complementarity of moral and pragmatic interests of people, reasonable harmonization of which is a necessary condition for the formation of a just world order and growth of degrees of freedom, are revealed. These bases are presented in the basic formulations of the categorical imperative (universalization and personalization of maxims) and require systematic philosophical reflection, which makes it possible to clearly see the interrelated nature of moral and pragmatic interests of a person on the scale of universal legal organization of social life. The Kantian doctrine of the gradual emergence of man and all mankind from the state of "imperfection" is of great practical significance, which implies the advancement of mankind to the highest degrees of freedom – political, moral-religious and creative.

Keywords: Kant's practical philosophy, moral and pragmatic interests, globalization, categorical imperative, degrees of freedom, coming out of imperfection.

Введение

Эпоха современного мирового гибридного кризиса требует переоценки многих ценностей, норм и правил, которые обнаружили свою несостоятельность или ограниченность в начале XXI в. Для многих исследователей и общественных деятелей стало очевидным, что сложившаяся модель однополярного мира обнаружила свою агрессивность и эксплуататорскую сущность, что вызывает большое неодобрение в подчиненных, догоняющих обществах [Мартин, Шуман 2001; Никонен 2015; Чумаков 2019]. Вместе с тем формирующаяся цивилизационная модель многополярного мира является сложной и хрупкой, предполагающей утопическое состояние множества равнозначных геополитических субъектов [Куманьков 2020; Винокуров 2002]. Для преодоления очередного глобального кризиса возникает потребность в общезначимых принципах и нормах, способных разумно и справедливо согласовать основные интересы человеческих сообществ, государств, и тем самым установить четкие ориентиры для дальнейшего развития всего человечества.

Мы согласны с тем, что процесс глобализации трудно остановить, так как новые информационные и другие коммуникативные технологии делают свое интегративное дело, несмотря на временные отступления, военно-политические конфликты и ограничения и локализации интересов. Человечество продолжит взаимовыгодное сближение по всем сферам жизнедеятельности, а это значит, что

нужно будет выработать надежные и понятные механизмы взаимодействия, регулирования спорных вопросов, а также способы решения конфликтных ситуаций. Для этого мы вновь обращаемся к наследию великого философа Иммануила Канта, а именно обращаем внимание на глобалистский потенциал его морально-правового учения, являющегося ядром его практической философии. Именно этот потенциал может стать идейно-смысловой основой для совершенствования геополитического порядка [Гайзман 2003; Höffe 2010; Саликов 2013]. При этом нужно обратить внимание на то, что многие современные обращения к практической философии И. Канта оказываются недостаточно корректными, нередко произвольными и поверхностными интерпретациями, которые искажают существо кантовского подхода и тем самым порождают искаженные и даже ложные представления об условиях мировой интеграции человечества.

Рассмотрим некоторые из таких интерпретаций, чтобы затем подойти к собственно кантовскому научному учению, объясняющему процесс глобализации человечества.

О некоторых современных идеалистических попытках актуализации морально-политического наследия И. Канта на постсоветском пространстве

В начале XXI в. многие постсоветские философы и политологи обращаются к морально-правовой концепции Канта и пытаются найти в ней ответы на актуальные вопросы современности. При этом многие трактовки кантовской практической философии оказываются очень произвольными и нередко искажают ее глубоко цельное и системное содержание. Так, на постсоветском интеллектуальном пространстве можно нередко встретить идеалистические, поверхностные толкования кантовской философии, которые притягиваются к логике решения глобальных проблем человечества.

Одна из таких типичных трактовок представлена в статье известного казахского философа, недавно ушедшего из жизни, А. Н. Нысанбаева (одного из главных идеологов бывшего президента Казахстана Н. Назарбаева) под названием «Становление глобальной этики взаимопонимания» [Нысанбаев 2017]. В этой программной статье автор справедливо отмечает растущие противоречия в современном мире и усиление ценностно-мировоззренческих конфликтов, но при этом не раскрывает их причины и как бы чисто феноменологически описывает их опасность для нашего общего будущего. И тут же предлагает готовый философский рецепт для преодоления всех бед – *толерантность, или взаимное признание*. По мнению А. Н. Нысанбаева, толерантность является той духовно-нравственной ценностью, которая сможет объединить эгоистическое человечество в одну большую дружную семью. Это красиво в воображении, но практический разум, по Канту, требует множества уточнений и конкретизаций, чтобы не впасть в романтический и наивный идеализм. Например, непонятно, что именно подразумевает философ под «толерантностью», а главное, каковы механизмы и основания реализации этого практического принципа. Если люди разные, хотят разного, верят по-разному и нередко противны друг другу, что позволит им признавать друг друга равнодостоинными, равноправными и заслуживающими уважения? Некая абстрактная сила любви, которая сама очень избирательна, или некое духовно-мистическое озарение, которое вдруг снизойдет одновременно на всех землян, преобразит нашу природу и сделает нас ангелоподобными существами, у которых будут одинаковые ценности и смыслы? Вряд такое чудо произойдет.

Жизненный опыт и здравый смысл большинства людей подсказывает, что взаимное признание людей обычно основано на равной силе и примерно равном могуществе, то есть на сознании того, что другой не слабее тебя, и его не нужно обижать, иначе он сможет защитить свои интересы, свое достоинство и свои права, в том числе и с оружием в руках. Или же признание другого равнодостоинным основывается на потребности в его умениях, знаниях, ресурсах. Очевидно, что разные люди не будут просто так, безосновательно признавать друг друга равными по достоинству, возможностям и правам. Для этого признания нужны четкие основания, и вот о них-то А. Н. Нысанбаев умалчивает, полагая, что люди как-то сами, по велению внутреннего голоса, придут к желаемому взаимоуважению и взаимному признанию, то есть толерантность как-то сама собой восторжествует на нашей планете. Наверное, примерно так же представляли советские идеологи «неизбежное наступление коммунизма».

Реальная жизнь показывает всем нам, что разнообразие людей и их убеждений внутренне разделяет сами общества и страны на более сильные, развитые, на более знающие и способные к созиданию нового, и менее способные, мало знающие, невежественные и отстающие в развитии своих технических, прагматических и моральных способностей [Hincke 1980]. Эти различия существенны и являются серьезными объективными препятствиями для взаимного признания. Чтобы встать наравне, нужно сначала догнать более сильных, стать реальным конкурентом, чтобы тебя начали признавать равнодостоинным лицом. А если человек или общество неконкурентоспособно, то его будут использовать в качестве дешевой рабочей силы, слуги или подмастерья (то есть в качестве средства), потому что материально-экономические интересы людей первичны, и, к сожалению, А. Н. Нысанбаев об этом тоже умалчивает. И не просто умалчивает, а как бы перемещает эти жизненно важные интересы на задний план и выдвигает на первый план *духовно-нравственную сущность человека*.

Является ли сущность человека только духовно-нравственной? Конечно, нет. Сам язык говорит нам, что духовно-нравственные начала, а, по Канту, – моральные задатки, составляют необходимую часть человеческой сущности, но далеко не всю. Необходимо видеть в человеке первичность материального, телесного начала, его природные силы и потребности, и также существенными качествами человека являются его технические и прагматические способности, которые должны быть раскрыты в земной жизни. Сама история показывает, что именно развитие технических и прагматических способностей большинства людей делает нашу жизнь более безопасной, благополучной, комфортной и ценностно-смысловой [Кант 1994а].

Когда современные философы-идеалисты, а вместе с ними и некоторые богословы сводят человеческую сущность только к духовно-нравственным ценностям и идеалам, то они порождают так называемую «избыточную духовность», то есть идеализируют саму человеческую природу, отрывают ее от реального бытия людей и тем самым создают опасные заблуждения [Мясников 2018]. Ведь если философия начинает отдавать предпочтение воображению и мечтам о желаемом идеальном будущем и теряет связь со здравым смыслом и жизненными интересами большинства реальных людей, то она превращается в романтическую литературу, поэзию, в красивые фантазии. Такое легкомысленное рассуждение может быть по-своему интересным, привлекательным, но не научным. Кантовская же

теоретическая и практическая философия дает нам пример научного, объективно познания материальной природы, человеческого сообщества и самого человека как сложной феноменально-ноуменальной системы.

С сожалением приходится констатировать, что некоторые современные обращения к кантовской философии оказываются ограниченными, односторонними, выхватывающими отдельные кантовские идеи без тщательного разъяснения и конкретизации, а это в свою очередь порождает двусмысленность, подмену понятий и произвольные трактовки в угоду определенным политическим, религиозным или иным интересам (например, в работах А. Протопопова, А. Дугина, М. Медоварова и др.).

Мы намеренно обратили внимание на эту современную ситуацию в постсоветском интеллектуальном пространстве, чтобы подчеркнуть важность строго научного изучения кантовского философского наследия, так как оно может стать основой для позитивного практического решения актуальных глобальных проблем нашего времени. Если опираться на кантовское понимание человеческой сущности (единства технических, прагматических и моральных задатков), то решение глобальных экологических проблем будет прежде всего зависеть от совершенствования технических знаний и технологий, позволяющих удовлетворять растущие материальные потребности людей и при этом минимизировать негативное влияние человечества на всю биосферу Земли. Также и решение глобальных социальных проблем – терроризма, гонки вооружений, бедности, беспорядка части населения планеты и др. – во многом связано с развитием прагматических способностей большинства людей, с ростом их образованности и умением договариваться с разными людьми и народами, с готовностью отстаивать свои интересы и права, разумно доказывать значимость своих ценностей и убеждений [Hill 2014; Чумаков 2019].

При решении глобальных проблем основополагающим заблуждением многих постсоветских философов, политиков и общественных деятелей является идея приоритета духовных ценностей над материально-прагматическими интересами. Приоритет духовного над материальным на первый взгляд кажется этически верной идеей, которая должна помогать людям преодолевать свою животность, возвышаться над естественными телесными потребностями и порождать чувство гордости собой. Но в реальной жизни мы видим у большинства людей, живущих на Земле, первичность материальных потребностей, и прежде всего у высших слоев и групп, у наиболее успешных и продвинутых в технических и прагматических отношениях [Гайзман 2003].

Идея приоритета духовного над материальным обычно нужна для морально-психологического успокоения бедных слоев населения, зависимых людей, находящихся на начальных степенях свободы [Мясников 2017]. Эта идея выполняет роль психотерапевтической анестезии и на какое-то время может успокоить, сдержать недовольство своей несчастной жизнью, но потом это недовольство разрастается и выплескивается в виде социальных взрывов, революций, массового насилия и разрушения основ государственности [Фасоро 2019]. Россия не раз испытала такие потрясения, начиная с восстания Степана Разина и заканчивая буржуазно-демократической революцией начала 90-х гг. прошлого века.

Из этого следует, что идея такого приоритета не может быть позитивным практическим принципом для будущего мирного развития человечества, и она,

по сути, не соответствует кантовской практической философии, а именно идее разумного согласия между моральной достойностью лица и его блаженством (земным счастьем). Именно принцип гармонии духовно-моральных и материально-прагматических ценностей является наиболее соответствующим нашему практическому разуму и реальной жизни людей, естественному стремлению каждого человека к личному счастью и благополучию. Эта идея гармонии требует развития материально-экономических условий, а также справедливого правового регулирования общественных отношений, а это есть не что иное, как развитие технических и прагматических задатков, способностей всех людей, то есть, по сути, реализация кантовского проекта сущности человека. Гармоничное развитие личности и всего человечества – это понятная и конструктивная идея, которая требует, во-первых, постоянного роста научных знаний и технологий, а во-вторых, их рационально-критического согласования с нравственно-религиозными убеждениями и ценностями разных людей [Hoffe 2001; Кучеренко 2021].

Для возможности реального объединения людей, для создания эффективной системы коллективной безопасности и решения глобальных проблем вовсе не достаточно абстрактного принципа «толерантности» и постулирования общих духовно-нравственных ценностей. Такой абстрактно-идеалистический подход не соответствует сложной природе человека. Необходимо здоровое и научное понимание естественной первичности материальных (экономических, прагматических) интересов, направленных на выживание конкретных людей и обществ. Поэтому разумное согласование материально-экономических и моральных интересов по-прежнему является ключевой задачей развития человеческого рода, тем более в условиях возрастающей глобализации. Такое разумное согласование разных человеческих интересов предполагает универсальные принципы, или общие практические законы, открытые И. Кантом еще в конце XVIII в. Итак, переходим к их рассмотрению и осмыслению в контексте глобальных проблем современности.

Категорический императив как способ нахождения гармоничного баланса между моральным долгом и прагматическими интересами благоразумия

Кантовская моральная философия, представленная в теории категорического императива, является изначально глобальной, исходящей из интересов и действий всего человечества и каждого разумного существа. Кантовское требование мысленно делать максимум своего поступка «всеобщим законом», обязательным для выполнения всеми людьми, выводит человека из узких (субъективных, национальных, религиозных) рамок своего эгоизма (эгоцентризма) и возвышает до глобального уровня общечеловеческого законодательства [Соловьев 2005]. Такая морально-правовая рефлексия, или способ мышления, приучает человека видеть себя не в гордом одиночестве, не брошенным всеми, не естественным эгоистом, а активным субъектом мирового сообщества, созидателем мирового коммуникативного порядка.

Своим категорическим императивом (прежде всего известной формулой универсализации максимы поведения) И. Кант задает идеал гуманистического космополитизма и глобализма, который до сих пор остается важным и для социальных теоретиков, и для политических практиков [Hoffe 2010; Полянский 2013]. Именно в условиях глобальной информатизации, компьютеризации и сетевизации

человечество может постепенно перейти к практической реализации этого идеала. Растущее во всех странах применение современных информационно-коммуникационных технологий позволяет обеспечить техническую возможность участия большинства граждан в принятии ключевых политико-правовых решений.

Особое внимание нужно обратить на вторую формулу кантовского категорического императива (формулу персонализации), которая может быть представлена в более четком виде следующим образом: «...каждое разумное существо должно быть не только средством, но и целью самой по себе» [Klemme 2015]. Эта уточненная формулировка ясно обнаруживает взаимодополнительность прагматических и моральных интересов, гармоничное согласование внутренней и внешней свободы человека и других лиц, субъектов морали и права. Ведь в реальной жизни люди не могут обойтись без использования сил и способностей друг друга, мы постоянно приобщаемся другим людям, и это необходимое условие для нашей полноценной человеческой жизни. Поэтому использование других субъектов (лиц) в качестве средств для достижения частных и общих интересов будет не только прагматически важным, но и морально допустимым поведением, если только другие лица сами соглашаются на такое использование, например за определенную плату, материальное вознаграждение или бесплатно, по своей доброй воле. Если добровольное согласие получено, то труд этого человека, его усилия, жизненное время становятся не только средством, но и целью самой по себе, то есть человек сам видит смысл в этой деятельности [Соловьев 2005].

Такое реалистическое понимание второй формулы категорического императива получает важное практическое применение в эпоху глобализации, а именно в условиях взаимного добровольного использования разными субъектами друг друга. Например, взаимовыгодное сотрудничество, равноправные партнерские отношения становятся образцом и главным ориентиром для современных международных отношений. Но на практике согласие лица на использование другими его ресурсов и способностей может быть не всегда обдуманным, оно может оказаться наивным или вынужденным под давлением разных обстоятельств. Некоторые развивающиеся народы и страны Африки, Азии и Латинской Америки еще только начинают сознавать свои интересы и возможности, учатся многому у других и постепенно «взрослеют» в ходе активного взаимодействия с более технически и прагматически развитыми субъектами. Неравномерность развития человеческих обществ является естественным историческим процессом, который создает ряд социально-экономических и политико-правовых проблем, на первый взгляд тормозящих (сдерживающих) глобализацию, но сама новейшая история показывает, что даже колониальная эксплуатация бедных и малоразвитых стран в итоге ведет к их последовательному развитию, к ускоренному взрослению и освоению новых знаний и технологий, то есть к совершенствованию технико-прагматических способностей, от которых прежде всего зависит общественный прогресс и рост конкурентоспособности общества и государства.

Таким образом, реальный переход к более самостоятельному образу мысли и жизни как конкретного человека, так и целого общества является сложным и подчас драматическим процессом, который требует серьезного и терпеливого отношения со стороны исследователей, при этом для самих «взрослеющих» лиц он может быть и страшным временем испытаний, и долгожданным часом освобождения.

Кантовский всеобщий закон права в условиях глобализации

Важнейшим практическим выражением второй формулы категорического императива, запрещающей использовать себя и других лиц *только в качестве средства*, будет кантовский правовой принцип: «*Прав* любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» [Кант 1994а: 254]. Это фундаментальное определение изначально задает всемирный масштаб рассмотрения человеческих отношений, в котором каждая конкретная личность не теряется в их огромном количестве, а, напротив, наделяется той всемирной субъектностью, которая должна сознавать свою личную ответственность за возможные последствия злоупотребления своей свободой.

Как отмечает известный отечественный кантовед Э. Ю. Соловьев, «о наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если каждый его член трактуется государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо. Нравственные убеждения, а также идеалы и цели людей не подлежат властно-законодательному определению» [Соловьев 2005: 141]. Подлинно правовое регулирование общественных отношений является основанием для свободы морального образа мысли человека (для ответственного выбора), для его нравственно-религиозной автономии, до которой приходится долго дорасти.

Возникает справедливый вопрос: а все ли люди могут дорасти до этой моральной (духовной) автономии? Не является ли кантовское требование чрезмерным или даже вредным для многих лиц, принадлежащих к традиционно-патерналистским культурам? В XXI в. эти вопросы приобретают особую актуальность, когда мы можем сравнивать между собой очень разные общества и их культуры. Но даже в конце XVIII в. И. Кант полагал, что нельзя отказывать кому-либо из разумных существ в возможности стать «господином самому себе», научиться мыслить самостоятельно и действовать по своему разумению. Ведь если правящие группы (элиты) в большинстве стран стремятся именно к этому, то почему же большинству простых граждан нужно запрещать стремление к нравственно-религиозной автономии? Тем более что исторический опыт последних двух столетий наглядно показывает общее продвижение человечества к индивидуализации жизни и правовому регулированию усложняющихся общественных отношений [Никонов 2015; Чумаков 2019].

Растущая информационная глобализация позволяет всем людям, имеющим доступ в Интернет, сравниваться с другими, ориентироваться на те способы мышления и образцы поведения, которые представляются наилучшими, наиболее привлекательными. Особенно для совершеннолетней молодежи важно получать эту разнообразную информацию, чтобы намечать перспективы своего личностного развития. В связи с этим кантовский всеобщий принцип права предназначен гарантировать возможность личностного самоутверждения каждого человека в его социуме, рационально согласовывая это единичное свободное волеизъявление с интересами и правами других лиц.

Таким образом, кантовский всеобщий принцип права, по мнению многих современных исследователей, предполагает постоянное продвижение человеческих сообществ (государств) от низших к высшим степеням свободы, а именно право является необходимым основанием для такого роста [Мясников, Мясникова 2020].

В контексте противоречивых процессов глобализации такого рода продвижение оказывается медленным и нередко возвратным, особенно для модернизирующихся обществ. Так, современное российское общество в очередной раз оказалось в экстремальной ситуации геополитического конфликта, и уровень свободы большинства граждан временно снизился почти до минимального. Такая ситуация должна разумно рассматриваться как временный вынужденный откат общества от высших степеней свободы-самостоятельности.

Радикальный национал-патриотизм и кантовский универсализм: критический анализ и поиск конструктивных решений

Временный возврат к экстремальной ситуации в России дал повод некоторым маргинальным и радикально настроенным ученым и общественным деятелям начать нападки на кантовскую практическую философию с целью ее дискредитации и намеренного извращения ее содержания. При этом наибольшую активность начали проявлять радикальные «национал-патриоты», суровые мистические традиционалисты, готовые заподозрить в «непатриотичности» и враждебности их субъективным интересам любое свободомыслие и универсальные морально-правовые дискурсы. Такая идеологическая предвзятость нередко была характерна для российских публицистов-популистов, а в критические моменты истории она активизируется и ведет подчас к абсурдным осуждениям кантовской морально-практической философии.

На протяжении всего XX в. традиционалисты-мистики не перестают ссылаться на небольшой, но очень эмоциональный и поверхностный доклад В. Эрнэ «От Канта к Круппу», озвученный в октябре 1914 г., то есть через месяц после начала Первой мировой войны [Эрнэ 1914]. У Эрнэ не было никаких сомнений, что мировая война началась по вине Германской империи, и что Российская империя – это бедная и несчастная жертва агрессивной немецкой воли. Из этих как бы доказанных утверждений он делает для себя вывод, что Германская империя – оплот зла, а Российская империя – оплот добра. А дальше уже включается игра воображения, начинается захватывающая игра домыслов, ассоциаций и самых разных аналогий о причинах такой всемирно-исторической ситуации, от которых даже можно получить некоторое интеллектуальное удовольствие. И, конечно, в эту игру воображения удобно вставить всемирно известную философию И. Канта и в итоге обвинить ее и в богоборчестве, и в богоотпадении, и в восстании против всего святого, а также – в кровожадном характере, который якобы и привел к Первой мировой войне.

С большим сожалением приходится говорить, что, во-первых, эрновская оценка роли Канта в начале Первой мировой войны не имеет отношения к объективной исторической картине, которую нам дают современные профессиональные историки. Во-вторых, он был весьма эксцентричным философом, позволяющим себе достаточно произвольные суждения: «орудия Круппа полны глубочайшей философичностью», «палачом старого и живого Бога был Кант», «линия от пустого категоризма Канта к энергизму промышленно-научно-философского напряжения германской нации очевидна», «немецкий милитаризм есть натуральное детище Кантова феноменализма» и др. [Там же]. В-третьих, как типичный догматик-традиционалист В. Эрнэ пытался выдать свои субъективные религиозно-мистические убеждения-верования за общечеловеческие знания. А это значит, что не нужно

серьезно относиться к его высказываниям о философии Канта, и что статья Эрна – это преимущественно эмоциональная публицистика, которая может быть интересна с историко-литературоведческой точки зрения и, возможно, будет полезна в идеологических играх, но не для историко-философской науки.

Когда же региональные современные чиновники обращаются к идеям Эрна и вновь пытаются обвинять философию Канта во всех новых проблемах России – это уже выглядит как минимум неправдоподобно. Так, губернатор Калининградской области Антон Алиханов в феврале 2024 г. публично заявил, что ему близка позиция Эрна и что Кант виновен не только в начале Первой мировой войны, но и в начале специальной военной операции на Украине в 2022 г. Он выдвинул следующее обвинение против кантовской философии: «Кант имеет прямое отношение к военному конфликту на Украине». И далее его пояснение: «...в знаменитых понятиях категорического императива заложены ценностные основы конфликта, который мы сейчас ведем» (см.: Алиханов 2024). Логика его аргументации такова: обманное, шулерское поведение Запада противоречит нормам морали, а так как Кант – духовный отец современного Запада, то, следовательно, он научил современный Запад обману и шулерству. Очевидно, что такая аргументация является неправомерной с историко-философской точки зрения: ведь, во-первых, нельзя обвинять весь западный мир в обмане и шулерстве, а во-вторых, духовным отцом Запада скорее можно считать Иисуса Христа, на которого опирался и сам Кант. Сегодня задача профессиональных философов-исследователей и в особенности кантоведов заключается в том, чтобы не впадать в подобные крайности, достоверно транслировать кантовскую философию, не позволяя использовать ее в политической конъюнктуре.

Почему же идеи И. Канта представляются догматикам-традиционалистам столь опасными? Пожалуй, потому что он был разоблачителем догматической метафизики как идеологии феодально-абсолютистского общества и традиционной рациональной теологии, которая перестала считаться наукой после «Критики чистого разума» [Кант 2006]. Разоблачение Кантом рациональной теологии в виде опровержения всех рациональных доказательств бытия Бога до сих пор вызывает сильное возмущение у многих догматических теистов, так как превращение Бога из необходимого объекта опыта в идею чистого разума представляется им почти отрицанием его бытия, потерей главного объекта, деонтологизацией бытия, потерей почвы под ногами и т. п.

Для таких «натур-догматиков» Бог нужен как реальный объект познания, то есть в качестве явления этого материального мира, чтобы постоянно «чувствовать» его присутствие и его непосредственную «отцовскую благодать», его любовь и заботу, ибо только сознание возможной чувственной близости дает «натур-догматикам» подтверждение достоверности его бытия. Но, как убедительно доказал Кант, это сознание является субъективной убежденностью и наивной верой детского сознания. Выход из этого детства или интеллектуально-морального «несовершеннолетия» является очень сложным, болезненным процессом, и, как показывает исторический опыт, опасно его торопить, так как за свои убеждения (веру, пусть даже наивную) люди могут стоять насмерть [Кант 1994а]. Если торопить с таким мировоззренческим выходом из «несовершеннолетия», то это грозит цивилизационным конфликтом, мировым противоборством.

При этом сам «выход из несовершеннолетия» представлялся Канту как всеобщий, глобальный процесс развития человеческих способностей, а именно как процесс Просвещения. Еще в конце XVIII в. Кант утверждал, что эпоха Просвещения началась в некоторых странах, но само просвещение народов будет идти долго [Кант 1994б; Schmidt 2017]. Так, в XXI в. мы говорим о тех же проблемах – о невежестве, о догматизме, о политическом манипулировании и наивном мышлении, которые удерживают многих наших современников в «детском», «несовершеннолетнем» состоянии. «Остаться в детстве», может быть, и удобно для некоторых людей, мечтающих всегда быть под родительской («отеческой») опекой и ни за что не отвечать, но эта наивность может дорого стоить в отношениях с государством и другими социальными институтами. Как показывает недавний мировой исторический опыт, государственный гипертрофированный патернализм легко превращает таких «наивных подданных» в простые средства, в удобные «винтики» тоталитарных машин [Соловьев 2005]. Оставаясь в детстве, человек остается на минимальной степени своей свободы как самостоятельности и не может раскрыть большинство своих задатков и талантов [Мясников, Мясникова 2020].

Согласно кантовскому учению, для продвижения к высшим степеням свободы необходимо, во-первых, «мужество мыслить самостоятельно», а во-вторых, мужество поступать в согласии со своими мыслями, максимами и принципами, то есть нужна интеллектуальная решимость, а также морально-волевые усилия, которые выражаются в готовности формулировать и отстаивать свои убеждения, интересы и ценности [Кант 1994а; Гайзман 2003; Фасоро 2019]. Также нужна и прагматическая заинтересованность в этих усилиях, заинтересованность в будущем своего дела, бизнеса, в личном благе, чтобы сильнее мотивировать большинство частных собственников и чтобы таким образом преодолеть многие социальные страхи и естественные слабости.

Следуя кантовской философии, мы можем утверждать, что «несовершеннолетие», то есть политико-правовая и нравственно-религиозная несамостоятельность людей, является существенным социокультурным препятствием для глобализации, демократизации и гуманизации человеческих обществ. Оставаясь на минимальной степени свободы-самостоятельности, люди не могут выйти из «несовершеннолетия» (из детства, из подданства), так как лень, страх и невежество будут сдерживать волю к свободе.

Опираясь на закон всеобщей целесообразности, И. Кант утверждал, что развитие человеческих способностей неизбежно приведет к возрастанию внутренней и внешней свободы как необходимому условию этого развития [Hincke 1980; Мясников 2017]. Эта логика эволюционного развития подтверждается и научными исследованиями, и самой исторической практикой освобождения человечества от институтов рабства, крепостничества, социально-полового неравенства, расизма и других традиционных социальных стереотипов, ограничивавших развитие человечества.

Современные примеры откатов к минимальным степеням свободы могут быть рассмотрены как «новое Средневековье», как временная адаптация к чрезвычайным ситуациям, как возврат к ценностям выживания, а значит, за этим периодом необходимо наступит новое Просвещение, и, следовательно, кантовские идеи будут иметь особое теоретическое и практическое значение.

Заключение

Подводя итог нашему осмыслению глобального значения кантовской практической философии, следует отметить, что, несмотря на различные искажения, включая ангажированные оценки, мы должны видеть и развивать ее позитивный потенциал. Этот потенциал, во-первых, заключен во всеобщем характере морально-правовых принципов, вытекающих из основных формулировок категорического императива, а во-вторых, во взаимодополнительном характере моральных и прагматических интересов, без которого невозможно представить полноценную человеческую жизнь. Естественное стремление к счастью и сознание своей ценности быть счастливым являются необходимо взаимосвязанными условиями для развития всех человеческих способностей и для совершенствования реальной общественной жизни. Согласование моральных и прагматических интересов, по Канту, получает предметное выражение в праве, в том числе в международном праве, которое создает объективные предпосылки для урегулирования возможных конфликтов и создания справедливого глобального миропорядка.

Особую актуальность имеет кантовское учение о постепенном выходе человека и всего человечества из состояния «несовершеннолетия», которое предполагает лишь минимальную степень самостоятельности. Поэтому продвижение человечества к высшим степеням свободы (политической, нравственно-религиозной и творческой) во многом основывается на кантовском понимании практического совершеннолетия.

Литература

Алиханов А. Ответственность и безответственность: политические ценности как предпосылки войны и нового мира. Пленарный доклад на V съезде Российского общества политологов. 2024. 9 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://krylov.ru/tpost/sausg7hrp1-rech-gubernatora-kaliningradskoi-oblasti> (дата обращения: 25.03.2025).

Виокуров Е. Ю. На пути к вечному миру: философия Канта в современных дискуссиях о глобальном политическом устройстве. Калининград : Изд-во Калининградского ун-та, 2002.

Гайзман Г. Свобода и право: Политическая философия Канта и современность. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 2003.

Кант И. Метафизика нравов / И. Кант // Соч.: в 8 т. Т. 6. М. : Чоро, 1994а.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? / И. Кант // Соч. на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 1. М. : Ками, 1994б.

Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / И. Кант // Соч. на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 2. М. : Наука, 2006.

Куманьков А. Д. Кантианский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны // *Философские науки*. 2020. № 1. С. 85–100.

Кучеренко А. В. Актуальность кантовской этики в условиях назревших проблем человеческой цивилизации // *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 72. Ч. 5. С. 114–118.

Мартин Г.-П., Шуманн Х., Западная глобализации: Атака на процветание и демократию. М. : Альпина, 2001.

Мясников А. Г. Право на ложь как ловушка для свободы // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 174–186.

- Мясников А. Г. Избыточная духовность как проблема современной практической философии // *CREDO new*. 2018. № 3. С. 113–129.
- Мясников А. Г., Мясникова Т. А. Условия реализации политической свободы в постсоветском обществе: опыт социально-философского анализа и моделирования // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2020. № 4. С. 81–90.
- Никонов В. А. Современный мир и его истоки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015.
- Нысанбаев А. Н. Становление глобальной этики взаимопонимания // *Вопросы философии*. 2017. № 8. С. 11–19.
- Полянский Д. В. Кант и современная философия международных отношений: между идеализмом и реализмом // *Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: материалы международного семинара / под ред. А. С. Зильбера, А. Н. Саликова*. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 157–172.
- Саликов А. Н. Кантовский проект вечного мира и проект Европейского союза // *Кантовский сборник*. 2013. № 3. С. 24–33.
- Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Фасоро С. А. Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечество и права человека // *Кантовский сборник*. 2019. № 1. С. 81–98.
- Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // *Русская мысль*. 1914. № 12. С. 116–124.
- Hill T. E. J. Kantian Perspectives on the Rational Basis of Human Dignity // *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / ed. by M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth*. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. Pp. 215–221.
- Hincke N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. Freiburg; Munchen : Alber, 1980.
- Hoffe O. “Konigliche Volker”: Zu Kant kosmopolitische Rechts- u. Friedenstheorie. Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 2001.
- Höffe O. Kant’s Innate Right as a Rational Criterion for Human Rights // *Kant’s Metaphysics of Morals: A Critical Guide / ed. by L. Denis*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. Pp. 71–92.
- Klemme H. F. Die vernünftige Natur existiert als Zweck an sich selbst // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106. No. 1. S. 88–96.
- Schmidt E. E., Schönecker D. Kant’s Moral Realism Regarding Dignity and Value: Some Comments on the Tugendlehre // *Realism and Antirealism in Kant’s Moral Philosophy: New Essays / ed. by R. dos Santos, E. E. Schmidt*. Berlin : De Gruyter, 2017. Pp. 119–152.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

НЕЗАВИСИМЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В РЕАЛИЗАЦИИ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ*

Кудряшова Е. В., Шашкова А. В.**

Во многих государствах мира были созданы специальные экономические и финансовые советы для экспертного сопровождения экономических решений. В начале XX в. это было признано положительной практикой в документах МВФ и ОЭСР. В Европейском союзе независимые финансовые советы сыграли особую роль в проведении стабилизационной финансовой политики. Они стали проводниками наднациональных решений в финансовой сфере, где Европейский союз не имеет компетенции. Финансовые советы реализовали функции независимого мониторинга в каждой стране ЕС. В странах ЕАЭС не созданы независимые финансовые советы, как они понимаются в Европе и ОЭСР, но существуют экспертные организации без независимого статуса. В ЕАЭС создана правовая база для макроэкономической координации, и координация в экономической сфере входит в компетенцию ЕАЭС. В странах ЕАЭС существует потенциал создания независимых финансовых советов, которые могут способствовать макроэкономической координации.

Ключевые слова: независимый финансовый институт, ЕС, ЕАЭС, открытый метод координации, макроэкономическая координация.

INDEPENDENT FINANCIAL INSTITUTIONS IN THE SUPRA-NATIONAL FINANCIAL POLICY IMPLEMENTATION

Many countries around the world created special economic and financial councils for the expertise for the decision-making in the economy management.

* **Для цитирования:** Кудряшова Е. В., Шашкова А. В. Независимые финансовые институты в реализации наднациональной финансовой политики // Век глобализации. 2025. № 2. С. 58–64. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.05.

For citation: Kudryashova E. V., Shashkova A. V. Independent Financial Institutions in the Supra-National Financial Policy Implementation // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 58–64. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.05 (in Russian).

** Кудряшова Екатерина Валерьевна – д. ю. н., доцент, адвокат, профессор Сибирского университета потребительской кооперации. E-mail: d_law@sibupk.nsk.su.

Ekaterina V. Kudryashova – Dr. Law, Associate Professor, attorney at Law, professor of Siberian University of Consumer Cooperation (SibUCC). E-mail: d_law@sibupk.nsk.su.

Шашкова Анна Владиславовна – д. полит. н., к. ю. н., профессор МГИМО МИД (Университет). E-mail: prof.shashkova@rambler.ru.

Anna V. Shashkova – Dr. Polit., professor of Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia). E-mail: prof.shashkova@rambler.ru.

Since the beginning of the 20th century it was considered to be the best practice by the IMF and OECD. In the European Union, independent financial councils have played a special role in implementing financial stabilization policies. They have become the conductors of supra-national decisions in the financial sphere, where the European Union has no competence. Financial councils have implemented the functions of independent monitoring in each EU country. Independent financial councils, as they are understood in Europe and the OECD, have not been created in the EAEU countries, but there are expert organizations without independent status. The EAEU has created a legal basis for macroeconomic coordination, and coordination in the economic sphere is within the competence of the EAEU. There is potential in the EAEU countries to create independent financial councils that can facilitate macroeconomic coordination.

Keywords: *independent fiscal institution, EC, EAEU, open method of coordination, macroeconomic coordination.*

Введение

Одна из проблем управления публичными финансами состоит в их зависимости от текущей политики. Данную тенденцию пытаются обуздать с помощью разных инициатив, направленных на то, чтобы поставить финансы вне политики и снизить зависимость финансовых решений от текущей политической ситуации. Одна из таких инициатив реализуется с середины XX в. – специальные независимые экспертные органы, занятые экономическим мониторингом и анализом с последующей публикацией своих выводов. С углублением европейской интеграции все больше проявлялась взаимозависимость финансовых систем государств-членов, но кризис 2008 г. наиболее ярко продемонстрировал ее. Остро встал вопрос о координационных мерах финансовой политики. После кризиса Европейский союз (ЕС) уже не рекомендовал, а потребовал создания независимых финансовых институтов в каждой из стран-участниц.

Начиная с кризиса 2008 г. появился научный интерес к независимым финансовым институтам как к практике, достойной распространения по миру. В этих публикациях проводились обобщения и анализ опыта отдельно взятых государств, со сравнениями и оценками. Анализ деятельности независимых финансовых советов отдельных государств проводился экспертами Международного валютного фонда (МВФ) [Debrun *et al.* 2013; Beetsma *et al.* 2018; The Fiscal... 2017] и Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) [Recommendation... 2014]. В последние десять лет тема приобрела популярность в академической среде, в том числе появляются публикации, посвященные сравнению эффективности финансовых советов в странах Европейского союза [Horvath 2018; Касьянов, Валиев 2024].

В то же время особенности роли независимых финансовых институтов для региональной экономической интеграции остаются недостаточно исследованными. Без внимания исследователей остаются также возможности координации прогнозов и аналитической работы национальных советов для улучшения качества макроэкономической координации. Настоящая работа хотя бы отчасти восполняет этот пробел.

Исследование опирается на теоретические и эмпирические методы, включая методы анализа и синтеза, восхождения от частного к общему. На основе результатов исследования можно рассматривать потенциальную возможность экстраполяции уже существующего опыта среди разных интеграционных образований, например Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и в этом состоит практическая значимость результатов.

Национальные независимые финансовые институты в разных странах

Экономический кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал целый ряд проблем управления финансами как внутри государств, так и в международных региональных объединениях. От правительств потребовались активные действия, включая выработку антикризисных мер, рассчитанных на долгосрочное преодоление нестабильности.

В разных государствах по всему миру давно распространилась практика создания специальных экспертных институтов, обеспечивающих мониторинг текущей экономической ситуации, экспертизу принятия решений, сбор информации в динамике и независимую оценку принимаемых решений в области публичных финансов.

Специальные финансовые независимые органы создаются, чтобы давать объективную оценку финансовой ситуации в государстве, проводить мониторинг и прогнозировать развитие финансов; во всяком случае, так должно быть по мнению ОЭСР, изложенному в Рекомендациях по поводу функционирования независимых финансовых органов [Recommendation... 2014]. Соответствующие организации должны обладать независимым статусом с законодательными и финансовыми гарантиями и доступом к нужной информации.

В число задач таких организаций входят объективная аналитика, обобщение и мониторинг финансовых решений в конкретной стране. Они также делают прогнозы, разрабатывают сценарии и модели с тем, чтобы на основе этой деятельности давать рекомендации касательно эффективной финансовой политики [Beetsma *et al.* 2018].

Идея сама по себе не нова. Независимые финансовые органы создавались задолго до этого. В 30-х гг. XX в. был создан бельгийский Высший финансовый совет. В 1945 г. появилось Бюро по анализу экономической политики в Нидерландах [Halfman 2009]. В США Бюджетное управление Конгресса ведет свою историю с 1974 г.

Независимые экономические аналитические институты, уже созданные ранее, приняли функции независимых финансовых советов, демонстрируя неразрывную связь финансов и экономики. Упомянутое выше давно существующее Голландское бюро по анализу экономической политики в Нидерландах теперь исполняет функции независимого финансового органа. В других государствах независимые советы по вопросам экономики существуют параллельно с независимыми финансовыми органами. Например, в Германии дополнительно создан Совет по стабильности [Stabilitätsrat].

Независимый финансовый орган, тем не менее, может быть приближен к одной из ветвей власти. Европейский вариант – это сближение с исполнительной властью (с некоторыми исключениями, например Италия), заокеанская модель – приближение к представительной ветви власти (например, Бюджетное управление Конгресса США) [Грачева 2018].

Единая финансовая политика в Европейском союзе и независимые финансовые советы

Независимые финансовые советы в межгосударственных объединениях могут быть особенно значимы, а именно могут стать локомотивом реализации наднациональной экономической и финансовой политики. В Европейском союзе через независимые финансовые институты могут реализовываться решения даже в тех сферах, в которых ЕС не имеет компетенции. Европейская комиссия сформулировала так называемый «открытый метод координации» в тех сферах, которые относятся к исключительному ведению стран-участниц [Open...]. Открытый метод

координации существует как управленческий подход вне наднациональных нормативных актов или актов рекомендательного характера [Токарева 2010].

Прямое вмешательство наднациональных органов и норм в управление экономикой и финансами отдельных стран ЕС вызывает саботаж или даже резкое противодействие. Например, внешнее влияние на управление немецкой экономикой, в том числе со стороны наднациональных структур, было признано неконституционным. В экономической, культурной и социальной сферах влияние наднациональной политики Евросоюза было признано крайне нежелательным [Погорельская 2010].

Страны – члены ЕС скептически относятся к прямому проведению наднациональных решений в финансовой сфере государств. Для повышения прозрачности финансовой деятельности стран-членов и реализации открытого метода координации еще до кризиса 2008 г. была обоснована значимость независимых финансовых институтов. Кризис 2008 г. стимулировал создание институтов, дающих объективную оценку финансовой ситуации. Создание независимых финансовых советов стало обязательством стран-членов в несколько этапов. На исходе кризиса – к 2011 г. – они пришли к соглашению о необходимости выдвинуть определенные требования к внутригосударственному бюджетному процессу. На независимые финансовые институты возложили функцию мониторинга [Council... 2011]. Позже в Соглашении о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе [Treaty...] это было еще раз подтверждено: страны – члены ЕС стали обеспечивать независимый мониторинг таким образом, чтобы можно было детально оценить соответствие показателей национальной финансовой системы наднациональным требованиям. Независимые финансовые советы также стали давать свою оценку макроэкономическим прогнозам для составления проектов бюджетов с одновременным мониторингом финансовой политики. Справедливости ради нужно отметить, что, несмотря на наличие наднациональных документов, мониторинг в разных странах проводится с разной эффективностью и не все независимые советы стремились и стремятся максимально пользоваться своими полномочиями [Horvath 2018].

В международных интеграционных объединениях финансовые советы становятся средством мониторинга состояния финансов стран-членов и проводниками общей экономической политики, включая стабилизационные меры. При отсутствии наднациональной компетенции в сфере управления экономикой, как это сложилось в Европейском союзе, ряд вопросов по координации решается посредством независимых финансовых институтов и их участия в реализации открытого метода координации. Столкнувшись с отсутствием прямых инструментов влияния на внутреннюю финансовую политику отдельных государств, Европейский союз стал опираться на «сторожей» («watchdogs») европейской стабилизационной политики, как стали именовать независимые финансовые институты [Independent...]. В этом есть как плюсы, так и минусы, поскольку независимый финансовый институт частично утрачивает доверие внутри государства за счет ориентации на задачи наднационального характера. Возможно, этим объясняется тот факт, что государства, где создана собственная традиция независимого экспертного сопровождения с развитой инфраструктурой, дополнительно создают параллельный новый орган, как это было сделано в Германии.

В Европейском союзе многое сделано для налаживания взаимодействия финансовых советов государств-членов между собой. Сообщество независимых финан-

совых институтов стало площадкой для обмена наработками и координации аналитической информации. Парадокс современности состоит в том, что возрастает потребность в прогнозах, в то же время их достоверность резко падает в свете повышения неопределенности будущего. Обмен национальными прогнозами повышает достоверность как прогнозов внутри стран Европейского союза, так и прогнозов для интеграционного объединения в целом. Прогнозы лежат в основе принятия финансовых решений, и повышение их достоверности повышает качество управления финансами.

Независимые финансовые советы в ЕАЭС

Создание независимого экспертного органа в финансовой системе государства признано одним из эффективных стабилизационных механизмов [Kasyanov, Kriger 2020]. Однако в странах Евразийского союза независимые финансовые органы не приобрели популярность, хотя экспертная поддержка в том или ином виде обеспечивается. Следует констатировать, что в странах – участницах ЕАЭС не созданы независимые финансовые институты, по своим параметрам соответствующие Рекомендациям ОЭСР [Fiscal...]. Вместе с тем было бы ошибочно полагать, что в странах ЕАЭС отсутствуют экспертное сопровождение финансов, прогнозы и мониторинг текущего состояния экономики. Все страны ЕАЭС относятся к странам постсоветского пространства, и в советское время в них существовали структуры Государственного комитета по планированию. Экспертно-аналитические структуры преобразовались или растворились в действующих органах власти после распада СССР, но чаще всего экспертно-аналитическая деятельность фактически сохранена. Проблема заключается в отсутствии полноценного независимого статуса.

Действительно, в странах Евразийского экономического союза национальные независимые финансовые институты скорее исключение, чем правило. Как нам представляется, наиболее близким к критериям, заявленным ОЭСР, является независимый совет в Республике Казахстан. Совет по финансовой стабильности и развитию финансового рынка Республики Казахстан создан в 2010 г. и действует на основе Указа Президента № 994 от 12 июня 2010 г. [Совет...]. В 2019 г. нормативная база совета была обновлена – был издан Указ Президента Республики Казахстан от 18 декабря 2019 «О Совете по финансовой стабильности Республики Казахстан» [Указ... 2019]. Совет является консультативно-совещательным органом при Президенте Республики Казахстан. Из документов не следует, что Совет по финансовой стабильности Казахстана имеет достаточно гарантий независимости.

После распада СССР в России не создавалось независимого финансового института. В то же время есть орган, выполняющий экспертные функции без независимого статуса – это Аналитический центр при Правительстве РФ, который с 2005 г. получил собственный нормативно закрепленный статус [СЗ... 2005].

В Республике Беларусь прослеживается преемственность от Государственного комитета по планированию к современному Министерству экономики – об этом заявлено в информации на сайте [Страницы...]. В Республике Беларусь нет независимого финансового органа, но аналитические и экспертные функции выполняет подразделение в Министерстве экономики.

В документах о бюджетном процессе и финансовой деятельности Республики Узбекистан не обозначен независимый финансовый институт [Бюджетный...]. По данным на 2017 г. независимый финансовый институт отсутствовал в Киргизской Республике [Open... 2017]. Отсутствовал независимый финансовый орган по данным на 2019 г. и в Республике Таджикистан [Tajikistan 2019].

Нам представляется, что в странах ЕАЭС существует потенциал для создания независимых советов. Возможно, следует отказаться от ограничения таких органов только финансовой сферой и, опираясь на традиции, следует стремиться к созданию независимых экономических советов для углубления макроэкономической координации.

Право ЕАЭС создает прочную основу для макроэкономической координации, и она проводится посредством наднациональных стратегий и документов на основании положений договора о создании ЕАЭС. Нужно заметить, что стратегии и документы макроэкономической координации на текущем этапе интеграционного процесса не вызывают в странах – членах ЕАЭС явного противодействия. Применение аналогов открытому методу координации, который существует в ЕС, в Евразийском экономическом союзе пока не требуется [Shokhin, Kudryashova 2019].

В то же время катализатором создания Евразийского экономического союза был кризис 2008 г. Отчасти надежды стран, вошедших в ЕАЭС, были связаны с преодолением кризиса и подъемом экономики региона. Углубление интеграционных процессов в рамках экономического союза требует большей прозрачности показателей социально-экономического развития стран – членов ЕАЭС. Макроэкономическая координация, очевидно, могла бы быть более эффективной, если бы имелась возможность обмена прогнозами и аналитическими материалами между странами – членами ЕАЭС. В особенности за счет взаимодействия можно было бы повысить достоверность прогнозов как на уровне отдельных государств-членов, так и на наднациональном уровне.

В текущих условиях процессы интеграции на евразийском пространстве несколько замедлились. Тем не менее нет оснований полностью сбрасывать со счетов возможности дальнейшей интеграции и нужно создавать повестку на будущее. Представляется, что опыт взаимодействия экспертных организаций в ЕС может быть полезен и использован для создания в ЕАЭС аналогичных механизмов. Взаимодействие внутригосударственных независимых финансовых институтов усовершенствует также экспертную поддержку решений в сфере макроэкономической координации.

Источники и литература

Бюджетный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/2304140> (дата обращения: 01.05.2020).

Грачева М. Особенности деятельности независимого бюджетного совета в Германии // Научно-аналитический вестник Европы РАН. 2018. № 2. С. 142–158.

Касьянов Р. А., Валиев Т. М. Эволюция правового регулирования финансовых рынков в ЕС: от макроэкономики к правоприменению // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 4. С. 74–79.

Погорельская С. Лиссабонский договор: проблемы политической консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. Т. 7. С. 40–54.

СЗ РФ. 2005. № 52 (Ч. 3) [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_Per_1229211/ (дата обращения: 07.05.2025).

Совет по финансовой стабильности и развитию финансового рынка [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils/soveto-finansovoi-stabilnosti-i-razvitiyu-finansovogo-rynka (дата обращения: 01.05.2020).

Страницы истории [Электронный ресурс] : Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <http://www.economy.gov.by/ru/history-ru/> (дата обращения: 20.05.2020).

Токарева Е. В. «Открытый метод координации» – новая модель управления в ЕС // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Политология. 2010. № 3. С. 110–121.

Указ Президента Республики Казахстан от 18 декабря 2019 года № 220 О Совете по финансовой стабильности Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33511609&pos=26;-53#pos=26;-53 (дата обращения: 01.06.2021).

Beetsma R., Debrun X., Xiangming F., Kim Y., Lledó V. Independent Fiscal Councils: Recent Trends and Performance. IMF Working Paper WP 18/68, 2018.

Council Directive 2011/85/EU of 8 Nov. 2011 on Requirements for Budgetary Frameworks of the Member States [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:306:0041:0047:EN:PDF> (дата обращения: 21.04.2025).

Debrun X., Tidiane K. Strengthening Post-Crisis Fiscal Credibility: Fiscal Councils on the Rise – A New Dataset // Fiscal Studies. 2017. Vol. 38. No. 4. Pp. 667–700.

Debrun X., Kinda T., Curristine T., Eyraud L., Harris J., Seiwald J. The Functions and Impact of Fiscal Councils. IMF Policy Paper, 2013.

Fiscal Council Dataset [Электронный ресурс] : International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/np/fad/council/> (дата обращения: 01.05.2020).

Halfman W. Measuring the Stakes: The Dutch Planning Bureaus // Scientific Advice to Policy Making: International Comparison / ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Opladen : Verlag Barbara Bdrich, 2009. Pp. 41–66.

Horvath M. EU Independent Fiscal Institutions: An Assessment of Potential Effectiveness // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. No. 3. Pp. 504–519.

Independent Fiscal Institutions [Электронный ресурс] : European Commission. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-and-fiscal-governance/fiscal-frameworks-eu-member-states/independent-fiscal-institutions_en (дата обращения: 02.04.2024).

Kasyanov R., Kriger A. Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation // Russian Law Journal. 2020. Vol. 8. No. 1. Pp. 111–137.

Open Budget Survey 2017. Kyrgyz Republic. URL: <https://www.internationalbudget.org/wp-content/uploads/kyrgyz-republic-open-budget-survey-2017-summary-english.pdf> (режим доступа: 01.05.2020)

Open Method of Coordination (ОМ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eu-monitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3guxp/vh7eg8ym3xy5> (режим доступа: 01.05.2020).

Recommendation of the Council on Principles for Independent Fiscal Institutions. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/gov/budgeting/OECD-Recommendation-on-Principles-for-Independent-Fiscal-Institutions.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).

Shokhin S., Kudryashova E. Macroeconomic Coordination in the Eurasian Economic Union: Strategic Aspects // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. No. 3. Pp. 38–53.

Stabilitätsrat [сайт]. URL: http://www.stabilitaetsrat.de/EN/Home/home_node.html;jsessionid=C729E99E6BADB7247319D44E19CEA3E0.intranet2 (дата обращения: 01.05.2025).

Tajikistan. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://internationalbudget.org/open-budget-survey/country-results/2019/tajikistan> (дата обращения: 01.05.2020).

The Fiscal Council Dataset: A Primer to the 2016 Vintage. N. p. : IMF, 2017.

Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union (Also Known as the Fiscal Compact). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:1403_3 (дата обращения: 01.05.2025).

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КНР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ*

Штарк Л. П.**

Статья посвящена изучению американо-китайских противоречий на территории Южно-Китайского моря. Автор рассматривает основные интересы каждой из сторон в регионе, а также анализирует фактор стран АСЕАН в конфликте двух государств.

Сделан вывод о том, что укрепление влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в Южно-Китайском море (ЮКМ) в частности является одной из приоритетных целей внешней политики КНР. Для ее реализации Пекин проводит достаточно агрессивную политику в отношении других стран ЮКМ. США, в свою очередь, стараются не допустить роста влияния КНР в регионе и используют антикитайские настроения стран АСЕАН. Однако последние не намерены выбирать сторону в геополитическом противостоянии США и КНР. Они сосредоточены на защите собственных национальных интересов, поэтому стараются выстроить партнерские отношения как с Пекином, так и с Вашингтоном. Перспективы разрешения конфликтных ситуаций между КНР и странами АСЕАН являются маловероятными по причине сложности принятия Кодекса поведения в Южно-Китайском море.

Ключевые слова: США, КНР, АСЕАН, военная безопасность, геополитическое противостояние, Южно-Китайское море, архипелаг Спратли.

REALITIES AND PROSPECTS OF CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND CHINA IN THE SOUTH CHINA SEA

The main goal of the article is to study the American-Chinese contradictions in the South China Sea. The author examines the main interests of each of the countries in the region, and analyzes the factor of the ASEAN countries in the conflict. The author concludes that one of the priority goals of China's foreign policy are strengthening influence in Asia-Pacific Region and South China Sea in particular. To implement it, Beijing pursues a rather aggressive policy towards other South China Sea countries. The United States tries to prevent the growth of China's influence in the region and uses anti-Chinese sentiments of the ASEAN countries. How-

* **Для цитирования:** Штарк Л. П. Реалии и перспективы противостояния США и КНР в Южно-Китайском море // Век глобализации. 2025. № 2. С. 65–75. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.06.

For citation: Shtark L. P. Realities and Prospects of Confrontation between the USA and China in the South China Sea // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2023. No. 4. Pp. 65–75. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.06 (in Russian).

** Штарк Лев Павлович – аспирант кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: lpshtark@mail.ru.

Lev P. Shtark – postgraduate student of the Department of Geopolitics of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: lpshtark@mail.ru.

ever, the ASEAN countries do not intend to choose a side in the geopolitical confrontation between the United States and China. They focus on protecting their own national interests, so they try to build partnership relations with both Beijing and Washington. The prospects for resolving conflict situations between the PRC and ASEAN countries are unlikely due to the difficulty of adopting a Code of Conduct of Parties in the South China Sea.

Keywords: *USA, China, ASEAN, military defense, geopolitical confrontation, South-China sea, Spratly islands.*

Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика являются главными конкурентами за статус мирового гегемона в современном глобальном мире. Как Соединенные Штаты, так и Китай имеют свои интересы во всех регионах мирах, что неизбежно приводит к столкновению интересов и нарастанию противоречий.

Азиатско-Тихоокеанский регион можно назвать местом, в котором противостояние двух стран выражено наиболее заметно. Одним из фронтов конфликта является Южно-Китайское море. США и КНР имеют неразрешенные противоречия на данной территории уже достаточно давно, однако ухудшение двусторонних отношений после торговой войны вынудило обе страны проводить свою политику в данном регионе более активно.

Китай и США имеют свои фундаментальные интересы на территории Южно-Китайского моря. Для Китая установление влияния и обеспечение безопасности в ЮКМ необходимо для дальнейшего укрепления мирового влияния. Как считает Г. М. Локшин, «Китай, похоже, стремится превратить ЮКМ в опорный стратегический плацдарм в процессе своего становления в качестве великой морской державы» [Локшин 2024: 52]. Действия Соединенных Штатов по продвижению концепции Индо-Тихоокеанского региона, развития военного сотрудничества со странами региона (Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Филиппины), созданию военных союзов, направленных на сдерживание Китая (AUKUS, QUAD), вызывают опасение у Китайской Народной Республики.

США, в свою очередь, считают Индо-Тихоокеанский регион одним из центров современной мировой политики. Вашингтон осознает важность Азиатско-Тихоокеанского региона для Китая, поэтому стремится не допустить укрепления влияния Пекина в данном регионе.

Помимо США и Китая, свои интересы в Южно-Китайском море имеют и государства, расположенные в данном регионе, такие как Вьетнам, Малайзия, Бруней, Филиппины, Индонезия и Сингапур. Безопасность ЮКМ обеспечивает безопасность национальных интересов этих стран. Несмотря на то что, на первый взгляд, спор вокруг Южно-Китайского моря происходит между странами АСЕАН и Китаем, ключевыми игроками данного противостояния все же являются КНР и США. Как подчеркивает А. Р. Гончаренко, «ключевыми игроками здесь выступают КНР и США, привлекающие на свою сторону другие государства, которые меньше и слабее, однако большинство из них старается балансировать и не присоединяться к лагерю одной сверхдержавы» [Гончаренко 2023: 140].

В связи с этим Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика должны не только проводить свою политику, но также искать компромиссы

и договариваться с другими странами региона, чтобы реализовать свои фундаментальные интересы.

Консенсус по достижению согласия между странами региона является маловероятным. Как считают А. Д. Дикарев и В. И. Регновский, это связано с тем, что «для этого всем странам придется поступиться частью суверенитета, к чему пока никто из них не готов» [Дикарев, Регновский 2023: 400].

Значимость Южно-Китайского моря

Южно-Китайское море является важнейшим регионом с точки зрения логистической, энергетической и военной безопасности многих стран.

На территории ЮКМ находятся такие важные транспортные коридоры, как Малаккский пролив и пролив Ломбок. Малаккский пролив является главным коридором из Индийского океана в Тихий, связывающий порты Северо-Восточной Азии и западного побережья Америки с Южной Азией, Африкой, Ближним Востоком и Южной Европой [Локшин 2024]. Ежегодно через Малаккский пролив проходит около 94 000 судов, в совокупности перевоза около 30 % всех товаров, продаваемых в мире [These... 2024]. После уменьшения количества проходящих судов, вызванного пандемией COVID-19, трафик Малаккского пролива вновь стал увеличиваться. Если в 2021 г. через пролив прошло 78 317 судов, то в 2022 г. их число составило уже 82 819 (Рис.). В связи с этим доступ к данному проливу является необходимым для ведения международной торговли.

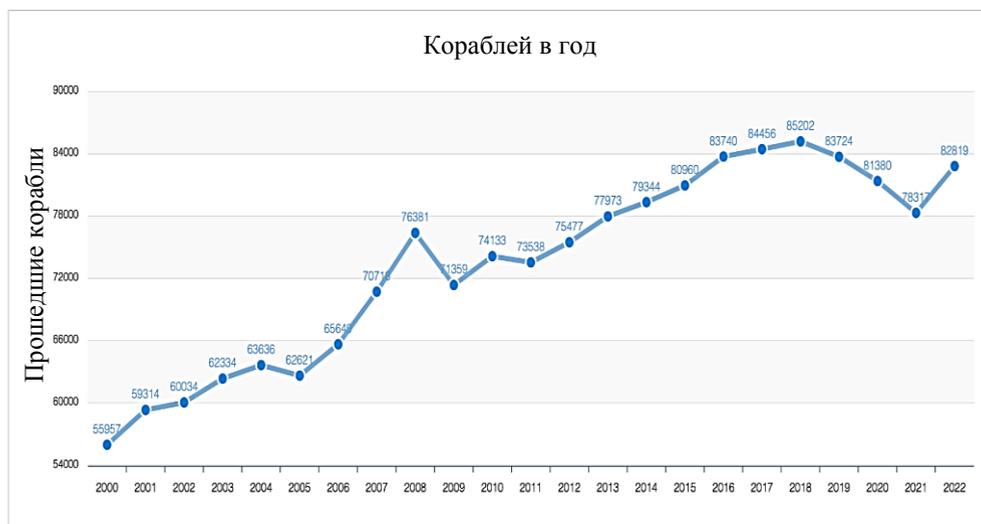

Рис. Количество кораблей, проходящих через Малаккский пролив в период с 2000 по 2022 г.

Источник: [Total...].

Южно-Китайское море также богато различными энергоресурсами. По данным U.S. Energy Information Administration, на территории ЮКМ находится 3,6 млрд баррелей нефти и других жидких углеводородов, а также 40,3 трлн куб. м при-

родного газа [South... 2024]. Согласно данным China National Offshore Corporation, недавно на территории Южно-Китайского моря также было обнаружено глубоководное месторождение природного газа с запасом 100 млрд куб. м [China... 2024]. Стоит отметить, что данные не являются полными. Полную оценку запаса энергоресурсов ЮКМ оценить сложно в связи с территориальными конфликтами стран региона. Есть основания предполагать, что запасов энергоресурсов в ЮКМ может быть в разы больше. Доступ к энергоресурсам данного региона будет способствовать защите энергетической безопасности.

Стоит также отметить продовольственный потенциал региона. ЮКМ богато рыбными ресурсами. «По расчетам специалистов, на моря Юго-Восточной Азии приходится 40 % общего улова рыбы в мире» [Усов 2014: 56].

Помимо этого, военное присутствие в данном регионе обеспечивает военную безопасность его стран. В первую очередь это актуально для Китайской Народной Республики. Учитывая текущее геополитическое противостояние с Вашингтоном в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и в особенности конфликт вокруг Тайваня, Китаю необходимо обеспечить военное присутствие на территории Южно-Китайского моря. «Стабильность в ЮКМ необходима для наращивания военно-морской мощи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в целях защиты “коренных интересов КНР”» [Мосяков и др. 2023: 360].

Таким образом, данный регион является критически важным для обеспечения экономической, военной и энергетической безопасности.

Интересы США и КНР в регионе

Китайская Народная Республика намерена воспользоваться всеми преимуществами Южно-Китайского моря для укрепления своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, расширения международного влияния, а также защиты национальных интересов [Гринин 2012].

Во-первых, Пекин заинтересован в богатом ресурсном потенциале данного региона. В современных условиях экономической конфронтации с США Китай делает ставку на рост собственного производства. Для этого ему критически необходимо наличие диверсифицированных поставок энергоресурсов. Потребность в нефти ежегодно растет, и в 2023 г. КНР стала второй страной в мире по объему потребления сырой нефти – 12,79 млн баррелей в сутки [Черноусов 2024]. Помимо этого, согласно данным Научно-исследовательского института экономики и технологий CNPC, ожидается, что спрос на нефть в Китае достигнет пика к 2030 г. и будет составлять 15,6–16 млн баррелей в сутки, а спрос на природный газ достигнет пика к 2040 г. и будет составлять 605,9 млрд кубометров [China's... 2023].

Важно помнить, что Китайская Народная Республика проводит политику по снижению зависимости от угля, в связи с чем необходимость обеспечения нефтью и газом является еще более актуальной. Согласно данным China Industry News, в 2023 г. доля потребления угля снизилась на 0,9 %, а потребление нефти и газа увеличилось на 0,4 % и 0,2 % соответственно. В результате на уголь приходится 55,3 %, на нефть – 18,3 % и на природный газ – 8,7 % [В 2023 году... 2024].

Стоит также отметить, что Китайская Народная Республика удовлетворяет свой спрос в энергоресурсах в первую очередь за счет импорта из других стран,

таких как Российская Федерация и страны Ближнего Востока. Однако в условиях текущей геополитической напряженности Китай заинтересован в наличии богатых запасов энергоресурсов на своей территории. Как считает И. В. Усов, политическая нестабильности в регионе, ставшая следствием «арабской весны», делает страны Ближнего Востока ненадежными поставщиками [Усов 2014].

В связи с этим территория Южно-Китайского моря, богатая нефтью и газом, представляет для Китайской Народной Республики большой энергетический интерес.

Помимо этого, контроль над Южно-Китайским морем является одним из важнейших факторов обеспечения военной безопасности КНР. Обеспокоенность военной безопасностью в ЮКМ у Китая вызвана тем, что Соединенные Штаты проводят активную политику на территории Азиатско-Тихоокеанского региона. Изначально администрацией Б. Обамы была объявлена политика «возвращения в Азию», суть которой заключалась в укреплении влияния Вашингтона в регионе. Госсекретарь США Хиллари Клинтон в 2011 г. заявила, что Соединенные Штаты готовы принять на себя лидерство в АТР [«Возвращение»... 2012].

Затем администрация Дональда Трампа в 2019 г. стала продвигать концепцию Индо-Тихоокеанского региона, а также создавать военные союзы с явной антикитайской направленностью. В 2022 г. была опубликована Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе, в котором страна объявила о намерении модернизировать военные союзы с Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом и Индией [Indo-Pacific... 2022]. Помимо этого, Вашингтон активно развивает сотрудничество с Вьетнамом как одним из главных противовесов Пекину на территории Южно-Китайского моря. В ходе визита президента США Джо Байдена в Ханой в 2023 г. была подписана декларация о заключении «всеобъемлющего стратегического партнерства» между Вьетнамом и США [США... 2023].

Вашингтон развивает военное сотрудничество также и с Филиппинами. Широкую критику Пекина вызвали американо-филиппинские военные учения, прошедшие в период с 22 апреля по 19 мая 2024 г. Данные учения проводились за пределами территориальных вод Филиппин с участием не только Филиппин и США, но также Франции и Австралии. Великобритания, Германия, Индия, Канада и Япония выступили наблюдателями [США... 2024]. По сценарию учений, военнослужащие отрабатывали освобождение захваченных островов. Учитывая географические положение проводимых учений, а также участников маневров, можно предположить, что США и союзные страны проводят подготовку к конфликту вокруг Тайваня.

Отдельного внимания заслуживает созданный по инициативе США в 2021 г. пакт по безопасности AUKUS, в который входят Австралия, Великобритания и Соединенные Штаты Америки. Данный пакт расценивается многими как создание военно-политического блока на территории Индо-Тихоокеанского региона, причем все участники не являются азиатскими странами. Разумеется, в качестве цели создания AUKUS значится обмен передовыми военными технологиями в областях искусственного интеллекта, кибернетики и подводных систем, а также защита ядерной инфраструктуры [Мосяков 2021].

Однако многие эксперты практически единогласно сходятся во мнении, что данный союз был заключен с целью противодействия Китаю в Азиатско-Тихо-

океанском регионе. Создание AUKUS можно расценивать как реакцию Соединенных Штатов на действия КНР в Южно-Китайском море.

Опасения вызывает также то, что AUKUS будет действовать совместно с созданным Д. Трампом в 2017 г. диалогом по безопасности QUAD, в который входят США, Австралия, Индия и Япония. Данные действия США по созданию блоков «по безопасности» создают угрозу смены существующего порядка в АТР. «Новая блоковая структура, включающая организации AUKUS и QUAD, способна изменить стратегический баланс сил, а это ключевое понятие, отражающее устойчивость системы мирового порядка» [Киселев, Опокин 2022: 46].

Помимо этого, Соединенные Штаты продолжают оказывать военную и финансовую помощь Тайваню. Пекин очень трепетно относится к Тайваньскому вопросу. В Конституции КНР прописано: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины – священный долг всего китайского народа» [Constitution... 2019]. Несмотря на то что Соединенные Штаты формально придерживаются принципа «одного Китая», они по-прежнему продолжают сотрудничество с Тайванем, а также выступают гарантом безопасности острова. По сообщениям «Financial Times», в случае военного противостояния Китая и Тайваня особый отряд военно-морских сил США SEAL окажет помощь Тайваню. Стоит отметить, что данный отряд уже на протяжении года готовится к возможному конфликту с Китаем вокруг Тайваня [СМИ... 2024].

Данные действия Вашингтона вызывают резкую критику Китайской Народной Республики, в связи с чем Министерство национальной обороны КНР заявило, что, несмотря на приверженность мирному процессу возвращения Тайваня, не исключен также и силовой захват острова [China's... 2024].

По мнению руководства Китая, США оказывают значительное геополитическое давление на Пекин в регионе с целью ограничить усиление региональных позиций КНР. В связи с этим на протяжении последних десятилетий Китай укрепляет военное присутствие на территории Южно-Китайского моря, создает искусственные острова и дислоцирует на них военную технику.

Соединенные Штаты Америки, в свою очередь, также заинтересованы в укреплении своего влияния в ЮКМ. Как уже было сказано, Вашингтон стал проявлять повышенный интерес к Азиатско-Тихоокеанскому региону после объявления Бараком Обамой политики «возвращения в Азию». В современном глобальном мире АТР является центром мирового производства с высоким уровнем рабочей силы. Разумеется, доступ к проливам, связывающим Индийский и Тихий океаны, также невероятно важен для Вашингтона. Последующее руководство страны продолжало курс Обамы на укрепление влияния в регионе. В Индо-Тихоокеанской стратегии США сказано, что страны региона помогают определить саму природу международного порядка, а Соединенные Штаты заинтересованы в свободном доступе к данному региону [Indo-Pacific... 2022].

Помимо этого, Вашингтон высказывает обеспокоенность касательно свободы судоходства в регионе. Ко времени объявления инициативы «возвращения в Азию» Китай несколько раз ограничивал судоходство американских судов. Среди примеров можно выделить суда «Impeccable», «Bowdich», «Victorious», «John McCain» [Лексютина 2011].

Современное геополитическое противостояние США и КНР, которое можно назвать «новой холодной войной», вынуждает Китай укреплять свое политическое, экономическое и военное влияние. Для этого Пекину необходимо добиться контроля в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в Южно-Китайском море в частности. Вашингтон прекрасно это осознает, в связи с чем стремительно развивает военное и экономическое сотрудничество со странами региона с целью оказать давление на Пекин.

Из этого выходит, что Китай проводит активную политику в ЮКМ с целью укрепления своей военной и энергетической безопасности, что в последующем будет способствовать созданию угрозы глобальному доминированию Вашингтона. США, чтобы этого не допустить, поддерживают антикитайские настроения стран региона, а также вовлекают в данный регион все больше дружественных себе государств.

Фактор стран АСЕАН

В условиях глобального противостояния между США и КНР Пекин вынужден укреплять свое политическое и военное доминирование на территории Южно-Китайского моря. Однако достаточно агрессивная политика Китая в регионе вызывает опасения у других стран ЮКМ. Особенно это заметно в политике Вьетнама и Филиппин.

Филиппины обладают правом контроля над регионом Парасельских островов и архипелага Спратли, однако Китай пытается установить полный контроль над архипелагом и занимается созданием искусственных островов на данной территории. Особую критику со стороны Манилы вызвала карта КНР, на которой 80 % территории Южно-Китайского моря считались подконтрольными Пекину.

В связи с этим действия Пекина в первое десятилетие XXI в. вынудили Филиппины пересмотреть свою стратегию национальной безопасности, а также отношения с Китаем, которые сменились с сотрудничества начала XXI в. на конфликт. Если до этого Манила уделяла внимание внутренней безопасности и борьбе с терроризмом, то в дальнейшем страна начала акцентировать внимание на поддержании обороны морских границ [Лексютина 2011]. Пока Китай продолжал активно создавать новые военные базы на архипелаге Спратли, Филиппины открыто критиковали действия КНР, а также развивали военное сотрудничество с США. Таким образом, агрессивная политика Китая способствовала сближению Филиппин и Соединенных Штатов Америки.

Однако это не значит, что Манила придерживается исключительно антикитайской позиции. Наоборот, отношения между двумя странами стали укрепляться с приходом к власти Родриго Дутерте в 2016 г. Дутерте «выступал за практику независимого внешнего курса, которая означала стремление Филиппин к сотрудничеству с такими странами, как Китай и Россия, при дистанцировании от США» [Кузнецова, Балабейкина 2023: 57].

Несмотря на то что текущее руководство страны во главе с Фердинандом Маркосом проводит менее прокитайскую политику, в отношениях между двумя странами прослеживается желание мирного урегулирования существующих противоречий. МИД Филиппин заявило о том, что страны договорились о сотрудничестве с целью снижения напряженности на территории Южно-Китайского моря.

Страны будут стремиться развивать и продвигать двустороннее сотрудничество, а также обсуждать вопросы береговой охраны и научно-технического сотрудничества [Китай... 2024]. Таким образом, Филиппины пользуются ситуацией геополитического противостояния между США и КНР в своих интересах, продолжая сотрудничество с Вашингтоном и ведя диалог с Пекином.

Схожая ситуация во взаимодействии с Китаем прослеживается и в политике Вьетнама. Ханой тоже выступает против действий КНР на Парасельских островах и архипелаге Спратли, а также критикует карту региона, в которой Пекин признает большую часть ЮКМ своей территорией. Вьетнам не придерживался строгой антикитайской политики, как Филиппины, однако страна неоднократно высказывала свое недовольство действиями Пекина. Вьетнам утверждает, что «единственной основой для разграничения на море между Китаем и Вьетнамом является Конвенция ООН 1982 г. Границы вод вокруг всех территориальных объектов Парасельских островов и архипелага Спратли, говорится в ноте, должны быть определены в соответствии со ст. 121 (3) Конвенции ООН 1982 г.» [Локшин 2024: 249]. В целом можно сказать, что Ханой придерживался более сдержанной политики в отношении Китая, чтобы не допустить серьезного ухудшения двусторонних отношений.

Однако, несмотря на критику со стороны Филиппин и Вьетнама, действия Китая в ЮКМ являлись непреклонными. Агрессивная политика Пекина также способствовала сближению Ханоя и Вашингтона, что привело к заключению «всестороннего стратегического партнерства» между двумя странами. С другой стороны, в 2023 г. Китай также является «всесторонним стратегическим партнером» Вьетнама. К тому же в 2023 г. две страны заключили декларацию о построении сообщества с единым будущим. Можно заметить, что Вьетнам ведет осторожную политику в отношениях с Соединенными Штатами, тем самым лавируя между Пекином и Вашингтоном.

В нынешних условиях прослеживается явное желание Вьетнама урегулировать вопросы с Китаем мирным путем. Так, в период с 18 по 20 августа 2024 г. состоялся визит нового президента СРВ То Лама в Китай. Стоит подчеркнуть, что КНР стала первой страной, которую посетил президент страны после вступления в должность. Что неудивительно, поскольку страны имеют тесное экономическое сотрудничество. Вьетнам является важнейшим торговым партнером Китая среди стран АСЕАН. КНР же является крупнейшим импортным рынком Вьетнама с предполагаемым оборотом в 99,6 млрд долларов [Импортно-экспортный... 2023].

Важным аспектом дискуссии стало обсуждение конфликтной ситуации в ЮКМ. Страны вновь выразили желание и готовность решать возникшие противоречия мирным путем. Однако, как считает эксперт ИКСА РАН Елена Никулина, Ханой не умаляет значения других своих союзников и планирует встречи с руководителями США, Японии и Австралии [Сложное... 2024]. Это показывает, что Вьетнам демонстрирует приверженность своим национальным интересам и нежелание занимать какую-то конкретную сторону в американско-китайском глобальном противостоянии.

Таким образом, можно заметить готовность стран АСЕАН и Китая к мирному урегулированию существующих противоречий. Решить существующие вопросы призван Кодекс поведения в Южно-Китайском море. Идея создания подобного

кодекса как основы стабильности и содействия взаимопониманию между странами-претендентами была выдвинута на 29-й встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в 1996 г. [Joint... 1996]. Однако данный документ до сих пор не был принят, поскольку для его принятия страны должны пожертвовать частью своего суверенитета. Никто на это пойти не готов. В связи с этим принятие Кодекса уже продолжительное время откладывается. Индонезия в рамках саммита АСЕАН, прошедшего в июле, высказала надежду на то, что кодекс может быть согласован к 2026 г. [На встрече... 2024].

Заключение

Южно-Китайское море является одним из важнейших регионов американо-китайского противостояния. В то время как Китай проводит достаточно агрессивную политику как в отношении Вашингтона, так и в отношении стран АСЕАН, Соединенные Штаты используют антикитайские настроения этих стран с целью недопущения укрепления влияния Пекина в ЮКМ.

Однако стоит отметить, что страны АСЕАН, в особенности Филиппины и Вьетнам, не желают занимать какую-то конкретную позицию в данном конфликте. Они заинтересованы в защите собственных национальных интересов, поэтому стараются развивать сотрудничество как с Пекином, так и с Вашингтоном.

Перспективы принятия Кодекса поведения в Южно-Китайском море, который должен стать инструментом урегулирования противоречий между КНР и странами АСЕАН, представляются маловероятными. В связи с этим данный регион продолжит оставаться одним из центров американо-китайского противостояния.

Литература

В 2023 году спрос и предложение на нефть постепенно восстанавливается, а потребление природного газа увеличивается. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cinn.cn/p/285823.html> (на кит. яз.; дата обращения: 12.09.2024).

«Возвращение» США в Азию [Электронный ресурс] : Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvra-shchenie-ssha-v-aziyu/?ysclid=m1547432i7854420244> (дата обращения: 18.09.2024).

Гончаренко А. Р. Южно-Китайское море как фронт современной гибридной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2023. № 2. С. 137–148.

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 43–61.

Дикарев А. Д., Регновский В. И. Отношения КНР с государствами АСЕАН и территориальный спор в Южно-Китайском море // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022 / под ред. К. В. Бабаева и А. В. Лукина. М. : ИКСА РАН, 2023. С. 394–401.

Импортно-экспортный товарооборот между Вьетнам и Китаем превысил 150 миллиардов долларов США. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/kim-ngach-xuat-nhap-khau-viet-nam-trung-quoc-vuot-moc-150-ty-usd/#gsc.tab=0> (на вьет. яз.; дата обращения: 25.09.2024).

Киселев С. Г., Опокин А. Б. История повторяется? Новая геополитическая блоковая структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2(847). С. 43–47.

Китай и Филиппины договорились принять меры по снижению напряженности в регионе [Электронный ресурс] : ТАСС. 2024. 12 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdu-narodnaya-rapogama/21845157> (дата обращения: 24.09.2024).

Кузнецова Ю. А., Балабейкина О. А. Территориальный спор в Южно-Китайском море как фактор противоречий в современных китайско-филиппинских отношениях // Проблемы современного востоковедения: материалы III Международной научно-практической конференции. Минск, 29–30 июня 2023 г. Минск : БГУ, 2023. С. 52–58.

Лексютина Я. В. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 30–41.

Локшин Г. М. Южно-Китайское море: поиск согласия продолжается / Г. М. Локшин // Избр. труды. М. : ИКСа РАН, 2024.

Мосяков Д. В. Новый военный блок – новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 3(52). С. 5–17.

Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2023. № 2. С. 358–371.

На встрече министров иностранных дел стран АСЕАН проблема Южно-Китайского моря стала ключевым вопросом. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiaobao.baidu.com/s?id=1805504044475782871&wfr=spider&for=pc> (на кит. яз.; дата обращения: 25.09.2024).

Сложное партнерство. Эксперт ИКСа РАН Елена Никулина – о том, как прошел визит вьетнамского лидера в Китай и что это значит для отношений двух стран [Электронный ресурс] : Известия. 2024. 20 августа. URL: <https://iz.ru/1745659/elena-nikulina/slozhnoe-partnerstvo> (дата обращения: 25.09.2024).

СМИ сообщили о готовности ВМС США помочь Тайваню при вооруженном конфликте с КНР [Электронный ресурс] : Известия. 2024. 12 сентября. URL: <https://iz.ru/1757984/2024-09-12/smi-soobshchili-o-gotovnosti-vms-ssha-pomoch-taivaniu-pri-vooruzhennom-konflikte-s-kr> (дата обращения: 23.09.2024).

США и Вьетнам заключили соглашение о стратегическом всеобъемлющем партнерстве [Электронный ресурс] : Ведомости. 2023. 12 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/12/994581-ssha-i-vetnam-zaklyuchili-soglashenie-o-strategicheskom-vseobemlyuschem-partnerstve> (дата обращения: 23.09.2024).

США и их союзники начали разыгрывать битву за Тайвань [Электронный ресурс] : РБК. 2024. 22 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/04/2024/66265c1d9a794730408218ba> (дата обращения: 23.09.2024).

Усов И. В. Интересы КНР в Южно-Китайском море // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4(25). С. 49–64.

Черноусов Д. А. Ретроспектива становления нефтяной промышленности Китая и стратегическое сотрудничество России и Китая в вопросе торговли нефтью // Экономические науки. 2024. № 2(231). С. 317–333.

China Just Discovered a Major Gas Field in South China Sea – How will It Affect the Disputed Zone? [Электронный ресурс] : Independent. 2024. August 8. URL: <https://www.independent.co.uk/asia/china/south-china-sea-gas-field-china-b2593130.html> (дата обращения: 24.09.2024)

China's Defensive National Defense Policy in the New Era [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.mod.gov.cn/xb/DefensePolicy/index.html> (дата обращения: 24.09.2024).

China's Oil Demand Seen Peaking by 2030 – CNPC Research. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-oil-demand-seen-peaking-by-2030-cnrc-research-2023-12-07/> (дата обращения: 22.09.2024).

Constitution of the People's Republic of China. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 23.09.2024).

Joint Communiqué of the 29th ASEAN Ministerial Meeting. Jakarta, 1996.

Indo-Pacific Strategy of the United States. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://2021-2025.state.gov/indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 17.02.2025).

South China Sea Overview [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/international/analysis/regions-of-interest/South_China_Sea (дата обращения: 25.08.2024).

These are the World's Most Vital Waterways for Global Trade. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2024/02/worlds-busiest-ocean-shipping-routes-trade/> (дата обращения: 24.08.2024).

Total Number of Ships Passing Through the Strait of Malacca from 2000 to 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://mehsoms.net/maritime-safety/straitrep-statistics/ships-passing-through/> (дата обращения: 24.08.2024).

ПУТЬ КИТАЯ К НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ КОНЦЕПЦИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ*

Чжао Хун, Фомина М. Н.**

В статье представлены идеи и взгляды китайских философов на глобализацию, глобализацию культуры в контексте их корреляции с аналогичными позициями западных и российских философов. Это позволило выявить перспективу формирования концепции новой модели глобализации, основы которой заложены, по мнению западных и китайских ученых, в инициативе «Один пояс – один путь». Китайские философы, анализируя уровень развития экономической глобализации, определяя формирующийся выход на антиглобализм, рассматривают «Один пояс – один путь» как реальный вариант трансформации современной глобализации, ориентированной на человека. В этом контексте они акцентируют внимание на роли культуры в процессе глобализации. Обосновывая обращение к глобализации культуры через глобальное сознание, ориентацию на человека, культурную конвергенцию, китайские философы видят в ней один из механизмов формирования новой модели глобализации.

Ключевые слова: глобализация, китайская модель глобализации, глобализация культуры, экономическая глобализация, инициатива «Один пояс – один путь», глобальное сознание.

* **Для цитирования:** Чжао Хун, Фомина М. Н. Путь Китая к новой модели глобализации: от концепций глобализации к глобализации культуры // Век глобализации. 2025. № 2. С. 76–87. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.07.

For citation: Zhao Hong, Fomina M. N. China's Path to a New Globalization Model: From Globalization Concepts to Cultural Globalization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 76–87. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.07 (in Russian).

** Чжао Хун – аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, доцент кафедры основных принципов марксизма Марксистского института Цзилинского педагогического университета инженерных технологий. E-mail: 176808892@qq.com.

Hong Zhao – postgraduate student at the Department of Philosophy of Transbaikal State University, Associate Professor at the Department of Basic Principles of Marxism of Marxist Institute, Jilin Normal University of Engineering Technology. E-mail: 176808892@qq.com.

Фомина Марина Николаевна – д. ф. н., профессор, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета. E-mail: marf_05@mail.ru.

Marina N. Fomina – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Transbaikal State University. E-mail: marf_05@mail.ru.

CHINA'S PATH TO A NEW GLOBALIZATION MODEL: FROM GLOBALIZATION CONCEPTS TO CULTURAL GLOBALIZATION

The article presents the ideas and views of Chinese philosophers on globalization, globalization of culture. Their scientific position is considered in the context of correlation with similar views of Western and Russian philosophers. The prospect of forming the concept of a new model of globalization was determined. Its foundations were revealed in the initiative "One Belt, One Road". Western and Chinese scientists defined this initiative as a new model of globalization. Chinese philosophers, when analyzing the level of development of economic globalization, determine the way to anti-globalism, they consider "One Belt, One Road" as a real option for transforming modern globalization. They believe that it should be focused on a person. In this context they focus their attention on the role of culture in the process of globalization. They turn to the concept of globalization of culture through an explanation of global consciousness, through orientation to a person, cultural convergence. Chinese philosophers see in it one of the mechanisms for forming a new model of globalization.

Keywords: globalization, Chinese model of globalization, cultural globalization, economic globalization, One Belt – One Road Initiative, global consciousness.

Сегодня глобализация как явление и процесс является одним из распространенных объектов исследования в мировой научной теории. Но при всем многообразии ее интерпретаций стоит согласиться с В. Г. Федотовой, что «неверная трактовка глобализации вытекает из того, что она не понята как вполне конкретный экономический процесс» [Федотова 2011: 47]. Дискуссионность вопроса можно объяснить различными подходами к обоснованию ее как феномена, к раскрытию ее причин и последствий, что является продолжением становления концептуального видения глобализации как явления во всей ее полноте. По поводу «научной разногласности» О. Г. Леонова замечает, что «в рамках этих научных результатов глобализация рассматривается с самых разных точек зрения и с очень разными акцентами», так как «стремительный количественный рост исследований по этой теме не привел к созданию последовательного и комплексного корпуса знаний» [Леонова 2024: 5]. Как область междисциплинарных исследований понятие «глобализация» подвергается различным интерпретациям. Так, например, группа российских авторов рассматривает ее в контексте социологических исследований, как бы охватывая все синхронные социальные сферы развития общества, определяя глобализацию как «интеграционное явление», как «тенденцию мирового развития», как «объективный процесс» [Sadykova *et al.* 2014: 8–9]. При всей сложности трактовки глобализации, учитывая ее многоаспектность и системность, считаем, что сегодня объективное определение дано А. Н. Чумаковым, анализирующим ее «как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [Чумаков 2023: 27].

Китайские специалисты в течение последних десятилетий, исследуя западные теории глобализации и саму глобализацию как процесс, пришли к выводу, что современная глобализация – это глобализация европейской и американской капиталистической модели. За последние 500 лет ее лидером была Европа, а затем в те-

чение 400 лет – США, которые стали политическим ядром глобализации. Мэн Минци отмечает, что она породила глубоко укоренившиеся европоцентристские идеи и чувство гегемонии [Мэн Минци 2000: 4]. Ван Сянсуй, анализируя ее процессы [Ван Сянсуй 2014], формулирует представление об американской модели, преимущество которой по сравнению с европейской в том, что США представляют единую экономику, обуславливающую тип общества с центро-периферийной структурой. Это, естественно, порождает столкновение цивилизаций в рамках глобализации по-американски, так как она с трудом приемлет толерантность и интеграцию.

Один из ведущих теоретиков в области исследования глобализации и глобализации культуры Цай Туо останавливается на распространенном мнении о ней как об экономической глобализации [Цай Туо 2002: 29]. Та же точка зрения и у Чжан Шипэна, отмечающего, что глобализация в основном относится к экономической глобализации, так как фокусируется на изменениях мировой экономики в 1980–1990х гг. [Чжан Шипэн 2000: 4]. А так как этот процесс имеет определенные стадии роста, то, следовательно, он характеризуется признаками, которые приведут его к дегенерации, к распаду жизненной структуры. По этому поводу Ван Ивэй [2024] замечает, что в последние годы экономическая глобализация окутана тенью антиглобализации, «разъединения и разрыва цепей». Следовательно, заключает он, ее будущий исторический этап должен быть таким, в котором все страны мира будут равноправны и равнозначны, так как он будет основан на глобальном сотрудничестве. Поэтому Китай должен быть готов участвовать в совместном строительстве справедливого и честного мирового порядка. Эта мысль звучит и в «Предисловии» к фундаментальному исследованию Ван Хуняо и Мяо Люя «Китай и глобализация в XXI веке», отмечающих, что традиционная модель глобализации переживает кризис, вступая в новую стадию, в которой доминируют незападные страны [Ван Хуняо, Мяо Люй 2022: 3–4]. Аналогична позиция и у Ван Ивэя, для которого истинная глобализация не может быть обращена вспять, так как это объективный экономический закон, определяемый логикой расширения капитала и рыночными принципами [Ван Ивэй 2024].

Признавая позиции китайских ученых, некоторые западные исследователи соглашаются, что предложение Китая о сообществе с единой судьбой для человечества, а не так называемые универсальные ценности Запада, является основной ценностью глобализации.

К новой модели глобализации

Еще в 2009 г. один из ведущих российских китаеведов Я. М. Бергер писал, что в «Китае широко обсуждается проблема глобализации и китаизации мира», поэтому, если «будет создана своя модель развития, полагают китайцы, то она начнет распространяться по всему миру» [Бергер 2009а: 94]. Это подтверждается и диалогом между доктором политологии, профессором Пекинского университета Юй Кэпином и Ф. Фукуямой, который состоялся в 2011 г. [Глобализация... 2013]. Только здесь стоит заметить, что речь идет о модели экономического развития Китая, о модернизации, которая, конечно, определяет и позиционирование Китая во внешнем мире. Я. М. Бергер трактует ее как «Пекинский консенсус», характеризующийся инновациями, устойчивым, сбалансированным, качественным разви-

тием, социальным равенством, национальным самоопределением [Бергер 2009б: 73]. Но здесь же замечает, что данная модель подвержена различным трактовкам в китайских научных кругах, подразделяя последние на три группы: первая соотносит национальные интересы с глобальными, вторая ориентирована на внутренние интересы, третья отрицает роль западного опыта развития для Китая [Там же: 74–75]. Если ориентироваться на сущность первой модели, то в нее «вписываются» взгляды Лю Ижу и Е. Ф. Авдокушина, анализирующих реализацию инициативы «Один пояс – один путь» через национальный концепт к глобальному интересу как «активизацию “выхода вовне”» [Лю Ижу и др. 2019: 71–72]. Таким образом, можно предположить, что реализация Китаем национальных интересов, модернизация определяют «выход вовне» в форме позиционирования новой модели глобализации.

В работе Хэ Фаня, директора НИИ морского шелкового пути (RIMS), профессора Пекинской школы бизнеса HSBC, и его коллег, новый тип глобализации определен как инициатива китайского лидера Си Цзиньпина «Один пояс – один путь», которая, по сути, является китайской версией глобализации [He Fan *et al.* 2017]. Оценивая глобальный характер данной инициативы, Надеж Роллан, почетный научный сотрудник Центра китайских исследований Национального бюро азиатских исследований в Сиэтле, пишет, что «Один пояс – один путь» (BRI) – это грандиозная стратегия, которая продвигает цель Китая – утвердиться в качестве преобладающей державы в Евразии и мировой державы, не имеющей себе равных [Rolland 2017: 5–6], так как эта инициатива отражает стремление Пекина формировать Евразию в соответствии со своим собственным мировоззрением и уникальными характеристиками [*Ibid.*: 12]. Если видение Пекина осуществится, утверждает она, может произойти замена либерального международного порядка на обширную нелиберальную, ориентированную на Китай сеть государств, переплетенных экономически, находящихся социально и политически под стратегическим влиянием Пекина [*Ibid.*: 23]. Ее размышления подтверждают, что стремление Пекина к глобальному развитию приобретает научный интерес, подвергается обсуждению, принимается представителями западной теории глобализации.

Стоит обратить внимание на один факт. В 2016 г. состоялась дискуссия между Цзинь Цаньжуном, заместителем декана факультета международных отношений Китайского народного университета, Ван Ивэем, директором Института международных отношений Университета Жэньминь в Китае, Ван Вэнем, исполнительным директором Института финансовых исследований Чуньян Китайского народного университета, и Го Сянганом, научным сотрудником Китайского института международных исследований [Цзинь Цаньжун и др. 2016]. Ее преамбулой был тезис: наступает «глобализация по-китайски», или «эпоха глобализации 3.0», носителем которой станет «Один пояс – один путь», а особенностью – сухопутно-морская связанность. Основанием для этого было утверждение, что глобализация в настоящее время имеет два лица. Первое – это процесс деглобализации, сосредоточенный в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки; второе – это новый процесс глобализации, начинающийся в Африке и других развивающихся странах.

Сунь Цишэн, вице-президент Китайского университета иностранных дел, профессор, генеральный секретарь Китайской ассоциации международных отношений и исследований, введением понятия «Chiglobalization» [Sun Jisheng 2024]

объясняет инициированный Китаем путь глобализации, подчеркивая тем самым, что этот процесс выходит за рамки европоцентристских или англо-американоцентристских моделей. Суть его кроется в признании того, что страны имеют разные традиции, культуры, идеи и практики, поэтому глобализация будет развиваться, опираясь на инклюзивные, плюралистические и устойчивые принципы. Дж. Хендерсон, директор Центра восточноазиатских исследований Бристольского университета [Henderson *et al.* 2013: 1322] и его соавторы, критикуя традиционные дискурсы, утверждают, что инновации вокруг концепции «трансформации» определяют «векторы», посредством которых экстернализация Китая трансформирует развивающийся мир [*Ibid.*: 1325]. Можно ли воспринимать слова Дж. Хендерсона как заявку на признание новой модели глобализации?

А теперь давайте вернемся к вышесказанному. В 2017 г. выходит работа Хэ Фаня, Чжу Хэ и Ли Чаохуэя [He Fan *et al.* 2017], реакцией на которую послужила опубликованная в этом же году монография Надеж Роллан. Тогда же, в 2017 г., публикуется статья директора Бюро международного сотрудничества Китайской академии наук и генерального секретаря Альянса международных научных организаций «Один пояс – один путь». Лю Вэйдун, апеллируя к практическим результатам, утверждает, что, так как экономическая глобализация находится на перепутье и нуждается в новой философии, то движение BRI («Один пояс – один путь»), вероятно, предложит китайское решение этой проблемы, направит глобализацию в сторону большей инклюзивности [Liu Weidong 2017: 332]. Таким образом, позиции некоторых западных исследователей совпадают с установками трактовки глобализации с китайской спецификой. Но есть одна особенность в китайской трактовке – она акцентирует внимание на культуре.

Идея новой модели глобализации стала в последние годы преобладать в китайских публикациях. Ян Гуанбинь [2024] объясняет это тем, что новая волна глобализации, вызванная модернизацией Китая, имеет историческое значение, сопоставимое с подъемом Запада и английской промышленной революцией 500 лет назад. Но, в отличие от западного типа общества, новая форма человеческой цивилизации будет заключаться в общей безопасности, а не в «парадоксе безопасности»; во взаимном обучении цивилизаций, а не в конфликте между ними; в совместном развитии, а не в нанесении вреда соседям.

Термин «новый тип» / «новая модель» глобализации после первого десятилетия XXI в. все чаще стал появляться в научных исследованиях. Об этом говорит и Дж. Чжан Грей [2022], генеральный директор «Alariss Global» (Центр международной экономики Министерства труда США в Вашингтоне), определяя его как 3.0, характеризующийся эффективностью, справедливостью; объединяющий людей любых национальностей сотрудничеством, ресурсами и знаниями. 3.0 характеризуется развитием информационных сетей, что было стимулировано COVID-19, сформировавшимися возможностями онлайн-работы. Если сопоставить ее видение 3.0 с мнением Надеж Роллан, то расхождение есть только в сути понимания данного процесса, так как Роллан непосредственно связывает новый тип глобализации со стратегией Китая, а Чжан Грей – с информационными технологиями, объединяющими людей мира в единую производственную сеть, аккумулятивную в США.

Тан Ючжи [2021], директор Института бизнеса Конфуция при Университете Лидса в Великобритании, научный сотрудник Пекинского исследовательского центра идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи, ссылается на характеристику этапов глобализации Т. Фридмана. Определив три типа глобализации, он акцентирует внимание на новом типе – глобализации 4.0: «сообщество с общим будущим для человечества», представив его как модель глобализации, которая будет более открытой, инклюзивной, справедливой и стабильной. Исходя из того, что Надеж Роллан связывала модель 3.0 с китайской инициативой, а Тан Ючжи – модель 4.0 с идеями Си Цзиньпина о сообществе с общим будущим, стоит предположить, что на ближайшие годы для научной дискуссии определяется тема 3.0/4.0, или дихотомия обновленной трактовки американского типа глобализации и общечеловеческой (китайской) модели. Тем не менее, как показали результаты исследования, мнения западных исследователей соотносятся со стратегией Китая.

В начале 2019 г. независимым многонациональным аналитическим центром «Anboun» (Beijing Anbang Consulting Company) подготовлен «Стратегический прогноз: глобализация переходит к новой модели» [Глобализация ... 2020], в котором было определено: глобализация не завершилась, но пути ее функционирования претерпевают глубокие изменения. И чтобы это принять, необходимо осознать, что: глобализация никогда не была просто трансграничным потоком экономических элементов; ее суть заключается в пространственной интеграции и взаимовлиянии обществ и стран; мир становится все более взаимосвязанным на уровне сознания; будущая глобализация продолжит смещаться с экономического уровня на культурный и информационный. И как резюме звучит тезис: поскольку глобализация продолжает углубляться на культурном уровне, необходимо создать собственную культуру с достаточной степенью сплоченности, чтобы гарантировать, что она не будет поглощена доминирующей. Она должна оставаться инклюзивной, поскольку только так мы сможем добиться прогресса в непрерывном обмене информацией и избежать отставания в новой модели глобализации. Таким образом, представлены две идеи: новая модель глобализации, доминирующая культура. Это подтверждает, что теоретические положения Цай Туо о соотношении глобализации и культуры становятся закономерным определением сущности новой модели глобализации.

Поворот к культуре в контексте глобализации

Перед китайскими аналитиками стоят несколько задач: на фоне определения глобализации как американской экономической модели представить перспективу формирования концепций новой модели, которая должна опираться на сотрудничество, равноправие всех стран; доминирующую роль закрепить за Китаем, имеющим более чем 5000-летнюю историю развития культуры, которая, в отличие от европейских культур, не подвергалась трансформации, сохраняя свое ценностное начало; так как глобализация охватывает все человечество, а оно – культурный субъект [Цай Туо 2002: 30], которому американская глобализация сознательно навязывает собственные культурные продукты и ценности, то речь должна идти о культурной глобализации [Цай Туо 2002: 31], поскольку глобализация не может никогда ограничиваться только экономическим измерением.

На взгляды Цай Туо оказало влияние не только его осмысление роли культуры в китайском обществе, но и мнение Р. Робертсона, утверждающего, что глобальная культура является универсальным вопросом, требующим своего изучения [Робертсон 2000: 2]. Он был одним из первых в Китае, кто заявил, что глобализация выдвигает на первый план глобальное сознание [Цай Туо, Ли Линь 2019: 38], которое проходит в своем становлении три этапа: реагирование, активное продвижение и спокойное размышление [Там же: 40]. Глобальное сознание, по его мнению, отражает глобализацию как диалектическое единство всеобщей универсальности и особенностей, уникальности и многообразия, интернационализации и локализации [Там же: 41]. Но, если следовать за его мыслью далее, то можно понять, что для Цай Туо глобальное сознание – не умозрительное понятие, а голос «разделяющих одну судьбу и дышащих вместе», который становится все сильнее в результате глобализации [Там же: 42]. Стоит заметить, что ссылка на такое мышление прослеживается и у О. Г. Леоновой, утверждающей, что глобализация – это «форма сознания, которая рассматривает Землю как единое место проживания всего человечества» [Леонова 2024: 5].

Ин-И Хонг и Б. К. Чон в этом контексте рассматривают глобализацию как условие культурного взаимодействия, как не только возможный, но зачастую и необходимый, неизбежный процесс [Ying-yi Hong, Cheon 2017: 810]. Поэтому утверждают, что реакция на мультикультурализм и межкультурные контакты не универсальна, так как они формируются культурным опытом [*Ibid.*: 817–818]. Следовательно, культура сама обеспечивает систему координат для урегулирования притока иностранных культур. Это мнение мы встречаем у А. Хасси и Д. Сторти, которые замечают, что еще в 90-е гг. XX в. началась дискуссия о синонимичности таких понятий, как американизация, макдональдизация и глобализация [Hassi, Storti 2012: 12], результаты которой и сегодня противоречивы. Аналогичная позиция у голландского исследователя глобализации и культуры П. Я. Недервена, размышляющего о глобализации как о вестернизации, которая, зародившись на Западе, по образцу западной культуры унифицировала другие культуры мира [Piteterse 1994: 162–163]. О порождении глобализацией культурных конфликтов пишут Х. К. Анхейер и Ю. Р. Исар, считая, что они еще недостаточно проанализированы и систематизированы [Anheier, Isar 2007: 12], поэтому, ставя себе эту задачу, они **отслеживают культурные тенденции во всех регионах мира.**

Ван Хуняо и Мяо Люй подходят к архитектонике глобализации с двух точек зрения: технологической и ориентированной на людей, определяя три столпа ее реализации (гуманистическая глобализация, открытый регионализм, оптимальное сосуществование и совместное управление) и семь путей содействия ее развитию. К ним они относят: 1) ориентацию на людей, объединяющую китайцев, проживающих за рубежом, и иностранных студентов для создания консенсуса; 2) содействии созданию Азиатского альянса на основе «культурного круга палочек для еды» для интегрированного сотрудничества, которое позволит реализовать новый тип глобализации; 3) укрепление евразийской основы для нового типа глобализации с помощью инициативы «Один пояс – один путь»; 4) укрепление сотрудничества с развивающимися странами для создания платформы глобального управления; 5) укрепление сотрудничества с европейскими странами, чтобы достичь эффективного баланса в треугольнике Китай – США – ЕС; 6) строительство нового

типа отношений между крупными странами; 7) внедрение инноваций в систему глобального совместного управления Востока и Запада и инициативы в многостороннем сотрудничестве [Ван Хуняо, Мяо Люй 2022: 24–25]. Как видим, речь идет о системном видении трансграничных взаимодействий, о глобальном управлении. Обращение к диалогу А. Н. Чумакова и Оуян Кана, в котором отмечено, что «к концу XX в. мировое сообщество полностью стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки – трансграничными, что сделало человечество, в сущности, целостной системой» [Чумаков, Оуян Кан 2024: 6], подтверждает взгляды китайских исследователей.

Глобализация культуры в китайской интерпретации

Китай не только предлагает, но и раскрывает сущность новой модели глобализации, ценностным регулятором которой определяет культуру. Эти вопросы не являются для западной и российской философии новым направлением. По мнению исследователей, понятие «глобализация культуры» появилось в конце 80-х гг. XX в. [Sadykova *et al.* 2014: 9]. М. М. Крейди пишет, что 1990-е гг. стали свидетелями роста популярности понятий «глобальная культура» и «культурная глобализация» [Kraidy 2005: 38], утверждая, что если сценарии глобальной культуры по своей сути являются политическими, так как относятся к вопросам управления, то глобальная культура воспринимается как угроза национальной идентичности [*Ibid.*: 16–17].

Для А. Ахмада глобализация культуры неотделима от различных способов мышления, убеждений и поведения человечества в различных физических и социальных пространствах [Ahmad 2013: 171–172], следовательно, она отражается и на ее нематериальных аспектах (язык, верования, ритуалы). К. Н. Ранкин [Rankin 2012] понимает культурную глобализацию как расширение движения товаров, технологий, образов, идей и людей по всему миру вследствие экономической глобализации с 1970-х гг. О. А. Борисенко и М. Н. Фомина в культурной глобализации отмечают «“размытость” локального и регионального признаков, которые полифункциональны; “стирание” (а в некоторых случаях и отсутствие) национальной или этнической предопределенности – они полиэтничны; “отмирание” отдельно взятых традиционных ценностей, в основе которых доминируют общечеловеческие» [Фомина, Борисенко 2018: 106–107].

В исследованиях взаимодействие глобализации и культуры трактуется в различных их интерпретациях. Мнение А. Н. Чумакова, говорящего о категориальном аппарате глобализации, что он «не является окончательно устоявшимся и общепризнанным, и тем более исчерпывающим и законченным» [Чумаков 2023: 23], может быть отнесено и к понятиям «глобальная культура» и «культурная глобализация». И дело не в том, как они трактуются, а в том, какой смысл в них вкладывается. Так, например, научный сотрудник Центра исследований теории социализма с китайской спецификой провинции Цзянсу Лю Хуаньмин [2018] отрицает культурную глобализацию, понимая под ней экспансию западной культуры, ориентирующую на потребление западных товаров, порождающую на уровне общественного сознания потребительство, влекущее человека к идентификации себя с западной культурой. И закономерный результат этого процесса, следовательно, по мнению Лю Хуаньмина, – формирование экономического и политического ландшафта мира

по западному образцу. Но еще в 2001 г. Цай Туо писал, что мы должны признать объективность культурной глобализации и стремиться к ее созданию [Цай Туо 2001: 61]. Он аргументировал свои слова тем, что, признавая только экономическую глобализацию, исключая культурную, мы нарушаем элементарную логику глобализации, так как экономика, политика и культура взаимообусловлены.

А так как глобализация политики и культуры является несомненной объективной реальностью, то надо сломать образ мышления и попробовать взглянуть на человечество в целом [Там же: 62–63], прежде чем отрицать глобализацию культуры, так как культура и культурная конвергенция – это и есть глобализация культуры. И дальнейшим высказыванием Цай Туо как бы подтверждает это: глобальная этика, интернет-культура, экологическая культура, устойчивое развитие, культурное потребление, массовая культура, современные концепции и т. д. – все это существует в реальности. Цай Туо не отрицает культурную колонизацию, которую Лю Хуаньмин интерпретирует как культурную глобализацию, но она представлена у него как форма проявления глобализации, поэтому, утверждает он, термин «культурный колониализм» по-прежнему актуален [Там же: 63–64].

Хотя в китайской терминологии еще не сложилось единого мнения о трактовке глобальной культуры, культурной глобализации, глобализации культуры, которые находятся на стадии научного осмысления (как и в российской теории), идея роли глобализации культуры в концепте глобализации постоянно присутствует в работах китайских ученых в последние годы. Еще в предшествующей публикации [Чжао Хун 2024: 27] было отмечено, что между понятиями «глобализация культуры» и «культурная глобализация» существует «поверхностное сходство», что «никоим образом не означает, что данные понятия эквивалентны», так как китайские авторы, в зависимости от контекста, вкладывают в них различный смысл.

Идея новой модели глобализации все больше расширяет ее смысловое пространство. Так, Ян Гуанбинь, профессор Чэнхайского института перспективных исследований глобального развития и безопасности Народного университета Китая, в исследовательском отчете [Ян Гуанбинь 2024] выстраивает закономерность между модернизацией Китая и новой моделью глобализации, где первая порождает вторую. Эту мысль мы прослеживаем и у Ли Сяюнь и Сюй Сюли [2025], отмечающих, что благодаря модернизации Китая выдвинуты три инициативы – глобального развития, безопасности и цивилизационного развития, которые вместе с практикой совместного строительства «Одного пояса – одного пути» вдохновили на создание новой модели глобального диверсифицированного развития. Как видим, данная мысль созвучна с мнением западных исследователей.

Вместо заключения

Модернизация в китайском стиле разрушила миф о том, что она тождественна вестернизации, противопоставив монистическим тенденциям превосходства западной теории и практики модернизации концепцию развития «Люди прежде всего». У Чэнь Хунцзюаня человек передает не только образ мышления и поведения, но и сам формируется в процессе наследования [Чэнь Хунцзюань 2012: 93], поэтому культура у него представлена как важный компонент многослойной структуры глобализации, вмещающей вместе с политическими, экономическими и социальными изменениями сохраненные собственные культурные гены [Там же: 94], что еще раз

подтверждает: обращение к взаимодействию глобализации и культуры становится одним из факторов в обосновании новой модели глобализации в Китае.

Для китайских исследователей глобализация является не только исторически обусловленным явлением, но и фактом реальной жизни, который нельзя отрицать, а необходимо принять, наполнив его китайским содержанием. Выдвигая тезис о том, что западо-америкоцентристская глобализация представляет исторически уходящий этап в развитии человечества, они обосновывают новую модель, которая зарождается как следствие китайской модернизации, взяв за образец инициативу «Один пояс – один путь». При этом данная позиция поддерживается и западными специалистами, которые трактуют инициативу как новую модель глобализации. Хотя на сегодня данное мнение нельзя рассматривать как устоявшееся в китайской теории глобализации, но тем не менее прецедент есть. Следовательно, это может быть основанием для будущих исследований. Признавая тот факт, что западная культура, как следствие экономической экспансии, выполнявшая роль культурного колонизатора в развивающихся странах, в условиях нового типа глобализации должна быть частью глобальной культуры, которая оформляется в результате интеграции множества культур, они, тем не менее, отдают доминирующее место китайской культуре, которая, в отличие от других мировых культур, имеет более чем 5000-летнюю историю. Поэтому можно сказать, что здесь доминирует идея Цай Туо о глобализации культуры как фактора экономической глобализации.

Литература

Бергер Я. М. Китайская модель глобализации // Век глобализации. 2009а. № 1. С. 91–97.

Бергер Я. М. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009б. № 9. С. 73–81. DOI:10.20542/0131-2227-2009-9-73-81.

Ван Ивэй. Новая глобализация во главе с Китаем [Электронный ресурс] : Global Magazine. 2024. 8 августа. URL: http://www.news.cn/globe/2024-08/08/c_1310783847.htm (на кит. яз.; дата обращения: 11.01.2025).

Ван Сянсуэй. Конец американской глобализации [Электронный ресурс] : Economic Guide. 2014. Вып. 5. URL: <https://www.jingjidaokan.com/icms/null/null/ns:LHQ6LGY6LG M6MmM5NDkzOWQ1MGE4MTliZjAxNTBiYzllZTU5ZDAwNmEscDosYTosbTo=/show.vsm1> (на кит. яз.; дата обращения: 09.01.2025).

Ван Хуняо, Мяо Люй. Китай и глобализация в 21 веке. Б. м. : CITIC Пресс, 2022. URL: <https://m.bookschina.com/8874784.htm> (на кит. яз.; дата обращения: 09.01.2025).

Глобализация переходит к новой модели. Стратегический прогноз аналитического центра Anbang от 14 января: глобализация переходит к новой модели [Электронный ресурс] : Anbang. 2020. 14 января. URL: <http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/br/b/202001/20200102931385.shtml> (на кит. яз.; дата обращения: 12.01.2025).

Глобализация, современный мир, китайская модель развития (Диалог Юй Кэпина и Фрэнсиса Фукуямы) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 105–113.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2. С. 3–19. DOI: 10.30884/vglog/2024.02.01.

Ли Сяюнь, Сюй Сюли. Китай исследует новую модель глобального развития [Электронный ресурс] : People's Daily. 2025. 5 февраля. URL: <http://www.qstheory.cn/20250205/1cc0ab91286e424e815d1ea17a6a5265/c.html> (на кит. яз.; дата обращения: 09.02.2025).

Лю Ижу, Авдокушин Е. Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // *Мировая экономика*. 2019. Т. 13. № 1. С. 67–76. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76.

Лю Хуаньмин. «Культурная глобализация» – ложное утверждение [Электронный ресурс] : *People's Daily*. 2018. 14 марта. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-03/14/c_129828912.htm (на кит. яз.; дата обращения: 14.04.2023).

Мэн Минци. Теория глобализации: критика западоцентризма // *Журнал Пекинского технологического ин-та* (издание по общественным наукам). 2000. Т. 2. № 1. С. 3–6 (на кит. яз.).

Робертсон Р. Глобализация: социальная теория и глобальная культура. Шанхай : Шанхайское народное изд-во, 2000 (на кит. яз.).

Тан Ючжи. Поэтапные характеристики и будущее направление глобализации [Электронный ресурс] : Народный форум. 2021. Май. URL: https://theory.gmw.cn/2021-05/16/content_34847628.htm (на кит. яз.; дата обращения: 14.01.2025).

Федотова В. Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации [Электронный ресурс] : *Вопросы философии*. 2011. № 9. С. 45–53. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16860677_37984597.pdf (дата обращения: 12.2023).

Фомина М. Н., Борисенко О. А. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры // *Концепт: философия, религия, культура*. 2018. № 1(5). С. 105–113.

Цай Туо. Глобализация культуры и ее влияние на международные отношения // *Тяньцзиньские общественные науки*. 2001. № 5. С. 61–67 (на кит. яз.).

Цай Туо. Четыре основных теоретических вопроса глобального познания // *Обучение и исследование*. 2002. Вып. 3. С. 29–36 (на кит. яз.).

Цай Туо, Ли Линь. Глобализационный сдвиг дипломатической стратегии Китая после реформ и открытости // *Академическое исследование*. 2019. Вып. 253. № 6. С. 37–45 (на кит. яз.).

Цзинь Цаньжун, Ван Ивэй, Ван Вэнь, Го Сянган. «Китайская глобализация» наступает. Вы готовы? Серия дискуссий по международным вопросам по всему миру. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xinhuanet.com/talking/character/2016zltx02.htm> (на кит. яз.; дата обращения: 10.01.2025).

Чжан Грей Дж. Глобализация 3.0 и будущее новых рабочих моделей [Электронный ресурс] : ALARIS. 2022. 31 мая. URL: <https://alariss.com/fellow/globalization-3> (на кит. яз.; дата обращения: 12.01.2025).

Чжан Шипэн. Что такое глобализация? // *Европа*. 2000. № 1. С. 4–13 (на кит. яз.).

Чжао Хун. От теории глобализации к теории культурной глобализации: теоретический поиск китайских философов // *Концепт: философия, религия, культура*. 2024. Т. 8. № 4. С. 22–36. DOI: 10.24833/2541-8831-2024-4-32-22-36.

Чэнь Хунцзюань. Три измерения культурной модернизации Китая на фоне глобализации – Мышление, основанное на культурных признаках // *ICCS Journal of Modern Chinese Studies*. 2012. Т. 4(2). С. 92–98 (на кит. яз.).

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // *Век глобализации*. 2023. № 3(47). С. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // *Век глобализации*. 2024. № 1. С. 3–21. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.01.

Ян Гуанбинь. Модернизация по-китайски и новая модель глобализации [Электронный ресурс] : Beijing Daily. 2024. 20 октября. URL: https://theory.gmw.cn/2024-10/28/content_37639669.htm (на кит. яз.; дата обращения: 11.01.2025).

Ahmad A. Globalization of Culture (or Cultural Globalization) // *New Age Globalization*. New York: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 169–177. DOI: 10.1057/9781137319494_8.

Anheier H. K., Isar Y. R. *Cultures and Globalization: Conflicts and Tensions*. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications Ltd, 2007.

Hassi A., Storti G. Globalization and Culture: The Three H Scenarios // *Globalization – Approaches to Diversity* / ed. by H. Cuadra-Montiel. N. p. : InTeOp, 2012. DOI: 10.5772/45655 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/3009> (дата обращения: 09.02.2025)

He Fan, Zhu He, Li Chaohui. China's Version of Globalization [Электронный ресурс] : Business-Standard. 2017. October 14. URL: https://www.business-standard.com/article/international/china-s-version-of-globalisation-117101400679_1.html (дата обращения: 09.02.2025).

Henderson J., Appelbaum R. P., Suet Ying Ho. Globalization with Chinese Characteristics: Externalization, Dynamics and Transformations // *Development and Change*. 2013. Vol. 44. No. 6. Pp. 1221–1253. DOI: 10.1111/dech.12066.

Kraidy M. M. *Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization*. Philadelphia : Temple University Press, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/31581/626979.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 14.07.2022).

Liu Weidong. Inclusive Globalization: New Philosophy of China's Belt and Road Initiative // *Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version)*. 2017. Vol. 32. No. 4. Pp. 331–339. DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.2017.04.001.

Piteterse J. N. Globalization as Hybridization // *International Sociology*. 1994. Vol. 9. No. 2. Pp. 161–184. DOI: 10.1177/026858094009002003.

Rankin K. N. Globalization, Cultural [Электронный ресурс] : *International Encyclopedia of Human Geography*. 2012. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/cultural-globalization> (дата обращения: 26.10.2023).

Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] : *Journal of Democracy*. 2017. Vol. 28. No. 4. Pp. 170–176. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/globalization-chinese-style> (дата обращения: 23.01.2025).

Sadykova R., Myrzabekov M., Myrzabekova R., Moldakhmetkyzy A. The Interaction of Globalization and Culture in the Modern World: 2nd World Conference on Design, Arts and Education DAE-2013 // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. No. 122. Pp. 8–12.

Sun Jisheng. The Challenges Facing Globalization (and the Chinese Way to Promote It). [Электронный ресурс] : *Horizons*. 2024. No. 27. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2024--issue-no-27/the-challenges-facing-globalization-and-the-chinese-way-to-promote-it> (дата обращения: 22.01.2025).

Ying-yi Hong, Cheon B. K. How does Culture Matter in the Face of Globalization? [Электронный ресурс] : *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. No. 5. Pp. 810–823. URL: <https://www.jstor.org/stable/48596949> (дата обращения: 22.10.2024).

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ И «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ» В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Горлач М. Е., Коркия Э. Д., Мамедов А. К.**

В статье в контексте работ норвежского исследователя Э. Сёренсена рассматриваются общественные коммуникации и «политические религии» в условиях глобализации. Авторы подчеркивают, что институциональные изменения в настоящее время связаны с тем фактом, что в качестве важнейшего ресурса общественных коммуникаций выступает научное знание, информационные ресурсы. Соответственно, вся структура общества перестраивается в направлении, которое позволяет эффективно работать с новым ресурсом. Статусная значимость человека определяется не только наличием традиционных средств производства, капиталов, но и прежде всего наличием информационных ресурсов и/или доступа к ним. Таким образом, социальные приоритеты смещаются от собственности и капитала к научным знаниям и информации. Социальная власть перемещается к владельцам глобальных информационных ресурсов.

Ключевые слова: глобализация, общественные коммуникации, политические религии, Э. Сёренсен, социальный статус, утопизм, миллениаризм, политическое мессианство, искусственный интеллект.

* **Для цитирования:** Горлач М. Е., Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Общественные коммуникации и «политические религии» в эпоху глобализации // Век глобализации. 2025. № 2. С. 88–99. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.08.

For citation: Gorlach M. E., Korkiya E. D., Mamedov A. K. Public Communications and “Political Religions” in the Era of Globalization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 88–99. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.08 (in Russian).

** Горлач Марина Евгеньевна – к. соц. н., преподаватель кафедры специального и инклюзивного образования филиала Ставропольского государственного педагогического института (г. Ессентуки). E-mail: megabyte@inbox.ru.

Marina E. Gorlach – Ph.D. in Sociology, Lecturer at the Department of Special and Inclusive Education of the Branch of Stavropol State Pedagogical Institute (Yessentuki). E-mail: megabyte@inbox.ru.

Коркия Эка Демуриевна – к. соц. н., доцент социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ekakorkiya@mail.ru.

Ecka D. Korkiya – Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: ekakorkiya@mail.ru.

Мамедов Агамали Куламович – д. соц. н., профессор социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: akmnauka@yandex.ru.

Agamali K. Mamedov – Dr. Sociol., Professor of the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: akmnauka@yandex.ru.

PUBLIC COMMUNICATIONS AND “POLITICAL RELIGIONS” IN THE ERA OF GLOBALIZATION

The article examines public communications and “political religions” in the context of globalization in the context of E. Sørensen’s works. The authors emphasize that institutional changes are currently associated with the fact that scientific knowledge and information resources act as the most important/main resource of public communications. Accordingly, the entire structure of society is being rebuilt in a direction that allows for effective work with the new resource. The status significance of a person is determined not only by the availability of traditional means of production, capital, but also, above all, by the availability of information resources and/or access to them. Thus, social priorities are shifting from property and capital to scientific knowledge and information. Social power is shifting to the owners of global information resources.

Keywords: *globalization, public communications, political religions, E. Sørensen, social status, utopianism, millenarianism, political messianism, artificial intelligence.*

В предисловии к первому изданию «Религии в пределах только разума» 1793 г. И. Кант задается вопросом о цели «правомерного действия» [Кант 1994]. Если отстраниться от обычных рассуждений, присущих его главным трудам, об утверждении морального закона императивом, который сам по себе выступает как «максима» любого поступка, то можно заметить, что в данной работе Канта возникает аналитическая задача разрешить вопрос, достижение какой цели управляет человеком, ведущим себя правомерно, и уж тем более какова цель общественных и государственных интенций. Для Канта «всеобщее благо» определяет область пересечений всех формальных условий достижения целей, которые мы должны иметь, и всех целей, которые мы в итоге имеем. Неизбежный вывод, который делает немецкий мыслитель, что лишь «Высшее» по отношению к человеческой природе способно объединить эти формальные условия. А это «Высшее» равно имеет религиозную и высокоморальную природу. Потому религия уравнивает как непостижимые уровни чисто религиозного, так и максимы морального уровня. Это знание, запредельное для бытового сознания, Кант объединяет в сумму истолковательной и доктринальной деятельности по производству его контента.

Анализируя данное произведение И. Канта, российский исследователь Б. Капустин пишет: «Конечно, то продвижение в его понимании, которое мы наблюдаем в “Религии в пределах только разума”, стало возможным исключительно благодаря отказу от отождествления свободы (свободной воли) с безусловным подчинением моральному закону...» [Капустин 2016]. Закономерный в таком случае вопрос о том, что именно является побудителем действия, если оно освобождено от морального императива, приводит нас к проблеме некритического восприятия норм и законов, что является основой как конфессиональных, так и светских политических религий. «Политическая религия предполагает разрушение дуализма религии и политики, слияние политического и духовного смысла, определяющего власть» [Bohmann 2009].

Политические религии

Термин «политическая религия» ввел в 1938 г. Э. Фёгелин, и основанием для введения данного понятия стала идеологизированная атмосфера предвоенной Германии, которую ученый сравнил с поклонением злу. «Говоря современным

языком, Фёгелин доказывал, что идеологический фанатизм нацистов был не политической или нравственной ошибкой, а духовным извращением» [Cooper 1999].

Впоследствии, уже в послевоенные годы, Фёгелин отказывается от введенного им же термина, что связано, на наш взгляд, с изменением области научного поиска. Он занялся проблемами политических и религиозных ценностей, секуляризацией моральных систем различных религий, современной интерпретацией воззрений классиков социальной мысли. Особую роль в понимании основы развития общества для него начинает играть символизм: «...когда возникает политическая наука, то начинается она не с *tabula rasa*, на которой можно начертать свои концепты; она неизбежно опирается на богатый массив самоинтерпретации общества и приступает к критическому прояснению социально предзаданных символов» [Фёгелин 2021].

К «самоинтерпретации общества» мы еще вернемся, но хочется отметить тот факт, что предпосылки «политической науки» поздний Фёгелин обнаруживает уже в трудах блаженного Августина, пишущего о воззрениях древнеримского ученого-энциклопедиста Варрона Реатинского. Возможно, более точным, чем «политическая религия», он и сам начинает считать один из видов теологии или их комбинаций, которые, согласно Варрону, названы:

- 1) мифической;
- 2) физической;
- 3) гражданской (цивилизационные принципы).

Согласно же самому блаженному Августину, это гражданская и естественная. Фёгелин предлагает дополнить эти два вида «сверхъестественной» [Там же]. И это очень важная промежуточная трансформация понимания «политической религии», ведущая от акцента на типе тоталитарной политической системы к нарративу, который используется в ее идеологии и в государственной идеологии вообще. Соотносить политическую религию с типом политического режима, по нашему мнению, – несколько устаревшая научная практика, поскольку в настоящем даже государства, считающиеся демократическими, стремятся к тотальному контролю над обществом.

Разработке теории политических религий посвящены труды современного исследователя профессора Сапиенцы Эмилио Джентиле. В своей книге «Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом» он рассматривает политические феномены как выражения «мирской религиозности», занявшие место традиционных религий в эпоху модерна. Общим характерным признаком политической религии ученый полагает выраженное в политической идеологии стремление к созданию «нового человека», антропологической революции с перспективой создания новой цивилизации наднационального характера. При этом отличие политической религии от гражданской, проявлением которой является почитание коллективного целого в форме общего для всех набора морально-этических и гражданских норм (например, «гражданской гордости», «уважения Конституции и закона», «патриотизма», «почитания героев, павших за Родину» и т. п.), в тоталитарном контроле не только поведения, но образа мысли. По мнению Э. Джентиле, американская гражданская религия являет собой в современной эпохе первый исторический пример религии политической сферы. Первым это отметил еще Алексис де Токвиль. В книге «Демократия в Америке» (1835 г.!) он отмечал, что в США удалось сочетать два начала, которые в истории часто выступали соперниками, – приверженность религии и дух свободы. В XIX в. гражданская религия

США развивалась в направлении превознесения миссии американского народа, избранного (Богом) нести благо всему человечеству. Эта вера в предназначение, выразившаяся, в частности, во внешнеполитической «Доктрине Монро», до сих пор звучит в речах американских президентов.

В своей работе [Мамедов и др. 2023] мы показали, что представления о жестокости власти, связанной с ротацией элит, существовали еще со времен древнегреческой демократии. Поэтому французский социолог либерального дискурса Раймон Арон, который продолжил изучение политических религий после Фёгелина, не открыл нового, когда писал: «Образование новых правящих элит является важнейшим признаком тоталитарных режимов <...> Институты и дипломатия служат воле к власти этих элит: тираническая власть внутри страны, безграничная экспансия вовне» [Арон 2007]. Однако, в отличие от Фёгелина, Арон положил сей тезис в основу своих теоретических исследований зарождения политических религий (которые он называл светскими) в революционном котле и междоусобных войнах, где общество начинает искать основания стабильного существования в новых доктринах, в обещаниях новых властей.

Высокие уровни нарратива

Эта потребность верить в лучшее подводит нас к понятию «высоких уровней нарратива». У отечественного исследователя Е. С. Маслова, ответственно и весьма квалифицированно подошедшего к исследованию нарратива, мы насчитали 16 определений термина [Маслов 2020]. Центральной мыслью большинства определений является то, что нарратив – это связь историй, соотносенных с временем, то есть содержащих причинно-следственные связи и с адресатом (-ами) коммуникации. Нарратология представляет собой сумму методов текстового анализа, выявляющих особенности его смысловой структуры. Что касается «высоких уровней», то, рассматривая нарратологический анализ по отношению к социологическим и политологическим феноменам, мы должны признать таким уровнем содержание государственных идеологий.

Высокий уровень нарратива предлагается гражданам государства в качестве основы самоинтерпретации общества. Следование этому послышу подразумевает в первую очередь лояльность и высокий статус, «обласканность» властью. Наряду с морально-нравственными нормами и традициями следование нарративу власти является инструментом цементирования общества в глобализационной системе.

Но существует и обратный процесс – сепарация общества, фреймирование, которое проявляется в различиях между его уровнями. Говорить об уровнях нарратива заставляет иерархическая организация дискурсов – «одни слова для кухонь, другие – для улиц». Вот пример рассуждения, оправдывающего такую структуру и право не следовать за нарративом высокого уровня: «А я обижен. И все понимают, что я обижен и поэтому могу ляпнуть лишнего. Но только дома, потому что партия от нас требует преданности, а не принципов. Когда можно, я ее ненавижу, а когда нужно, я ее солдат. Ты писатель и должен понимать разницу между словами “можно” и “нужно”. Я делаю то, что нужно, и поэтому мне кое-что можно, а ты того, что нужно, не делаешь, значит, тебе можно намного меньше, чем мне. Понял, в чем диалектика?» [Войнович 1993].

В отличие от темы секуляризации религиозных моральных ценностей и от исследования тоталитарных политических режимов исследования нарративов политических религий встречаются редко. К таким исследованиям можно причислить работу известного норвежского историка-социолога Э. Сёренсена. Вероятно,

со временем приведенные в нем типы нарративов будут дополнены с помощью изучения государственных идеологий тех стран, которые пока остались без внимания.

В 2010 г. Эйстейном Сёренсеном была создана работа, которая не только предлагает современный анализ нарратива, но и анализирует его исторические предпосылки. К таким уровням автор относит идеологии, которые свободно преодолевают государственные границы, преследуя при этом политические цели. Этот сравнительно небольшой труд послужил фундаментом для объединения множества разрозненных концепций политической коммуникации. За несколько лет до начала периода «политического безумия», как можно охарактеризовать настоящее состояние коммуникативного поля мировой политики, автор выявил ведущие тенденции высокого нарратива. Со своей стороны, нам хотелось добавить те объединяющие нарративы, которые не были рассмотрены в «Феноменах тоталитарной идеологии» как не относящиеся к формально тоталитарным, но вполне претендующие на звание «политических религий», то есть оснований, по которым живут и действуют массы, не ограниченные государственными идеологическими системами.

Утопизм

К идеологии, безусловно, способной превратиться в политическую религию, автор относит «утопизм». В этом он полагается на К. Поппера, который предостерегал, что утопический подход, источником которого он видит Платона, скорее похож на приманку, за которой следуют вовлеченные граждане: «Это – различие между стремлением облегчить человеческий жребий и практикой, которая, будучи применена, невыносимо усилит человеческие страдания. Это – различие между методом, который можно применять в любой момент, и методом, отставание которого может послужить удобным поводом для того, чтобы откладывать действие на более поздний срок, когда условия будут более благоприятными. Кроме того, это – различие между единственным до настоящего времени способом улучшения положения дел, приводящим к успеху в любое время и в любом месте, и методом, который всегда приводил только к подавлению разума насильем и к отказу либо от самого метода, либо от его первоначального замысла» [Поппер 1992].

Действия во имя общего блага, которое в итоге, возможно, так и не наступает, придают гражданскому активу этой идеологии незаслуженно высокий социальный статус.

Этот эффект напоминает притчу об осле и морковке, привязанной к шесту, который погонщик держит перед мордой животного. В то время как по обе стороны дороги растет сочная трава, более привлекательная морковка заслоняет в сознании любую иную альтернативу. Это не упрек попавшимся на приманку, это – их обоснование поиска лучшей жизни и смысла собственного предназначения. В этом случае в качестве ресурса мы имеем дело с чужим знанием, которое и существует гипотетически, и предположительно направлено на благо своей целевой аудитории. «В этой традиции существенным является то, что утопия не рассматривается как абстрактное совершенное общество: она рассматривается как конкретная цель, которой необходимо достичь» [Сёренсен 2014].

В этом замечании угадывается весьма основательное профессиональное знакомство Э. Сёренсена и с психологической литературой. Описание гетерогенных целей было введено в науку, по-видимому, параллельно Г. У. Олпортом и А. Н. Леонтьевым. Настоящее развитие оно получило благодаря работам Леонтьева, который усматривал в этом феномене механизм развития сознания. Позднее,

в результате интроспективного взгляда на историческое развитие общества, становится очевидно, что «все есть благо, и все есть зло» (приписывается Сократу) применимо не только на персональном уровне, но и на социальном. Профессор Б. С. Братусь, описывая негативные эффекты этого феномена, пишет: «Читатель легко узнает в этом описании механизм “сдвига мотива на цель”, однако вследствие особых условий его функционирования он в данном случае ведет не к расширению мотивационных устремлений, а, напротив, к их сужению, замыканию на отдельных элементах некогда развернутой и сложной деятельности» [Братусь 1988].

Проще говоря, мы здесь сталкиваемся с феноменом самообмана, работающего на повышение индивидуального статуса функционеров, его обеспечивающих, и на снижение их критического восприятия в социальной среде.

Милленаризм

Вторая концепция – милленаризм – на первый взгляд кажется недостаточно научной. Она основана на работах лишь одного британского ученого, Нормана Кона, который был «зациклен» на исследовании конспирологических теорий, «Протоколов сионских мудрецов» и роли евреев и их преследователей в истории мировой цивилизации. Однако зерно истины в этой концепции (а оно есть в любой концепции, по П. Фейерабенду) заключается в том, что она (теория/концепция) поднимает вопрос о природе самоорганизации протестных движений, которые на каждом этапе исторического развития, как *alter ego*, сопровождают власть. И здесь «по умолчанию» вступает в свои права теория социального статуса, которая подразумевает зарождение иерархии там, где возникает подчинение масс превосходящему ресурсу, от которого по различию статуса они зависят. В милленаризме это локальные иерархии – секты, которые тщательно оберегают свои практики, чтобы избежать разрушения от превосходящих сил внешнего, общественного процесса. В медицине такие заболевания имеют общее название «гранулёматоз», когда в здоровой ткани возникают закрытые образования с отличным от окружающего обменом веществ.

Мы можем лишь мечтать, что социальные статусы всегда будут адекватно отражать природу позиционирования в общей, единой социальной иерархии, присущей данному государственному устройству. На деле раз за разом мы фиксируем локальные общественные объединения, которые чаще всего действуют во вред государственным системам, в которых располагаются. И эта деятельность выходит на уровень политической религии тогда, когда пересекает границы и начинает свободно шагать по планете. Из последних громких дел о таком объединении можно вспомнить «Аум синрикё»^{***} (впоследствии «Алеф»), которое стало предметом юридического преследования только тогда, когда счет погибших от их деятельности перешел на тысячи (в России считаются пострадавшими 26 человек). Вот потому мы не полагаем, что милленаризм – не только предтеча политических религий, но и живой по сей день организационный принцип данного уровня нарратива, и весьма реальная политическая религия.

Политическое мессианство

Третья концепция – «политическое мессианство». Оно базируется для Сёренсена на критике израильским историком Я. Л. Тальмоном рационализма Ж.-Ж. Рус-

^{***} Организация признана террористической и запрещена в РФ.

со в его книге «Истоки тоталитарной демократии» и в целом на столкновении сталинизма и американской демократии как противостоящих магистральных путей развития политической истории XX в.

Популярная книга «Истоки тоталитарной демократии» вышла в 1952 г., то есть тогда, когда Тальмон уже был знаком с политическими реалиями тоталитаризма и событиями Второй мировой войны [Сёренсен 2014].

Тальмону и принадлежит первенство во внедрении термина «тоталитарная демократия».

Пожалуй, самый интересный сделанный автором вывод заключается в том, что не самоопределение народа диктует политические и социальные решения, а идеологические предопределения, заложенные в целях самого политического строя. «В этом случае идея народа естественным образом ограничивается теми, кто отождествляет себя с общей волей и общим интересом. Теми, кто снаружи и на самом деле не принадлежат к нации» [Talmon 1961].

То есть при тоталитаризме волеизъявление народа ограничено планом борьбы с его противниками и поэтому полностью растворено в диктате.

На первый взгляд кажется, что речь идет о противостоянии демократического американского и авторитарного политического диктата. На деле же книга продиктована скорее страхом и аллюзией Французской революции на Октябрьскую революцию 1917 г., которая перепугала либеральные круги на Западе тогда и до сих пор представляется им ужасным примером самоопределения народа, грозящим внезапной сменой режима правления. Концепция идентификации определенного сословия как представителя нации, которое оказывается более статусным, чем иные, действительно, более присуща коммунистической идеологии, например в лице пролетариата как основного драйвера социальных преобразований. Даже в настоящем российской действительности проблема самоопределения социального статуса представляется важной задачей: «Мне кажется, что прежде всего необходимо легализовать сословное устройство и четко обозначить сословия, их интересы и отношения между ними. Это надо сделать для того, чтобы граждане могли определиться, кем они являются: деятелями рынка, участвующими в политическом процессе, ратующими за демократию и ее институты, или членами сословий, которые служат государству, закону и Богу или обслуживают эти служения» [Кордонский 2008].

И дело, кажется, в том, что более высокий статус – это эфемерный приз, быстро переходящий из одних рук в другие, а кроме того, его поддержание провоцирует дистанцирование от тех, над кем удастся подняться: «Рабочие и крестьяне – новые гегемоны, получившие власть в результате смены монархического режима, претят эстетике просвещенного западного мира. Немыслимо, чтобы все граждане могли принимать равное участие в управлении государством. Отсюда и критика Руссо, который едко предрекает коллапс капитализма и представительской демократии: “Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан, и они предпочитают служить ему своими кошельками, а не самолично, – Государство уже близко к разрушению. Нужно идти в бой? – они нанимают войска, а сами остаются дома. Нужно идти в Совет? – они избирают Депутатов и остаются дома. Наконец, так как граждан одолевает лень и у них в избытке деньги, то у них, в конце концов, появляются солдаты, чтобы служить отечеству, и представители, чтобы его продавать”» [Руссо 1969].

Дополнительным аргументом, свидетельствующим об ошибочности позиции мессианства в версии Сёренсена [2014], служит позиция Р. Арона, с которой он

постоянно сверяется. При всей своей пронизательности и критичности в оценке политического устройства тоталитарного строя он допускает идеологически ангажированные высказывания: «Социалисты приняли сторону контрреволюционной полемики. Устраняя разнообразие личного статуса, из различий между людьми они оставили существовать только деньги» [Арон 2015]. Дело не в социалистах и уж тем более не в социализме как идеологии, а в конкретном историческом контексте начала XX в. Диалог не стран, а политических религий становится главным уровнем социально-политических дискуссий и для второй половины века. Хотя понятно, почему при таком политическом триумфе социалистической идеологии Запад приходит к призыву к курсу деидеологизации, по сути, в интересах того, чтобы отменить советские успехи на мировой арене, ибо они (успехи) были весьма очевидны.

«Почему западноевропейский истеблишмент согласился с этим американским “похищением Европы”? Потому что он не поверил в перспективы европейского “центризма”, а поверил – точнее, поддался – шантажирующей дилемме: либо советизация Европы, либо ее американизация. <...> Раймон Арон, будучи одним из этих поддавшихся данной псевдодилемме, вплоть до середины 60-х гг. разделял эти идеологические штампы о благой миссии Америки и невозможности спасения Европы без нее, наивно заявляя, что “для антисталиниста не существует иного пути, кроме принятия американского лидерства”» [Никандров 2015].

Чтобы не отпускать Арона со столь скудным нашим комментарием, скажем, что он немало сделал для исследования статуса, но не в самой известной своей книге «Опиум интеллектуалов», а в другой – «Мир и война между народами»; статус представляет для автора систему, состоящую из двух положений: статус как состояние и статус как возвращение к предшествующему состоянию. Итак, в мировоззрении Арона статус определяет временное различие между прошлым, будущим и настоящим существованием государственных систем. Пребывающая в «настоящем», любая система оказывается в фокусе, который требует идентификации, в остальных случаях для него не существует никакой определенности, потому что не борьба за статус в его современном понимании управляет позицией государства на мировой арене, а применение насилия, которое априори неприемлемо [Арон 2000].

Так что необходимо возвращение к состоянию глобализационного баланса.

Четыре тоталитарные религии

Пожалуй, из уже сказанного понятно, что уровень политических религий применим только лишь к коммуникациям на уровне государственных систем. Субъекты борьбы идеологий апеллируют к все более высоким уровням аргументации своей позиции, пока не оказываются в ловушке четырех тоталитарных политических религий: фашизма, коммунизма, национал-социализма, исламизма. Нас не должно сбивать с толку, что терминология названных политических религий сходна своими постфиксами – это сходство в отношении самих идеологий/авторов только в сознании тех, кто пытается создать систему единого управления ими. Позиционирование политической религии в том случае, если ее придерживается государство, становится важнейшей задачей в середине XX в., хотя по большей части это не новоприобретенная духовная основа, а реставрация прежних политических режимов. Суть такого подхода заключается в создании

блоков союзных стран для успешного позиционирования на поле мировой политики. Общее в этих четырех тоталитарных религиях Э. Сёренсен вывел верно:

1) тоталитарные движения, будучи носителями тоталитарных идеологий, приписывают себе открытие формулы совершенного общества;

2) они агрессивно и бескомпромиссно отвергают нынешнее общество. Это верно для обществ любого типа, но исторически так сложилось, что в роли отвергнутых оказывались в основном либерально-демократические общественные уклады западного типа;

3) они революционны – требуют резкого и полного разрыва с прошлым;

4) они непоколебимо уверены в собственной правоте, в том, что им удалось найти единственную и окончательную истину. Тоталитарные движения и идеологии принципиально и последовательно борются со всеми проявлениями плюрализма;

5) они не считают политику и политические идеи чем-то отдельным от остальных сфер человеческой жизни и исходят из того, что все в жизни связано. Их идеи претендуют на универсальность. У них есть решения для проблем любого рода, они хотят контролировать все сферы человеческой жизни;

6) понимание сути идеологии, по крайней мере на ранней стадии развития, считается исключительной прерогативой правящей элиты. По мнению элиты, большинство людей живет в мире иллюзий и не обладает знанием о том, как на самом деле устроен мир;

7) они считают себя вправе пользоваться любыми средствами для достижения поставленных целей, в том числе при необходимости применять насилие и террор. Цель так велика и важна, что затмевает все остальное, поэтому не существует моральных и идеологических ограничений на применяемые для ее достижения средства;

8) всякий, кто стоит на пути к достижению цели, считается врагом, включая тех, кто хочет сохранить прежний общественный уклад, и тех, кто достиг при нем благосостояния, а также приверженцев других, конкурирующих, тоталитарных идеологий [Сёренсен 2014].

Все же различий между политическими религиями тоталитарных режимов больше, чем сходства, что иллюстрирует многообразие исторического опыта. Победа расовых идей, естественное преимущество немецкого порядка, культурная основа права победителей, исчезновение еврейского народа с лица земли и превращение славян в рабов, живущих исключительно сельским хозяйством и обслуживающих экономику хозяев – это не фашизм, это, по Сёренсену, национал-социализм.

Фашизм, по Сёренсену, – это идеология Б. Муссолини, что в первую очередь означает «действие и мысль». Наступивший «век государства» и коллективизма означает появление некоего абсолюта, который должен охватывать все стороны жизни общества. И тогда становится понятно, что если при национал-социализме статус является результатом права, полученного при рождении, – то есть врожденным расовым и национальным качеством, то при фашизме – приобретенным качеством: это соответствие задачам, определенным национальной политикой. Во втором случае существует более гибкая система оценки статуса, но, как замечал А. Гитлер, это является всего лишь результатом слабости власти политического лидера, то есть Б. Муссолини, которого в начале карьеры в силу статуса сдерживали сторонники королевского дома Виктора Эммануила III – монарха Италии.

Коммунизм. Что будет со статусом в обществе, где устранены основания неравенства? Где нет частной собственности, где нет принудительного труда. Где

вокруг «сверхлюди, подчинившие себе природу и свою прежде бессознательную жизнь, гармоничные и динамичные, все время стремящиеся создавать нечто красивое» [Сёренсен 2014]. Потрясающая, необычная подборка мыслей классиков коммунистической идеологии, из которых Сёренсен явно отдает предпочтение лишь Л. Троцкому, позволяет дать ответ на этот вопрос. При коммунизме высвобожденные ментальные силы будут направлены на природу человеческого существования: «Наконец-то человек станет действительно гармоничным существом. Люди будут стремиться “вести в движения своих собственных органов – при труде, при ходьбе, при игре – высшую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту”. Далее, человек будет стремиться подчинить своей воле сначала полуосознанные, а затем и неосознанные процессы в своем организме, управляя “дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением”. В рамках разумной необходимости человек сделает эти процессы подконтрольными своему сознанию и воле. И даже чисто физиологические процессы будут подвергнуты коллективным экспериментам» [Сёренсен 2014].

Итак, коммунистическая идеология является единственным сознательным пределом, который удалось обнаружить, где заканчивается теоретическое и практическое бытие социального статуса, поскольку он уже перестает быть социальным феноменом, а становится личным, индивидуальным, направленным внутрь себя медитативным феноменом. Вместо управления социальной системой концепция статуса фокусируется на управлении индивидуальными подсистемами организма.

Четвертой тоталитарной религией Сёренсен считает исламизм. Комментаторы Сёренсена для придания толерантности своим воззрениям добавляют «воинствующий исламизм», чтобы не затронуть случайно чувства верующих мусульман. Вместе с тем строго фреймируется исламизм как политическая религия и ислам как монотеистическая авраамическая религия – это далеко не одно и то же, что зачастую не учитывают в европейском интеллектуальном истеблишменте. Поэтому не так важно, является ли исламизм радикальным ответом на эрозию вековых ценностей, важно, что он, по Сёренсену, является способом политического принуждения к традиционным нормам поведения. Обрести статус внутри этого нарратива можно, обретя соответствие в одной из трех градаций:

- 1) быть или стать правоверным мусульманином или шахидом – святым воином за ценности ислама;
- 2) стать носителем, толкователем и распространителем мусульманских ценностей и традиций;
- 3) родиться в семье, которая имеет отношение к формированию норм, культурных практик и исторических вех религиозного предопределения.

Представление Сёренсена о политических религиях на этом заканчивается, но мы предлагаем задуматься о еще нескольких наднациональных объединениях, которые не могут считаться тоталитарными, но однозначно являются политическими, а кроме того, многое в факте их существования зависит от веры в них.

Национальные миры

Во-первых, это концепция единого национального мира, за которой скрывается комплекс финансовых и культурных объектов, объединенных целью глобализации титульной нации, представляющей политическую силу. Наиболее известны англосаксонский и русский миры. В поддержку англосаксонского мира выступают банки, торговые сети, территориально распространенные стандарти-

зированные фастфуды. Кроме популяризации американского образа жизни у жителей иной «недоцивилизации», они видят задачу создания уголка отдыха для своих граждан, чтобы поддерживать престиж своей страны. Опыт 1990-х гг. показал, на что способна тирания ультраправых в российском обществе. Поэтому русский мир, скорее, культурное посольство. Его сфера деятельности – это популяризация и глобализация культуры. В разные годы русский мир динамично менял направления деятельности, имел разную влияние, что в первую очередь зависело от политических событий внутри России [Мамедов 1986].

Итак, концепция единого национального мира представляет собой изоморфную форму дипломатических представительств, содержать которую может лишь государство с имперскими амбициями или мировые объединения финансового капитала. Несколько проще обстоит дело с землячествами, которые могут себе позволить и мелкие народности при условии высокого национального самосознания. Существование внутри такого мира придает определенный статус относительно окружающих, правда, не всегда более высокий.

Во-вторых, это политические международные организации, чья юрисдикция доминирует над национально-государственным уровнем. Практика показывает, что, созданные как инструмент контроля и регуляции важных для мирового сообщества задач, с течением времени они либо превращаются в самостоятельную политическую силу, либо принимают вассалитет ведущей политической силы. Это коснулось ЕС, МАГАТЭ, «Гринпис», ООН и пр. Возможно даже, что это свидетельствует о достижении определенной «зрелости» данных органов, и мы наблюдаем механизм организации надгосударственного уровня политического нарратива, деидеологизировать который уже становится невозможным, так как он начинает жить собственной жизнью.

В-третьих, это цифровые империи, страны, планеты, некоторые из которых обладают продолжительным сроком существования и имеют большое влияние на своих граждан. Внутри этого виртуального мира формируются совершенно реальные финансовые институты, выбираются собственные правительства, собираются налоги, выкристаллизовываются идеологии. Некоторые возникают на основе популярных компьютерных игр, другие – на основе специальных проектов. Численность жителей виртуальных государств зачастую не превышает 1 млн человек, а амбиции очень велики. Так, у виртуального государства Асгардии в ходу лозунг: «Одно Человечество – Одно Единство!»

Общечеловеческий уровень

В того, кто скажет, что знает, что это такое, можно смело «бросать тапком». Мыслители столетиями бьются над решением вопроса идеальной организации общества, которая была бы желательна независимо от национальных и государственных границ. Но даже сам принцип, при котором государством управляют философы, подвергнут критике и развенчан. Хотя такой уровень нарратива, безусловно, есть, и мы его способны интуитивно чувствовать. Наверное, наиболее популярным будет мнение, что он отражает гуманистические ценности. К ним можно причислить добро, любовь, толерантность. Главным аргументом против единения человечества под этим знаменем станет отсутствие понимания, что отличает гуманизм от антропоцентризма, поскольку на этом уровне нарратива противником человеческой деятельности выступает сама непокоренная природа, которую человек видит своим противником. Возможно, заложенный в нас этот уровень ждет своего часа, когда мы столкнемся с действительно чуждым сознанием

или взбунтовавшимся искусственным интеллектом, поскольку в последнее десятилетие стало ясно, что различные измерения глобализации трансформируют образовательные форматы в сторону расширения вариативности технологий и возможностей образования [Гезалов и др. 2018].

Так что, пожалуй, сегодня этот уровень нарратива приходится оставить каждому на индивидуальное понимание самой человеческой сущности и совести, которая, весьма вероятно, еще сможет сформироваться как коллективный феномен.

Литература

- Арон Р. История XX века: Антология. М. : Ладомир, 2007.
- Арон Р. Мир и война между народами / под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : NOTA BENE, 2000.
- Арон Р. Опиум интеллектуалов. М. : АСТ, 2015.
- Братусь Б. С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988.
- Войнович В. Н. Шапка / В. Н. Войнович // Малое собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М. : Фабула, 1993.
- Гезалов А. А., Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Статус и миссия университета в пост-модерне // Век глобализации. 2018. № 4(28). С. 152–158.
- Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. М. : Чоро, 1994.
- Капустин Б. Г. Зло и свобода. Рассуждения в связи с «Религией в пределах только разума» Иммануила Канта. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.
- Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Мамедов А. К., Горлач Д. Г., Горлач М. Е. Логос Демоса. Судьба Прометея: от Эсхила до Шелли. М. : МАКС Пресс, 2023.
- Мамедов А. К. Философия религии И. Канта // Религии мира: ежегодник. Вып. 5. М., 1986.
- Маслов Е. С. Что такое нарратив? Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2020.
- Никандров А. В. Идеологические споры в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 49–61.
- Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М. : Феникс, Культурная инициатива, 1992.
- Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969.
- Сёренсен Э. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. М. : Прогресс-Традиция, 2014.
- Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение. СПб. : Владимир Даль, 2021.
- Bohmann G. «Politische Religionen» (Eric Voegelin und Raymond Aron) – ein Begriff zur Differenzierung von Fundamentalismen? // Östereichische Zeitschrift für Soziologie. 2009. Т. 34(1). S. 3–22
- Cooper B. Eric Voegelin and the Foundations of Modern Political Science. Columbia : University of Missouri Press, 1999.
- Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy. London : Mercury Books, 1961.

ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН, РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТА*

Коротаев А. В., Медведев И. А., Авдалян М. Р., Ситар К. А.,
Барановская Е. И., Орлова Л. Н., Тимиргалеева Р. Р.**

* Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-Ш05-07 на тему «Исследование потенциала природных ресурсов и новых форматов отношений между Россией и странами Азии и Африки: моделирование экономического, политического и культурного сотрудничества».

Для цитирования: Коротаев А. В., Медведев И. А., Авдалян М. Р., Ситар К. А., Барановская Е. И., Орлова Л. Н., Тимиргалеева Р. Р. Глобальное значение африканских стран, развитие российско-африканских отношений и риски политической дестабилизации государств континента // Век глобализации. 2025. № 2. С. 100–113. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.09.

For citation: Korotayev A. V., Medvedev I. A., Avdalyan M. R., Sitar K. A., Baranovskaya E. I., Orlova L. N., Timirgaleeva R. R. The Global Importance of African Countries, the Development of Russian-African Relations, and the Risks of Political Destabilization in the Continent's States // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 100–113. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.09 (in Russian).

** Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, г. н. с. Института Африки РАН. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Andrey V. Korotayev – Dr. Hist., Professor, Director of the Center for Stability and Risk Analysis of the HSE University, Professor of Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University, Senior Research Professor of Institute for African Studies of the RAS. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Медведев Илья Александрович – м. н. с. Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: semyonkot@yandex.ru.

Плю А. Medvedev – junior researcher at the Center for Stability and Risk Analysis of the HSE University. E-mail: semyonkot@yandex.ru.

Авдалян Мэри Рафаэлевна – с. н. с. Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: avdalyanmr@my.msu.ru.

Mary R. Avdalyan – Senior Researcher at the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: avdalyanmr@my.msu.ru.

Ситар Ксения Александровна – к. г.-м. н., с. н. с. кафедры геологии и геохимии горючих ископаемых геологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: k.sitar@oilmsu.ru.

Ksenia A. Sitar – Ph.D. in Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher at the Department of Geology and Geochemistry of Fossil Fuels of the Faculty of Geology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: k.sitar@oilmsu.ru.

Барановская Екатерина Ивановна – к. г.-м. н., доцент кафедры гидрогеологии геологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: baranovskaya_kat@mail.ru.

В статье рассматривается растущее глобальное значение Африки. При этом особое внимание уделяется демографическому аспекту, а также роли природных ископаемых ресурсов Африки в глобальном энергетическом переходе. Анализируются перспективы развития сотрудничества между Российской Федерацией и странами Африканского континента. Показана та негативная роль, которую политическая нестабильность может сыграть в развитии африканских государств. С использованием методов машинного обучения произведена необходимая оценка рисков крупномасштабной политической дестабилизации / гражданских войн в африканских странах. Продемонстрирована необходимость учета рисков политической дестабилизации при развитии экономического сотрудничества со странами континента. Подчеркивается необходимость тесного взаимодействия между частным бизнесом и органами государственной власти в деле развития сотрудничества между РФ и странами Африки.

Ключевые слова: Африка, глобальное развитие, демографический рост, полезные ископаемые, глобальный энергетический переход, российско-африканское сотрудничество.

THE GLOBAL IMPORTANCE OF AFRICAN COUNTRIES, THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS, AND THE RISKS OF POLITICAL DESTABILIZATION IN THE CONTINENT'S STATES

This article examines the growing global significance of Africa, focusing particularly on demographic factors and the role of the continent's natural mineral resources in the global energy transition. It analyses the prospects for cooperation between the Russian Federation and African countries. The article highlights the detrimental impact of political instability on the development of African states. Using machine learning methods, the study conducts an independent assessment of the risks of large-scale political destabilization and civil wars in African nations. It demonstrates the necessity of considering these risks in the context of economic cooperation with African countries. Additionally, the article underscores the importance of close collaboration between private businesses and government authorities in fostering stronger ties between Russia and Africa.

Keywords: Africa, global development, demographic growth, natural resources, global energy transition, Russian-African cooperation.

Ekaterina I. Baranovskaya – Ph.D. in Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor at the Department of Hydrogeology of the Faculty of Geology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: baranovskaya_kat@mail.ru.

Орлова Любовь Николаевна – д. э. н., профессор кафедры экономики инновационного развития факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: lyuba_orl@mail.ru.

Lyubov N. Orlova – Dr. Econ., Professor at the Department of Economics of Innovative Development of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University. E-mail: lyuba_orl@mail.ru.

Тимиргалеева Рена Ринатовна – д. э. н., в. н. с. Института математических исследований сложных систем МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: timirgaleevarr@my.msu.ru.

Rena R. Timirgaleeva – Dr. Econ., Leading Researcher at the Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University. E-mail: timirgaleevarr@my.msu.ru.

О глобальной роли африканских стран

В эпоху глобализации Африка стала важнейшим игроком в формировании глобальной экономической, политической, социальной и экологической динамики [Гринин и др. 2024; Africa... 2007; Global... 2017]. Растущая значимость континента подкреплена рядом взаимосвязанных факторов, которые отражают его огромный потенциал и растущее влияние на мировой арене.

За последние два десятилетия Африка стала свидетелем существенного экономического роста [Коротаев, Билюга 2016; Grinin, Korotayev 2024; Goldstone, May 2023]. Такие страны, как Нигерия, Кения, Южно-Африканская Республика и Эфиопия, лидируют в качестве развивающихся рынков. Ожидается, что рост ВВП африканских стран составит в среднем 3,8 % в 2024 г. и 4,2 % в 2025 г., что позволит континенту сохранить второе место среди самых быстрорастущих регионов мира после Азии [African... 2024]. Такой рост в первую очередь обусловлен обильными природными ресурсами континента – нефтью, газом, драгоценными металлами и минералами, – спрос на которые на мировом рынке растет. Поскольку традиционные экономические центры в Европе и Северной Америке сталкиваются с насыщением рынка, Африка предлагает привлекательные инвестиционные возможности, особенно в секторах технологий, телекоммуникаций и инфраструктуры.

Демографический профиль Африки является еще одним ключевым фактором ее растущей глобальной значимости. Африка имеет население, являющееся одним из самых молодых и быстрорастущих в мире: более 60 % ее жителей моложе 25 лет [Коротаев и др. 2022; United... 2024; World Economic Forum 2023b]. Эта молодая демографическая группа связана с повышенными рисками политической дестабилизации, но, с другой стороны, потенциально может стимулировать инновации, предпринимательство и представляет собой ту рабочую силу, которая может существенно повлиять на мировую экономику [Grinin, Korotayev 2024; Korotayev *et al.* 2023].

Глобализация необратимо интегрировала Африку в международные цепочки поставок, при этом роль континента в глобальной экономике продолжает стремительно расти. Континент является важным источником сырья для мирового производственного сектора, особенно в сельском хозяйстве (например, какао, кофе), горнодобывающей промышленности (например, кобальт, редкоземельные минералы) и энергетике (например, нефть и газ). Кроме того, стратегическое географическое положение Африки, соединяющее Европу, Азию и Америку, усиливает ее значение как центра мировой торговли и транспорта. По данным отчета Всемирного экономического форума, Африка находится на пороге новой эры, где континент также может занять ключевую роль в производстве высоких технологий и стать важным звеном в глобальных цепочках поставок в этой области. Указывается на растущий спрос на такие товары, как электромобили и солнечные панели, а также на богатство континента в области необходимых для этих технологий минералов [World Economic Forum 2023a].

Все чаще отмечается и растущая роль Африки в формировании системы международных отношений. Африканские страны используют свое стратегическое значение для укрепления более сбалансированных отношений с иностранными державами, стремясь к инвестициям без колониального наследия, которое традиционно определяло эти обязательства. Однако Африка по-прежнему сталкивается

с внутренними проблемами, включая региональные и внутригосударственные конфликты, а также проблемы управления, которые могут повлиять на ее способность в полной мере извлекать выгоду из своего геополитического значения.

Природные богатства и риски политической дестабилизации государств континента

Существует точка зрения, что в основе многих конфликтов на всех континентах одной из причин является борьба за энергетические ресурсы. Если сфокусироваться на вопросе природных ресурсов Африканского континента, то можно уверенно сказать, что здесь многие страны обладают достаточным потенциалом ресурсов, однако в большинстве случаев этот факт не привел к развитию в экономическом и социальном направлении данных стран.

Африка характеризуется огромными ресурсами полезных ископаемых, которые имеют решающее значение для множества технологий, в том числе и чистой энергии [Africa... 2022; Ali *at al.* 2024]. Литий, никель и кобальт являются основными компонентами аккумуляторов для электромобилей. Медь и алюминий – неотъемлемые составляющие линий электропередач. А ветряные турбины и электродвигатели не будут работать без магнитов, в состав которых входят редкоземельные элементы (такие как диспрозий, неодим, празеодим; а индий, галлий, теллур применяются при производстве покрытия солнечных батарей) [Пашке и др. 2016].

На Африку приходится более 40 % мировых запасов кобальта, марганца и платины – ключевых минералов для аккумуляторов и водородных технологий. ЮАР, Демократическая Республика Конго и Мозамбик сегодня имеют значительную долю мирового производства, но во многих других странах также могут быть неразведанные месторождения. Доходы Африки от добычи критически важных полезных ископаемых, по прогнозам, более чем удвоятся к 2030 г., однако инвестиции в разведку полезных ископаемых в Африке в последние годы снижаются.

В Африке самые низкие в мире уровни потребления современной энергии на душу населения [Okoh *at al.* 2024]. По мере развития промышленности, торговли и сельского хозяйства Африки растет и потребность в использовании энергии. Кроме того, как уже говорилось выше, Африка имеет самое быстрорастущее население в мире: почти каждый второй человек, прибавившийся к мировому населению в течение следующего десятилетия, будет африканцем. В сочетании с ростом экономической активности это приведет к росту спроса на энергетические ресурсы.

В настоящее время 600 млн человек, или 43 % от общей численности населения, не имеют доступа к электричеству, большинство из них в странах Африки к югу от Сахары, при этом отдельные страны, такие как Гана, Кения и Руанда, демонстрируют положительную динамику в последнее десятилетие. В сельской местности проживает более 80 % лишенных электричества людей.

Спрос на энергию в промышленности, грузоперевозках и сельском хозяйстве вырастет, по прогнозам, почти на 40 % к 2030 г. Некоторые отрасли промышленности расширяют использование новейших, наиболее эффективных технологий. В сельском хозяйстве, которое составляет одну пятую ВВП Африки, ирригационные насосы электрифицируются, что снижает использование дизельных генера-

торов, а холодильные цепи (цепочки поставок с контролируемой температурой) расширяются, что повышает производительность сельского хозяйства и возможности для этих продуктов поставляться на городские рынки.

Добыча газа и нефти в текущем десятилетии будет направлена на удовлетворение собственного спроса в Африке (Рис. 1). Спрос на природный газ в Африке растет, но он сохраняет ту же долю современного использования энергии, что и сегодня, при этом производство электроэнергии из возобновляемых источников энергии в большинстве случаев превосходит его. На сегодняшний день в Африке обнаружено более 5000 млрд м³ ресурсов природного газа, которые еще не разрабатываются. Эти ресурсы могут обеспечить дополнительные 90 млрд м³ газа в год к 2030 г., что может быть важным для индустрии удобрений, стали и цемента, а также опреснения воды. Перспективы добычи нефти и газа будут зависеть от объемов экспорта, а это означает, что будущие доходы от нефти будут оставаться более чувствительными к темпам глобального энергетического перехода, чем к тенденциям внутреннего спроса. Текущие скачки цен обеспечивают благоприятные условия для добычи нефти и газа, в частности с учетом новых подписанных соглашений о поставках алжирского газа в Европу, а также возобновления импульса для разработки и расширения терминалов СПГ. Потенциально Африка может экспортировать 30 млрд м³ в 2030 г.

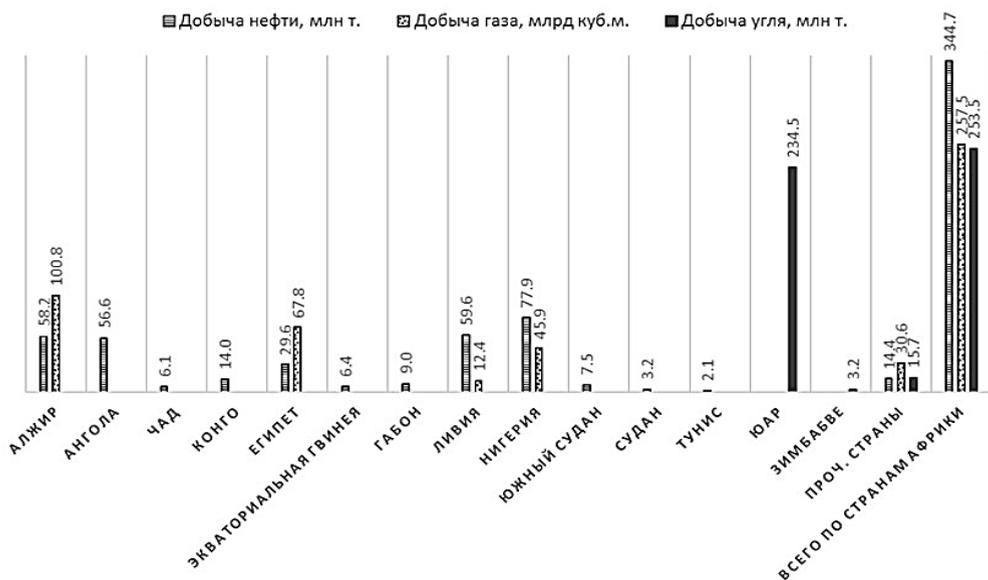

Рис. 1. Добыча горючих полезных ископаемых в странах Африки в 2021 г.

Источник: данные Statistical Review, 2022.

На долю Африки, где сегодня проживает почти пятая часть населения мира, приходится менее 3 % мировых выбросов углекислого газа, связанных с энергетикой, и у нее самые низкие выбросы на душу населения среди всех регионов. Тем не менее африканцы ощущают на себе негативные последствия изменения климата (такие как дефицит воды, сокращение производства продовольствия, уве-

личение частоты экстремальных погодных явлений и др.). Несмотря на все эти трудности, глобальный переход к «чистой» энергетике здесь проявляется. Так, энергетические системы Африки все больше работают на возобновляемых источниках энергии [Elbarbary *at al.* 2022].

В Африке сконцентрировано около 60 % солнечных ресурсов мира, но при этом всего 1 % установленной мощности солнечных фотоэлектрических установок. Солнечные фотоэлектрические установки – уже самый дешевый источник энергии во многих частях Африки, – по некоторым прогнозам, превзойдут все источники на континенте к 2030 г. Возобновляемые источники энергии, включая солнечную, ветровую, гидроэнергетическую и геотермальную энергию, могут составить более 80 % новых мощностей по производству электроэнергии в будущем [Echavaria 2008].

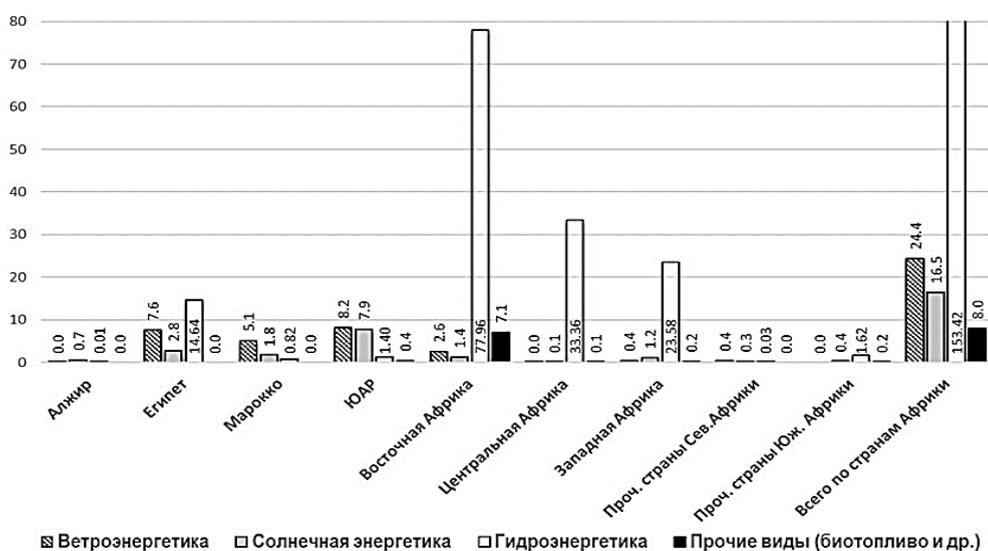

Рис. 2. Генерация возобновляемой энергетики по странам Африки в 2021 г. (TWh)

Источник: данные Statistical Review, 2022.

Геотермальная энергия в Африке имеет большой потенциал, но ее использование пока ограничено и не получило широкого распространения. Основными причинами медленного внедрения являются высокие затраты на разведку и разработку, сложная геология, отсутствие инфраструктуры и др. Тем не менее в отдельных регионах Африки, таких как Кения и Эфиопия, существуют действующие или планируемые проекты, демонстрирующие, что геотермальная энергия может быть перспективным источником.

Риски, возникающие при реализации экономического и культурного сотрудничества между Россией и странами Африки

Геополитическая напряженность, поляризация нарративов глобального миропорядка, снижение уровня доверия между странами, экстремальные погодные условия и их последствия – вот основные характеристики современного положения во всем мире. Проявление рисков различной направленности оказывает суще-

ственное влияние на социальное, экономическое, политическое развитие любой страны, формирует вызовы устойчивого развития [Гринин и др. 2024; Sigidov *et al.* 2020]. При этом можно отметить, что проявление рисков носит не точечный дискретный характер, касающийся развития отдельно взятой страны или региона. Проявление рисков носит транснациональный множественный характер. Поэтому справиться с «полирисками» можно только совместными усилиями, путем укрепления международного сотрудничества и взаимодействия.

Развитие экономического и культурного сотрудничества между Россией и странами Африки имеет как устоявшиеся области совместных интересов, так и новые перспективы развития [Авдалаян 2023; Гринин, Коротаев 2024]. Сотрудничество со странами Африки открывает для России растущий, имеющий положительную демографическую динамику рынок сбыта, формируются и реализуются такие направления сотрудничества, как геологоразведка и добыча полезных ископаемых, космические разработки, энергетика, здравоохранение, образование, социальная сфера, экология. Однако среда для развития сотрудничества является конкурентной, страны Африки неоднородны по своему социально-экономическому положению, что проявляется в формировании новых вызовов и угроз политического, экономического и социального характера.

Основные направления сотрудничества между Россией и странами Африки могут быть охарактеризованы следующим образом (см. Табл. 1):

Таблица 1

Направления сотрудничества между Россией и странами Африки

Направления сотрудничества	Возможности для России	Возможности для стран Африки
Геологоразведка и добыча полезных ископаемых	Расширение ресурсной базы	Расширение ресурсной базы, обеспечивающей экономический рост
Космические разработки	Свободные ниши для инвестирования и трансферта технологий	Повышение инновационной активности. Снижение безработицы
Энергетика	Новые рынки сбыта технологий в сфере электроэнергетики, реализация нового курса энергетической политики	Решение проблем дефицита энергоресурсов и энергоносителей. Снижение безработицы
Здравоохранение, образование, социальная сфера	Возможности производства и расширения экспортной продукции. Популяризация русской культуры и русского языка как «мягкой силы»	Повышение уровня жизни. Снижение безработицы
Экология	Развитие возобновляемой энергетики, решение задач устойчивого развития	Расширение ресурсной базы для устойчивого развития, достижение основных целей устойчивого развития

Источник: составлено авторами.

Продолжая идею множественности рисков, или «полирисков», необходимо отметить, что представленные направления сотрудничества между Россией и странами Африки подвергаются комплексному воздействию политических, экономических, социальных и экологических рисков. Для оценки и моделирования экономических рисков необходимо выделить индикаторы, характеризующие протек-

вание социально-экономических процессов. Например, индикаторами реализации направлений сотрудничества могут выступать количество совместных предприятий, количество проектов, реализуемых в странах, товарооборот между странами, миграционные потоки между странами, трансфер технологий между странами, количество программ культурного и языкового сотрудничества и т. д. Для оценки каждого конкретного риска предлагается использовать в совокупности количественную и качественную оценки риска: а) качественная экспертная оценка тяжести последствий наступления риска (по шкале Лайкерта, например); б) количественные методы оценки рисков (оценка рисков с помощью методологии VAR [value at risk], оценка с применением методов математической статистики [дисперсия, стандартное отклонение, коэффициент вариации]); при этом для оценки рисков крупномасштабной политической дестабилизации в странах Африки очень перспективным представляется использование методов машинного обучения.

Опыт оценки рисков крупномасштабной политической дестабилизации в странах Африки с использованием методов машинного обучения

В настоящей статье мы проведем собственную дополнительную оценку рисков крупномасштабной политической дестабилизации / гражданских войн в странах Африки с использованием методов машинного обучения.

Методы машинного обучения позволяют интегрировать междисциплинарные подходы, объединяя данные и методы из различных областей, таких как политология, социология и экономика. Это открывает возможности для создания более сложных моделей, которые учитывают широкий спектр факторов, влияющих на вероятность начала крупномасштабных политических потрясений. Таким образом, машинное обучение не только предоставляет инструменты для анализа, но и способствует более глубокому пониманию механизмов, стоящих за социально-политической дестабилизацией.

В качестве основной методологии мы будем преимущественно использовать именно методы машинного обучения с помощью моделей класса *catboost*. Отдельно о причинах выбора именно данной методологии мы говорили в предыдущих исследованиях [Медведев, Коротаев 2020; Medvedev *et al.* 2022].

В качестве основной базы данных мы будем использовать базу данных о внутривосточных вооруженных конфликтах UCDP (ее детальное описание см.: [Sundberg *et al.* 2012]). В этой базе данных используется формат данных вида «страна-конфликт-период». Для нашего исследования она была трансформирована в вид «страна-год». Такой формат представляется более удобным для задачи предсказания нестабильности, тем более что в перекодированном виде она без проблем стыкуется с данными из других источников. Отдельно стоит отметить, что данные о конфликте использовались нами за весь период конфликта, а не только за год его начала.

Данные для нашего исследования мы будем брать на горизонте с 1950 по 2021 г., так как по большому количеству используемых нами факторов полноценные данные присутствуют именно за этот временной период. Здесь стоит отдельно проговорить, какие факторы для предсказания нестабильности мы будем использовать. Поговорим о факторах, которые были сгенерированы нами. Среди них: мировой и региональный уровни нестабильности. Формируются они как количество стран,

в которых начался или происходит на данный момент конфликт на уровне мира/региона (в нашем случае Африки).

Посмотрим также на список переменных, что мы использовали в нашей модели (см. Табл. 2):

Таблица 2

Список переменных, использованных в модели машинного обучения

Название переменной	Описание	Источник
UCDP_intensity_level2	Лаг зависимой переменной вооруженных конфликтов (показатель инерции при анализе вооруженных конфликтов)	UCDP
Domestic6_8	Число антиправительственных демонстраций и протестов (показатель инерции для революционных выступлений)	CNTS
US_foreign_aid_obligations_amount	Помощь со стороны США (в \$)	USAID
REIGN_Incumbent_duration	Число лет пребывания первого лица у власти	REIGN
Bessinger_percmuslim_plus_WPopReview_muslim_interpolated	Процент мусульманского населения	Beissinger 2022 и UNPD
VDEM_v2x_polyarchy	Индекс электоральной демократии (0-1)	V-Dem
WPP_15_29_share_15plus	Доля молодежи во взрослом населении (доля людей в возрасте от 15 до 29 лет в населении старше 15 лет)	UNPD
industry1	Процент ВВП, приходящийся на промышленную деятельность	CNTS
epr_discriminated_size	Доля дискриминируемого населения	Wimmer <i>et al.</i> 2009
BESS_plus_WB_GdpPcPPP	ВВП на душу населения по ППС в долларах 2017 г. (прологарифмировано)	Beissinger 2022 и World Bank
VDEM_v2x_corr	Индекс политической коррупции	V-Dem
BESS_plus_WB_Urbanization	Урбанизация (доля населения, живущего в городах)	Beissinger 2022 и World Bank
Mean_year_schooling_interpolated	Средняя продолжительность обучения, лет	UNDP
BPOil production (TWh)	Производство нефти	British Petroleum
WPP_All_Sum	Численность населения	United Nations
CDetat_total_5yrSum	Количество государственных переворотов за последние 5 лет	Center for Systemic Peace
Polity5_durable	Время непрерывного существования политического режима	Center for Systemic Peace
WB_InflationConsumerPrice	Годовая инфляция	World Bank
gap_GDP_per_capita_growth	Рост ВВП на душу населения	GapMinder

Данный набор переменных отражает основные факторы социально-политической нестабильности, которые мы использовали ранее в предыдущих работах [Медведев, Коротаев 2020; Медведев и др. 2022]. Отдельно стоит отметить, что практически по всем переменным применялась агрегация за последние пять лет. В задачах предсказания нестабильности, таких как политические конфликты или экономические кризисы, пятилетняя агрегация данных используется для сглажи-

вания краткосрочных колебаний и выявления более устойчивых трендов. Такой подход позволяет лучше улавливать структурные изменения и долговременные факторы, которые могут предвещать нестабильность, минимизируя влияние временных аномалий и случайных событий. Исследования показывают, что данные, собранные за более короткие промежутки времени, могут содержать значительные шумы, которые затрудняют точное моделирование и прогнозирование [Fearon, Laitin 2003]. Кроме того, пятилетняя агрегация поддерживает баланс между достаточной детализацией и практичностью анализа, что делает ее популярным выбором в аналитической практике [Hegre *et al.* 2013].

Посмотрим теперь на полученный в результате проведенного исследования ранжированный список стран по уровню рисков крупномасштабной социально-политической дестабилизации / гражданских войн (см. Табл. 3):

Таблица 3

Ранжированный список стран по уровню рисков крупномасштабной социально-политической дестабилизации / гражданских войн

Страна	Индекс политического риска
Демократическая Республика Конго / ДРК	49.507438
Нигерия	49.390145
Сомали	49.280026
Мали	49.233212
Чад	48.985728
Нигер	48.735692
Камерун	48.050574
Южный Судан	46.621129
Ангола	46.458853
Ливия	45.418391
Центральноафриканская Республика	44.403135
Эфиопия	43.366986
Кения	41.939771
Мозамбик	41.687012
Алжир	39.422764
Египет	39.142827
Бурунди	38.132447
Буркина-Фасо	33.223889
Руанда	20.426807
Уганда	7.536340
Гвинея	4.425503
Замбия	4.124678
Танзания	3.019082
Эсватини	2.680152
Судан	2.592487
Малави	1.908640
Тунис	1.672210
Зимбабве	1.394733
Сенегал	0.921571
Республика Конго	0.870123

Окончание Табл. 3

Страна	Индекс политического риска
Кот-д'Ивуар	0.845458
ЮАР	0.787406
Мадагаскар	0.660924
Марокко	0.615222
Габон	0.476034
Мавритания	0.385415
Либерия	0.338441
Сьерра-Леоне	0.335882
Гана	0.294739
Джибути	0.240994
Гвинея-Бисау	0.220557
Гамбия	0.215492
Того	0.205798
Эритрея	0.191687
Коморские острова	0.190765
Бенин	0.176938
Экваториальная Гвинея	0.167166
Лесото	0.115228
Намибия	0.059357
Сан-Томе и Принсипи	0.019607
Ботсвана	0.019323
Маврикий	0.016885
Сейшельские острова	0.010447
Кабо-Верде	0.009808

Стоит отдельно обратить внимание на распределение индекса. Видно, что у нас достаточно четко определяются страны, которые наиболее подвержены нестабильности. Это страны с индексом более 30. Стоит отдельно поговорить о том, как мы получали результаты этого индекса. Взвешивание результатов машинного обучения на основе AUC (*Area Under the Curve*) является важным этапом в оценке производительности моделей, особенно в задачах бинарной классификации. AUC используется для измерения качества модели по кривой ROC (*Receiver Operating Characteristic*), которая отображает соотношение между истинно положительными и ложноположительными результатами на различных порогах классификации. Чем ближе значение AUC к 1, тем лучше модель различает классы. Согласно исследованию [Hanley, McNeil 1982], AUC является более стабильной метрикой по сравнению с другими показателями, такими как точность или F1-меры, особенно в условиях дисбаланса классов, как в случае наших зависимых переменных. Кроме того, в работе [Bradley 1997] подчеркивается, что AUC может служить универсальной метрикой, позволяющей сравнивать модели независимо от их порогов классификации, что делает ее предпочтительной для многих исследователей в области машинного обучения и анализа данных. Таким образом, чем лучше модель показывала себя по AUC, тем больший вес ее предсказанию давался в формировании финального рейтинга.

Обсуждение результатов и заключение

Как мы видим, наиболее высоки риски крупномасштабной политической дестабилизации именно в тех африканских странах, которые наиболее богаты природными полезными ископаемыми, – в ДРК и Нигерии. Это подчеркивает необходимость тесного взаимодействия между частным бизнесом и органами государственной власти в деле развития сотрудничества между РФ и странами Африки. Особо отметим, что крайне высоки риски дестабилизации в странах Сахеля – Мали, Чаде, Нигере и Буркина-Фасо, что показывает оправданность высокой доли военного компонента в сотрудничестве между Россией и странами этого африканского региона. Наиболее низки риски крупномасштабной политической дестабилизации / гражданских войн в африканских островных государствах (наиболее бедных ископаемыми природными ресурсами), но они также достаточно низки в большинстве стран южной части Африканского континента (что повышает привлекательность этой части Африканского макрорегиона в качестве объекта российских инвестиций).

Литература

Авдалян М. Р. Русский язык и сотрудничество в сфере образования как ресурс «мягкой силы» России в Нигерии // Вестник Московского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 4. С. 144–156.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С. 124–150. DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России // Век глобализации. 2024. № 4. С. 20–35.

Коротаев А. В., Билюга С. Э. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 20–39.

Коротаев А. В., Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Гринин Л. Е. К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2022. Т. 13. С. 271–321.

Медведев И. А., Коротаев А. В. К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2020. Т. 11. С. 433–454.

Медведев И. А., Устюжанин В. В., Жданов А. И., Коротаев А. В. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в африканской макрорегии нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 13. Волгоград : Учитель, 2022. С. 131–210. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_06.

Пашке М., Сергеев И. Б., Лебедева О. Ю. Экономика природопользования и экологический менеджмент // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 5. Вып. 3. С. 56–73.

Africa in the 21st Century: Toward a New Future / ed. by A. Mazama. London : Routledge, 2007.

African Development Bank. Africa's Macroeconomic Performance and Outlook – January 2024. Tunis : African Development Bank, 2024.

Africa Energy Outlook / World Energy Outlook. Special Report, 2022. N. p., 2022.

Ali A. O., Morshedy A. S., El-Zahhar A. A., Alghamdi M. M., El Naggat A. M. A. African Continent: Rich Land of Minerals and Energy Sources // Inorganic Chemistry Communications. 2024. Vol. 169. Pp. 113–123.

Beissinger M. R. The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2022.

Bradley A. P. The Use of the Area under the ROC Curve in the Evaluation of Machine Learning Algorithms // Pattern Recognition. 1997. Vol. 30. No. 7. Pp. 1145–1159.

Echavarria F. R. Geothermal Energy Development in Africa – a Status Report // Distributed Generation and Alternative Energy Journal. 2008. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–12.

Elbarbary S., Zaher M. A., Saibi H., Fowler A.-R., Ravat D., Marzouk H. Thermal Structure of the African Continent Based on Magnetic Data: Future Geothermal Renewable Energy Explorations in Africa // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2022. Vol. 158. Pp. 112–138.

Fearon J. D., Laitin D. D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 1. Pp. 75–90.

Global Africa: Into the Twenty-First Century / ed. by D. Hodgson, J. A. M. Byfield. Berkeley, CA : University of California Press, 2017.

Goldstone J. A., May J. F. The Global Economy's Future Depends on Africa [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2023. May 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-economys-future-depends-africa> (дата обращения: 20.08.2024).

Grinin L., Korotayev A. Africa – the Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities // World Futures. 2024. Vol. 80. No. 1. Pp. 70–82.

Hanley J. A., McNeil B. J. The Meaning and Use of the Area under a Receiver Operating Characteristic (ROC) Curve // Radiology. 1982. Vol. 143. No. 1. Pp. 29–36.

Hegre H., Karlsen J., Nygård H. M., Strand H., Urdal H. Predicting Armed Conflict, 2010–2050 // International Studies Quarterly. 2013. Vol. 57. No. 2. Pp. 250–270.

Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L. Modeling Social Self-Organization and Historical Dynamics: Africa's Futures // Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome. Cham : Springer International Publishing, 2023. Pp. 461–490.

Medvedev I., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Korotayev A. Machine Learning for Ranking Factors of Global and Regional Protest Destabilization with a Special Focus on Afrasian Instability Macrozone // Comparative Sociology. 2022. Vol. 21. No. 5. Pp. 604–645.

Okoh A. S., Onuoha M. C. Immediate and Future Challenges of Using Electric Vehicles for Promoting Energy Efficiency in Africa's Clean Energy Transition // Global Environmental Change. 2024. Vol. 84. Pp. 102–119.

Sigidov Y. I., Skubriy E. V., Orlova L. N., Tsuglaeva N. V., Ashtaeva S. S. Imperatives of Formation of the Information Society in the Context of the Modern Global Challenges // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives / ed. by T. Kolmykova, E. V. Kharchenko. Cham : Springer, 2020. Pp. 231–240.

Sundberg R., Eck K., Kreutz J. Introducing the UCDP Non-State Conflict Dataset // *Journal of Peace Research*. 2012. Vol. 49. No. 2. Pp. 351–362.

United Nations Department of Economics and Social Affairs, Population Division. *World Population Prospects*. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 14.08.2024).

Wimmer A, Cederman L. E., Min B. Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74(2). Pp. 316–337.

World Economic Forum. Africa could Become a Global Supply Chain Powerhouse. Davos : WEF, 2023a [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/08/africa-youth-global-growth-digital-economy/> (дата обращения: 02.10.2024).

World Economic Forum. Africa's Youth Population and Its Role in Driving Global Growth in the Digital Economy. Davos : WEF, 2023b [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/08/africa-youth-global-growth-digital-economy/> (дата обращения: 04.10.2024).

ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТАЙВАНЯ ПРИ УСЛОВИИ СОХРАНЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ*

Степанова Е. Н.**

В статье анализируются изменения в политической системе Тайваня, демонстрирующей свойственную ей фракционность. Лай Циндэ, политический преемник Цай Инвэнь и руководитель своей внутривнутрипартийной фракции ДПП («Новый прилив»), занял президентский пост, сохранив лидерство одной антикитайской партии (ДПП) в администрации Тайваня третий срок подряд. Законодательный юань Тайваня пополняется новыми политическими кадрами из местных фракций, в том числе через механизм окружных выборов, при этом фактор землевладения по-прежнему является определяющим. Новый («молодой») Гоминьдан будет отличаться от нынешнего ГМД в смысле моделирования самой политики. Традиционность политических предпочтений электората иногда объясняется исторически сложившимися обстоятельствами, связанными с расселением разных этнических групп в конкретной местности Тайваня. Вновь институционализированная и потому полноценная третья «малая» политическая партия ТНП, предназначенная для механизма «сдерживания и противовеса» в Законодательном юане после выборов 2024 г., следует принципу «неотрадиционализма». В международной политике эта партия придерживается «равноудаленной дипломатии» во взаимоотношениях с материковым Китаем и США. Экономическая и технологическая самодостаточность Тайваня будет способствовать сохранению достигнутого компромисса в Тайваньском проливе.

Ключевые слова: избирательная система, Гоминьдан (ГМД), Демократическая прогрессивная партия (ДПП), фракция «Новый прилив», политическая преемственность, Тайваньская народная партия (ТНП), «малые партии», стабильность.

* **Для цитирования:** Степанова Е. Н. Дальнейшая демократизация политической системы Тайваня при условии сохранения стабильности // Век глобализации. 2025. № 2. С. 114–127. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.10.

For citation: Stepanova E. N. Further Democratization of Taiwan Political System under the Conditions of Stability Maintenance // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 114–127. DOI 10.30884/vglob/2025.02.10 (in Russian).

** Степанова Елена Николаевна – к. полит. н., в. н. с. Центра изучения Новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: helenstepanova@bk.ru.

Elena N. Stepanova – Ph.D. in Political Sciences, Leading Research Scholar at the Centre of China Contemporary History Studying and China's Relationship with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS. E-mail: helenstepanova@bk.ru.

FURTHER DEMOCRATIZATION OF TAIWAN POLITICAL SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF STABILITY MAINTENANCE

The article analyzes the transformations in Taiwan political system which demonstrates its peculiar factionalism. Lai Qing-de, Tsai Ing-wen's political successor and the leader of the DPP's inner-party faction (the "New tide") occupied the presidential post, keeping the anti-China party (DPP) in Taiwan's administration for a third consecutive term. Taiwan's Legislative Yuan is being replenished with new political cadres from local factions, including through the district election mechanism, although land ownership remains the determining factor. New ("young") Guomindang will differ from the present one in the sense of the policy modelling. Sometimes the traditionalism of electorate's political preferences is stipulated by historic circumstances connected with the ethnic groups' settlement in Taiwan's concrete locality. The newly institutionalized third "small" political party TPP, intended for a "counterbalance and deterrence" mechanism application at the Legislative Yuan, follows the principle of neotraditionalism. In international politics, this party adheres to "equidistance diplomacy" in relations with mainland China and the United States. Taiwan's economic and technological self-sufficiency will help maintain the compromise reached in the Taiwan Strait.

Keywords: electoral system, the Guomindang (GMD), the Democratic Progressive Party (DPP), the "New tide" faction, political inheritance, the Taiwan People's Party (TPP), "small parties", stability.

Избирательная кампания 2024 г.: особенности

Состоявшиеся на Тайване в январе 2024 г. президентские выборы и выборы в Законодательный юань обнаружили новые особенности в развитии политической системы Тайваня. Руководителем администрации острова становится лидер одной из фракций «Новый прилив» («新潮流系») (а по сути – «партии внутри партии»¹) правящей уже два срока подряд ДПП, как будто нарушая привычный (без нарушения преемственности) демократический порядок смены партий у власти каждые восемь лет, установившийся на острове с 2000 г. Так, к власти на третий срок пришла ДПП, несмотря на низкую поддержку электората (в 2016 г. Цай Инвэнь получила 56,12 % голосов избирателей, а в 2020 г. – 57,13 %) [Elections... 2016; 2020 Elections... 2020]. Как представляется, электорат голосовал за продолжение политического курса Цай Инвэнь, серьезные внутренние проблемы Тайваня волновали избирателей больше, чем отношения с материковым Китаем [Damm 2024], хотя начиная с 2000 г. на Тайване уже наблюдалась непопулярность у электората на втором сроке каждой партии у власти², по-видимому, в первую очередь по экономическим причинам. Также отмечается предсказуемость результатов выборов 2024 г., которые могли бы быть схожими [Fell 2024] даже в случае второго раунда голосования [Laws... 2023].

В президентских выборах 2024 г. принимали участие три пары кандидатов на президентский пост и пост вице-президента: Лай Циндэ³ от ДПП вместе с канди-

¹ Основана в 1984 г. тайваньской интеллигенцией из движения «Данвай» на Тайване.

² Согласно другим обнаруженным материалам, отчуждение электората объясняется высоким процентом лиц с различного рода криминальным прошлым в составе политических (одно-временно бизнес-) элит на Тайване.

³ Лай Циндэ (Lai Qing-de, 賴清德) родился на Тайване в 1959 г. Врач-физиолог, окончил Тайваньский государственный университет и Университет Чэн Гун, ученую степень получил в Гарвардском университете. Стал членом фракции «Новый прилив» (ДПП) в конце 1990-х гг.

датом в вице-президенты Сяо Мэйцин⁴ набрал более 40 % голосов; Хоу Юи⁵ в паре с кандидатом в вице-президенты Чжао Шаоканом (ГМД)⁶ [Jaw... 2023] получил 33,5 % голосов, а Кэ Вэньчжэ⁷ и У Синьин⁸ от Тайваньской народной партии (台灣民眾黨, образована в 2019 г.) добились 26,5 % голосов [Hart *et al.* 2024]. Ограниченное число кандидатов-участников (по две пары) на президентских выборах на Тайване наблюдалось в 2004 г. и 2008 гг.⁹ [Taiwan... 2003: 83].

Демократия участия

К особенностям процедуры проведения самих выборов на Тайване можно отнести отсутствие публичности результатов опроса общественного мнения в тече-

⁴ Сяо Мэйцин (Hsiao Bi-khim, 蕭美琴) родилась в г. Кобэ (Япония) в 1971 г. Отец – тайванец, мать – американка. Доверенное лицо Цай Инвэнь, политолог – специалист по Восточной Азии, возглавляла Тайваньский фонд за демократию, работала советником президента по международной политике, занималась внутренней политикой и безопасностью, работала переводчиком у Чэнь Шуйбяня. Участвовала в окружных выборах Тайбэя: № 4 (Neihu (內湖), Nangang (南港)) и № 7 Xinyi (信義區) – Southern Songshan). В 2024 г. именно в этих значимых округах победили кандидаты от ГМД. (В районе Синь в Тайбэе расположены предприятия IT-индустрии и знаменитый коммерческий центр «Hong Tai Group».)

⁵ Хоу Юи (Hou You-yi, 侯友宜) родился в г. Цзяи в 1957 г. Окончил Центральный полицейский университет, став впоследствии его президентом (2008–2010 гг.). Два раза вступал в партию ГМД – в 1975 г. и в 2013 г. (в 2002 г. был членом ДПП). Занимался расследованием покушения на своего друга Чэнь Шуйбяня в 2004 г. В 2006–2008 гг. возглавлял Национальное полицейское агентство. В 2018 г. был избран мэром г. Синьбэя.

⁶ Чжао Шаокан (Jaw Shaw-kong, 趙少康) родился в г. Цзилуне в 1950 г. Был вынужден покинуть должность генерального директора Broadcasting Corp of China для участия в выборах в качестве кандидата в вице-президенты Тайваня от ГМД.

⁷ Кэ Вэньчжэ (Ko Wen-jie, 柯文哲) родился в Синьчжу в 1959 г. р. Врач-хирург, окончил Тайваньский государственный университет, стажировался в США. Мэр Тайбэя в 2014–2022 гг. Возглавляет ТНП с момента ее основания в 2019 г.

⁸ У Синьин (Cynthia Wu, 吳欣盈) родилась в США в 1978 г. и до 2014 г. там проживала. Окончила колледж в США, получила степень магистра в Институте искусств в Великобритании. Занималась политикой, работала в британской компании «Merrill Lynch» и в тайваньской страховой компании «Shin Kong Group» (新光人壽), основанной ее дедом У Хоши (吳火獅). Другой ее дед Сю Шэнфа (許勝發) – банкир, родился на Тайване. Крупный бизнесмен-политик основал на Тайване в 1965 г. Prince Motors (в то время дилер компании «Suzuki»), является основателем и председателем банка «Cosmos» (萬泰銀行), состоял в команде Лянь Чжана во время его избирательной кампании в 2000 г. и работал в Фонде обменов через Тайваньский пролив. Ее дядя У Дунлян (吳東亮) – председатель Китайской национальной промышленной и торговой ассоциации в Тайбэе (中華民國工商協進會).

⁹ Явка на президентских выборах по годам (явка более 70 % считается оптимальной): 1996 – 76,04 %, 2000 – 82,69 %, 2004 – 80,28 %, 2008 – 76,33 %, 2012 – 74,38 % (14 января 2012 г. был принят закон о едином дне выборов президента КР и членов Законодательного юаня), 2016 – 66,27 % (переуступка власти). В 2020 г. – 75 %, в 2024 г. явка была неплохой – около 72 %. Обстановка высокой политической конкуренции (и поиски партиями компромисса) на всех предыдущих президентских выборах на начальном этапе демократизации Тайваня и «привнесенные» факторы (испытания Тайванем ракет и военные учения КНР в 1996 г.), «китайский фактор» (в 2020 и 2024 гг. постоянное патрулирование большого числа китайских военных самолетов и кораблей в непосредственной близости от острова) или различные криминальные эпизоды вроде случаев стрельбы на выборах в 2004 и 2008 гг. совершенно очевидно влияли на активность тайваньского электората, заставив людей «выйти под флагом».

ние 10 дней до даты проведения самих выборов, исключительно личное голосование избирателя на избирательных участках, краткость процедуры голосования по времени (с 8 до 16 часов), что позволило на небольшой территории острова практически сразу огласить результаты выборов. Тайваньцы, проживающие за пределами острова, в массе демонстрировали на выборах свойственную им пассивность и дисциплину, прибывая на Тайвань для личного участия в голосовании¹⁰. В обстановке общественного скепсиса вынужденный интерес избирателей к внутриполитическим процессам на острове сохраняется¹¹ [Muyard 2008; Election... 2016].

Персональная явка молодых тайваньцев на избирательные участки важна для осознания молодежью возможности реализации своих политических прав и защиты личных прав и свобод, чтобы политиками не игнорировались проблемы доступности жилья для молодежи и возможности профессионального трудоустройства с дальнейшими перспективами карьерного роста за достойную зарплату после окончания учебы [NT\$900,000... 2024], увеличения оплаты труда (теперь средняя – 45 460 новых тайваньских долларов) [Average... 2024], продолжительности рабочего дня и др. Как раз то, что ДПП формулирует в «Новой модели экономического развития», в основе которой лежат «инновации, занятость и распределение», снижение зависимости от единого рынка и осуществление перехода от «акцента на росте ВВП» к стремлению «учитывать занятость, заработную плату, распределение доходов и региональный баланс» [Политические... 2019].

Невозможно исключить постоянно присутствующий на тайваньских выборах «китайский фактор», нельзя игнорировать экономические вопросы во взаимодействии двух сторон Тайваньского пролива. К тому же молодые тайваньцы действительно внимательно следят за происходящим в Гонконге. Так, в 2019 г. результат опроса общественного мнения на Тайване по вопросу определения собственной тайваньской или китайской идентичности продемонстрировал явное смещение в пользу тайваньской идентичности по сравнению с результатами опроса в 1992 г. (56,9 % против 46,4 %) [Rigger 2024a].

Трехпартийный парламент

В материковом Китае были разочарованы результатами выборов 2024 г. на Тайване, при этом отмечалась ограниченность в материковом Китае информации, освещавшей подготовку и проведение избирательной кампании 2024 г. на острове [Wang 2024]. Разочарование молодых гоминьдановцев на Тайване по по-

¹⁰ Голосование было хорошо организовано еще и благодаря усилиям Ассоциации тайваньской молодежи за демократию по предоставлению возможностей передвижения по доступной цене с целью облегчить 1200 тайваньцам до 35 лет участие в голосовании по месту регистрации.

¹¹ Явка на выборах в Законодательный юань Тайваня по годам: 1995 – 67,65 %, 1998 – 68,09 %, 2001 – 66,16 %, 2005 – 59,16 %, 2008 – 58,50 %. На втором сроке пребывания администрации Чэнь Шуйбяня (и ДПП) у власти (2004 г.) и в момент переуступки власти Гоминьдану в 2008 г. активность электората снижалась. Вероятным следствием этих явлений могли быть: впервые в истории Тайваня полный пересчет голосов по результатам президентских выборов по решению суда в 2004 г.; изменения в избирательной процедуре в Законодательный юань в 2005 и 2008 гг.

воду поражения кандидата от ГМД Хоу Юи объяснялось их осознанием последующих за этим изменений в политической системе Тайваня, появлением полноценного трехпартийного парламента, каковой президент КР никогда в истории Тайваня не контролировал. Вероятно, Новый Гоминьдан будет отличаться от ныне действующего ГМД в смысле моделирования политики. Возник вопрос, как осуществлять политику, а не какого рода политика проводилась или будет проводиться, что повлияет на дальнейшие отношения с США и на определение той части тайваньского бюджета, которую Тайвань в состоянии ассигновать на покупку американских вооружений. Новой администрации ДПП также придется учитывать результаты выборов 2024 г. в США [Goldstein 2024] и предпринять попытки включения членов ТНП в состав правительства Тайваня или избрания их в руководство Законодательного юаня. Хуань Шаньшань, видному функционеру ТНП¹², не удалось занять должность спикера или его заместителя в Законодательном юане, в противном случае этим могла быть оказана помощь и поддержка новому президенту Лай Циндэ, а коалиция между этими двумя партиями стала бы реальной [Rigger 2024b].

После поражения Гоминьдана на президентских выборах третий раз подряд не последовало откровенного ожесточения его сторонников (как это было после выборов 2000 и 2004 гг.), вероятно, по причине преуспевания ГМД на парламентских выборах 2024 г. по сравнению с положением Гоминьдана в парламенте 2020 г. (38 мест – 33,63 %). В 2024 г. только три партии (ГМД, ДПП, ТНП) из 16 преодолели пятипроцентный порог, чтобы занять места в парламенте. 113 парламентских мест почти поровну распределились между ГМД (52 места – 46,02 %) и ДПП (51 место – 45,13 %), депутатам от ТНП досталось восемь мест – 7,08 % (цель была получить 10 мест), только два места достались другим партиям. Важной частью избирательной кампании остаются более конкурентные (чем по партийным спискам) окружные выборы. Так, в 2024 г. ДПП и ГМД достигли равных результатов по мажоритарной системе, из 73 мест каждая партия получила по 36 мест (ТНП не получила ни одного места, и одно место досталось остальным партиям). От аборигенных округов из шести мест два досталось ДПП, три – ГМД и одно место – всем остальным партиям. Что касается отданных за партию голосов, то ДПП получила больше Гоминьдана (36,16 % против 34,58 %), в итоге каждая партия могла заявить о своей победе, все зависело от интерпретации. ТНП набрала 22,07 %, Партия Новой силы – 2,57 % и все остальные – 4,62 % [КМТ... 2024].

Политическая полновесность ТНП

Так называемые «малые партии» на Тайване, в том числе возникшие из социальных движений 2014 г., в целом продемонстрировали плохие результаты, как предполагается, по двум причинам: во-первых, из-за возвышения соперничающих

¹² Хуань Шаньшань (Vivian Huang Shan-shan, 黃珊珊) родилась в 1969 г., вице-мэр Тайбэя (2019–2022 гг.), ранее была членом Новой партии (до 2001 г.) и Партии близости к народу (2002–2023 гг.). Вступила в ТНП в 2023 г., отвечала за проведение избирательной кампании Кэ Вэньчжэ в 2024 г. и впервые стала депутатом Законодательного юаня от этой партии (избрана по партийным спискам). Кроме прочих целей, Хуань Шаньшань выделяет цель своей работы в Законодательном юане – это противодействие парламентской поляризации и коррупции на местном уровне.

друг с другом коалиций внутри ДПП; во-вторых, из-за отсутствия у «малых партий» возможности достичь договоренностей перед выборами так же, как не получилось создать альянс у ГМД и ТНП [Смирнов, Степанова 2023: 144–145], чтобы опередить на выборах «Новый прилив», продемонстрировав тем самым собственную (ТНП) политическую полновесность «третьей силы» (第三勢力) в развитии и укреплении демократических начал в политической системе Тайваня. Более близкое сотрудничество ДПП с ТНП представляется возможным с сосредоточением рациональной ДПП на острых экономических вопросах, антикоррупционных решениях, законодательных реформах и т. д. В политической платформе центристской ТНП важное место отводится антикоррупционной борьбе. Хотя разразившийся незадолго до выборов 2024 г. коррупционный скандал с видным членом ТНП – самой молодой в истории города Синьчжу женщины-мэра Гао Хуньянь¹³ – не мог не отразиться в целом на репутации партии.

Лозунг избирательной кампании ТНП «Голосование за “белых” – голосование правильное!», отделяющий ТНП от «зеленых» – ДПП и «синих» – ГМД, вызвал недоумение у самих членов этой «малой партии». При этом превращение ТНП в настоящую институционализированную партию (одновременно патерналистскую и постмодернистскую) [То, о чем... 2022] считают личной заслугой лидера этой партии Кэ Вэньчжэ. (Подобная метаморфоза, например, не случилась с партией одного лидера [“a personal vehicle party”], Партией близости к народу [Qingmindang] во главе с ее партийным «локомотивом» Джеймсом Суном) [Fell 2024]. Кэ Вэньчжэ благоволил к искренне преданным ему людям. Поощряя иерархически стоящих ниже себя сторонников ТНП, он сам становится посредником в урегулировании отношений между партийными кадрами, используя личное доверие для обретения большей власти [То, о чем... 2022]. К недостаткам Кэ Вэньчжэ относят его небольшой управленческий опыт, а также недооценку всей серьезности ситуации через Пролив и отсутствие у него должного геополитического видения. Во взаимоотношениях с материковым Китаем и США Кэ Вэньчжэ придерживается «равноудаленной дипломатии» (или «сдержанной»), что в основном не противоречит настроениям простых тайваньцев.

Программы демократических партий

Программы «малых» партий¹⁴ представляются схожими в части подходов к преодолению экономических трудностей. Уклон всех политических партий на

¹³ Гао Хуньянь (Апп Као, 高虹安) родилась в Тайбэе в 1984 г., видный политик ТНП также занимается бизнесом, имеет образование в области IT-индустрии и технологии, до 2020 г. работала в должности вице-президента промышленно-информационного департамента компании «Foxconn». С 2020 г. – член Законодательного юаня, избрана мэром Синьчжу в 2022 г.

¹⁴ Партия Новой силы (時代力量) (образована в 2015 г.) позиционирует себя более «левой», чем ДПП, в вопросах экономики, занятости и социального обеспечения. Эта партия выступает в защиту прав аборигенных меньшинств. Левоцентристская Социал-демократическая партия (社會民主黨, образована в 2015 г.), так же как и Партия Новой силы, образовалась из общественного движения Подсолнухов (2014 г.), выступает за сокращение разрыва в доходах населения, защиту прав трудящихся, реформу избирательной системы в части снижения суммы взноса для менее состоятельных (чаще всего молодых) баллотирующихся кандидатов, за отмену смертной казни. Эта партия поддерживает идею легализации однополых браков, как и Партия Новой силы. Тайваньская партия политического равноправия Obasang (小民參政歐

Тайване зарубежными учеными определяется в основном как «правый», хотя «малые» партии заявляют себя как «левая» или «левоцентристская» «третья сила». («Центр должен быть лучшим местом пребывания, но это представляется и самым неустойчивым местом»; в этом положении Гоминьдан стал неинтересен для электората, что заставило эту партию двигаться вправо после 2000 г. Другой урок для ГМД тогда – политика «старого террора» партии более неэффективна, так же как и атаки на тайваньскую независимость, поскольку, пребывая у власти, ДПП сама не осмелится заявлять о независимости, изменив лозунг о независимости на утверждение «Китайская республика (КР) с ДПП») [Fell 2012: 120]. При этом Тайвань нуждается в реальной партии «левого толка» для дальнейшего развития и укрепления демократических начал и гарантированных политических свобод, а также для получения социумом ощутимой практической пользы от социально-экономических достижений. В 2024 г. ни одна партия не представила конструктивных решений упомянутых проблем (хотя партии не игнорируют и вопрос однополых браков, в которых правящая ДПП старается придерживаться «серединной линии»¹⁵ [Политические... 2019], что свидетельствует о существовании реального государственного устройства и соответственного образа правления). Зарубежными исследователями отмечаются успехи «полудемократического» Тайваня в движении за гендерное равенство¹⁶ [Chang 2012: 4–9], в других социальных вопросах, остров может гордиться возможностью проведения мирной избирательной кампании в сравнении с рядом других стран.

В поисках политического согласия

Согласно оценке зарубежных специалистов, даже если бы случился небольшой количественный перевес ДПП, партии удалось бы проводить законы без лишнего обсуждения или диалогов. Ключевой проблемой является достижение консенсуса с оппозиционной партией (ГМД) в переходный период с января по май 2024 г., в который обычно ведутся поиски основания для достижения политического согласия и договоренностей [Fell 2024], а также идет тщательный отбор назначенцев на должности в кабинете. Хотя достаточно обратить внимание, например, на перестановки (в пользу ГМД) в руководящем составе избиратель-

巴桑聯盟, TOPER, или Obasang Alliance, образована в 2017 г.) состоит из родителей – членов родительских групп (на 90 % из женщин-матерей), выступает за права ребенка, за право жить в чистой среде, гендерное равенство, права трудящихся и право простых людей участвовать в политике. В 2024 г. партия получила 128 тыс. (или 0,93 %) голосов, не преодолев пятипроцентного порога на выборах в Законодательный юань.

¹⁵ ДПП поддерживает идею однополых браков в проекте «многогранная семья», одновременно выступая за продолжение социального диалога по этому вопросу (см. политическую платформу ДПП и Цай Инвэнь).

¹⁶ На Тайване гендерное неравенство проявляется в таких практических вопросах, как, например, приобретение индивидуального страхового полиса для обеспечения собственной финансовой безопасности во время предстоящего выхода на пенсию. В 1990-е гг. это стало предметом для беспокойства стареющих женщин-лесбиянок (同志), поскольку на Тайване мужчины традиционно зарабатывают больше женщин. Немецкий ученый-тайваневед Дамм Йенс указывает, что пока не удалось найти истинную причину возникновения движения за права геев на Тайване, поскольку не обнаружилось действительные исторические факты в доказательство дискриминации или притеснения сексуальных меньшинств на острове.

ных округов, географически и стратегически важных в силу расположения вдоль Тайваньского пролива и в центральных округах уездных городов (в столице Тайбэе, в Гаосюне и др.), чтобы понять, что дело не столько в уровне соперничества и политической борьбы в избирательных округах¹⁷ [Zhonghe... 2010], сколько в распространенности и силе влияния военных и бизнес-элит и, как представляется, в ранее достигнутых договоренностях между ними.

Конституция КР выдержала семь поправок со времени ее принятия еще при гоминьдановской власти над всем Китаем в 1947 г. Посредством поправок внесенные политические изменения способствовали демократическому развитию Тайваня. Нынешняя полупрезидентская система была принята в 1997 г. Реформы по переходу к сугубо президентской системе будут означать увеличение разрыва между ветвями власти, хотя и с достижением большего контроля и сбалансированности. Тогда как парламентская система будет означать сплоченность правительства с законодательным большинством и большую степень реагирования на общественное мнение. Как отмечают тайваньские исследователи, существуют ясные причины необходимости принятия конституционных поправок, особенно касающихся избирательной системы, форм управления, возраста избирателей, защиты прав человека и др., для этого требуется широкий диалог между партиями, элитами и гражданским обществом [Chen 2017].

Так, в октябре 2023 г., накануне выборов 2024 г., законодатель Цзян Цичэнь, председатель Фонда за народное благосостояние (啟忠民本基金會), огласил результаты проведенного этим фондом общественного голосования по вопросу политических предпочтений тайваньцев относительно устройства и функционирования политической системы КР. В пользу президентской системы высказались 70,7 % опрошенных сторонников ДПП, за парламентскую систему проголосовали 64,6 % сторонников ГМД и 84,2 % поддерживающих ТНП. 60 % опрошенных признали, что президент наделен властью, но он неподотчетен, что премьер-министр подотчетен, но не обладает властью. 39,7 % сторонников ДПП согласились с тем, что власть и подотчетность находятся в диспропорции, и это необходимо исправить посредством принятия конституционной поправки (за это проголосовали 82,3 % участников). Выступления президента с обращением к парламенту поддержали 67,5 %, 60,5 % опрошенных высказались за то, что кандидатура назначенного президентом премьера должна быть одобрена парламентом (два последних вопроса не были поддержаны сторонниками ДПП из-за возникающего дисбаланса в «демократических ценностях»). За упразднение Экзаменационного юаня выступили 55,7 % опрошенных. Мнения участников, относящихся к «си-

¹⁷ Для понимания коренных причин постоянных политических предпочтений электората в том или ином избирательном округе представляется полезным изучить историю города или деревни в составе города (особенность административного деления Тайваня) и уезда, в котором город расположен, а также этнический состав местного населения. Так, в районе Чжунхэ (中和市) в Синьбэе проживает высокий процент (около 25–30 %) семей выходцев из материкового Китая из нескольких военных поселений (眷村) и выходцы с Цзиньмэня (金門縣) и Сямыня, там же проживают иммигранты из Юго-Восточной Азии (ЮВА) и материкового Китая. Гоминьдан посредством последовательной социальной работы мобилизовал там свой электорат и обеспечивал его политическое постоянство до сих пор, поэтому одержать политическую победу кандидатам ДПП в этом районе Синьбэя не представляется возможным.

ней» коалиции, по этому вопросу разделились: за – 64,6 %; против – 32,8 %; за упразднение Контрольного юаня¹⁸ [«Исключительность...» 2015] высказались 59,9 % от ДПП и 51,9 % от ГМД. Сторонники ТНП выступили за упразднение обеих этих ветвей власти [Political... 2023]. Что касается фактора внешней (для Тайваня) политики, то опрос общественного мнения, проведенный в январе 2023 г. Фондом за демократию, культуру и образование (民主文教基金會), также обнаружил, что 46,7 % населения поддерживает «использование Консенсуса 1992 г. для проведения диалога, с тем чтобы связи между двумя берегами восстановились и нормализовались», против высказались 35,8 %. Итак, обмена между двумя берегами и мир в регионе длительное время поддерживает стабильное большинство населения острова, и на этом основывается твердая стратегия ГМД [Согласно... 2023].

Политический компромисс в Законодательном юане

Новый состав Законодательного юаня оценивается как «хороший» для политического компромисса и возможности ведения диалога на основе последовательности обсуждения вопроса за вопросом, который обычно достигался между правящей и оппозиционной партиями, особенно в том, что касается безопасности Тайваня, с учетом особенностей мобилизационного типа развития острова. Основанием для договоренности между ГМД и ДПП остается стремление укрепить обороноспособность Тайваня [Swaine 2024]. В случае реальной опасности со стороны материкового Китая для тайваньцев предпочтительнее будет главенство ДПП, несмотря на прошлые неудачи партии в экономических вопросах (и проведении пенсионной реформы), в урегулировании отношений через Тайваньский пролив, в антикоррупционной борьбе и в иных вопросах. Со времени начала демократизации Тайваня в 1990-х гг. правящей партии приходилось согласовывать свои действия как с другими партиями, так и с общественными организациями (Охрана тайваньской демократической платформы [台灣守護民主平台], Taiwan Democracy Watch; Альянс гражданских групп за конституционную реформу [公民憲政推動聯盟] и др.). Как отмечают зарубежные исследователи, еще при Чэнь Шуйбяне именно Законодательному юаню следовало быть вовлеченным в дело урегулирования отношений через Тайваньский пролив и отвечать за ее контроль [Rigger 2024b].

Спикером и вице-спикером переизбранного в 2024 г. Законодательного юаня были выбраны гоминьдановцы Хань Гоюй¹⁹ [Han's... 2019] и Цзянь Цичэнь²⁰.

¹⁸ Как представляется, вопрос об упразднении Экзаменационного и Контрольного юаней – предмет политического маневрирования. Еще в 2016 г. ГМД и ДПП пытались достичь компромисса, касающегося пропорционального номинирования членов Судебного и Контрольного юаней.

¹⁹ Хань Гоюй (Han Kuo-yu, 韓國瑜) родился в 1957 г. в Тайбэе. Окончил университеты Сучжоу и Чжэнчжи, а также академию Вампу. Был членом Законодательного юаня (1993–2022 гг.) от округа Тайбэй. Являлся генеральным директором Тайбэйской корпорации по сбыту сельскохозяйственной продукции (臺北農產運銷股份有限公司). Был выбран мэром Гаосюна после уверенной и весьма дорогостоящей избирательной кампании. Его предвыборная программа, завоевавшая поддержку избирателей и ГМД, и ДПП, включала задачу обеспечить экономический рост Гаосюна. Будучи мэром, рассчитывал на поддержку и инвестиции IT-гиганта

Хань Гоюй победил во втором раунде голосования влиятельного законодателя от ДПП Ю Шикуня (游錫堃), после того как воздержались восемь законодателей от ТНП. Цзян Цичэнь набрал на три голоса больше, чем законодатель от «Нового прилива» (ДПП) и бывший вице-спикер парламента Цай Цичан (蔡其昌) [КМТ's... 2024].

Предполагается, что для вновь избранного президента Лай Циндэ, который мог бы им стать еще в 2020 г. (но не накопил для этого достаточного опыта в качестве мэра г. Тайнань), новый трехпартийный парламент станет сдерживающим фактором. Это послужит дополнительной гарантией для КНР в вопросе невозможности отделения Тайваня от материкового Китая, так как ДПП не может до конца контролировать Законодательный юань при теперешней расстановке сил. Все три партии поддерживают идею хороших отношений с США, несмотря на скептическую позицию в этом вопросе некоторых не контролирующих свою партию изнутри членов ГМД и нескольких выступающих за объединение с материковым Китаем. В предполагаемый период турбулентности (февраль – май 2024 г. до момента инаугурации Лай Циндэ) ожидаемое усиление экономического и военного давления со стороны материкового Китая²¹ [67 %... 2024] на избранного президента Лай Циндэ и ДПП [Goldstein 2024] обусловит его осмотрительность в публичных выступлениях и заявлениях во избежание изоляции его правительства и оказания на него давления иными способами. В любом случае Лай Циндэ сделает заявления и предпримет шаги в отношении ситуации через Пролив, при этом «США должны будут быть уверены, что не будет никаких сюрпризов в духе заявлений Чэнь Шуйбяня²², поскольку слишком много инвестировано в Тайвань» [*Ibid.*], для этого администрация США с должным уважением окажет поддержку вновь избранному президенту КР.

«Foxconn» и, вероятно, на экономическую помощь материкового Китая, поддерживая Консенсус 1992 г., если не принимать во внимание тезисы его диссертации бакалавра в университете Чжэнчжи в 1988 г. (從中共「對台統戰」策略看兩航談判, «Взгляд на переговоры “по двум навигационным линиям” под углом зрения тактики КПК по “Единому фронту в отношении Тайваня”») о том, что применение политики «Одно государство, два строя» в отношении Тайваня будет неконституционным (то же по поводу Гонконга, Макао, Сямыня, стран ЮВА).

²⁰ Цзян Цичэнь (Johnny Chiang Qi-chen, 江啟臣) родился в 1972 г. в г. Тайчжуне, окончил факультет международных отношений Государственного университета Чжэнчжи, по этой же специальности получил степень магистра в университете в США. Работал в университетах Чжэнчжи и Сучжоу на Тайване. Профессиональный дипломат, влиятельный политик, председатель ГМД в 2020–2021 гг., в Законодательный юань избирался от Тайчжуна, работает там с 2012 г. В 2024 г. избран вице-спикером Законодательного юаня. Его тесть Лю Шэньлян (劉盛良) входил в состав Городского совета Тайбэя (1977–1990 г.), трижды избирался как окружной кандидат от ГМД в Законодательный юань, глава гомиьндановской фракции «Xindian Farmers' Association» (образована в 1949 г.). Его дядя Цзян Чжуньнань (江春男) был руководителем секретариата Совета по национальной безопасности при правительстве Чэнь Шуйбяня.

²¹ Американские (90 %) и тайваньские (62 %) эксперты допускают вероятность принятия материковым Китаем «карантинных мер», способных мешать торговле Тайваня, и близки во мнении (80 % к 60 %) о наличии у материкового Китая необходимых усиленных средств для осуществления «военной блокады» острова.

²² Речь идет о нарушении обещаний (四不一没有), данных Чэнь Шуйбянем в инаугурационной речи 20 мая 2000 г. «Republic of China Tenth-Term President Chan Shui-bian's Inauguration Address» (нет в открытом доступе).

Заключение

Если Тайвань не может самостоятельно защитить себя от материкового Китая, значит, его политика, вероятно, будет направлена на увеличение собственной военной промышленности (и развитие IT- и космической индустрии), хотя возможность защищать себя не решит проблемы напряженных отношений с КНР. Поэтому Тайвань будет заинтересован в достижении стабильности, для которой необходимо, чтобы избранный президент Лай Циндэ осознал, что не следует вести политику (откровенного) сближения Тайваня и США. Однако если США не будут провоцировать отделение Тайваня от материкового Китая, это станет единственной гарантией стабильности в ситуации применения эрозированной обеими сторонами (США и Китаем) модели «одного Китая», согласно которой не представляется возможной реализация КНР своего обязательства по мирному объединению [Swaine 2024].

23 мая 2024 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Ван Вэньбинь на пресс-конференции заявил, что развернутые недавно Народно-освободительной армией Китая (НОАК) совместные маневры вокруг острова Тайвань, находящегося в зоне восточного командования НОАК, направлены на защиту государственного суверенитета и территориальной целостности Китая, против действий раскольнических сил, выступающих за «независимость Тайваня». Эти маневры представляют собой «серьезное предупреждение» также и в отношении «внешних сил», осуществляющих вмешательство во внутренние дела Китая. Действия Китая, отметил Ван Вэньбинь, полностью соответствуют международному праву и правилам. Они совершенно справедливы и необходимы, так как «Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая, что является историческим фактом и соответствует истинному положению дел, которое не изменится и в будущем». «Независимость Тайваня» – «гибельный путь», поскольку все раскольнические действия столкнутся с решительным противодействием всего китайского народа и «будут пресечены перед лицом исторического процесса осуществления Китаем полного объединения» [Министерство... 2024].

Политики материкового Китая понимают, что внутренняя напряженность на Тайване из-за сочетания военных угроз и международных событий не позволит Лай Циндэ двигаться в сторону формальной независимости. Отмечается растущая убежденность политиков ГМД в том, что американские политики, вооружая Тайвань, возможно, захотят принести его в жертву в своем желании затормозить «возвышение» Китая [Rigger 2024b], что не добавляет аргументов в пользу доверия Тайваня к США.

В экономике Тайвань очевидно старается уменьшить (не сводя к нулю) свою зависимость от огромного рынка материкового Китая²³ [Xinhua 2024] – одного из важнейших своих торговых партнеров, избрав путь грамотной диверсификации, перенаправляя свои торговые потоки в страны ЮВА, в США, Японию и страны Европы, по-прежнему остающиеся целевой торговой площадкой Тайваня. Кроме

²³ Хотя объем торговли между Китаем и Тайванем за 2023 г. достиг уровня 267,8 млрд долларов США. За неполный 2023 г. было одобрено около 7 тыс. тайваньских инвестиционных проектов в материковом Китае, что почти на 30 % больше по сравнению с количеством таких проектов 2022 г. Фактически использованные инвестиции Тайваня увеличились приблизительно на 40 % в годовом исчислении, составив 2,69 млрд долларов США.

того, для тайваньских бизнесменов ведение бизнеса в материковом Китае представляется незавидным и затратным делом, не говоря уже об откровенной предвзятости по отношению к ним [Rigger 2024a]. Поэтому вероятен дальнейший, более широкий консенсус с США, Японией, Индией и странами ЕС (основываясь «на мире в Индо-Тихоокеанском регионе»), каждая из которых преследует свои интересы, не жертвуя Китаем ради Тайваня (речь идет о Германии, Франции, Великобритании), в отношениях как с материковым Китаем, так и с самим Тайванем находясь в постоянных поисках политически менее рискованных возможностей (не нарушая принципа «одного Китая», не достигая уровня признания тайваньской государственности [Albana, Fiori 2024]), включая задачу реализации большого долгосрочного инвестиционного плана крупнейшего тайваньского (и мирового) производителя чипов TSMC и Hon Hai Precision Industry Company (Foxconn), что потребует времени. При этом отмечается самый низкий уровень тайваньских прямых инвестиций в материковый Китай за последние два года из-за длительного карантина, связанного с COVID-19 [Damm 2024]. Хотя Тайвань по-прежнему остается весьма зависим от «политизированной торговли» с материковым Китаем и Соединенными Штатами Америки, партнерство Китая также остается важным для них обоих [Walters 2024].

Что касается волнующего весь мир вопроса относительно производства полупроводников в материковом Китае, то КНР потребуется еще около 10 лет, чтобы уменьшить свою зависимость от произведенных на острове электронных запасных частей и достичь желаемого (тайваньского) уровня производства электронных чипов. Хотя достижение такого уровня или его отсутствие никак не может повлиять на политическое решение практического объединения (или воссоединения) двух берегов Тайваньского пролива, если таковое будет принято правительством КНР [Damm 2024].

Литература

«Исключительность за кулисами». Зеленые соглашаются на проверку Великих судей в обмен на право Цай Инвэнь номинировать членов Контрольного Юаня [Электронный ресурс] : 新新闻. 2015. June 6. URL: <https://href.li/?http://www.storm.mg/article/52978> (на кит. яз.; дата обращения: 21.12.2022).

Министерство иностранных дел: применение действенных мер в отношении попыток раскольнических сил, добивающихся «независимости Тайваня», является совершенно справедливым и необходимым [Электронный ресурс] : Официальный сайт Канцелярии по делам Тайваня ЦК КПК и Канцелярии по делам Тайваня Госсовета КНР. 2024. 24 мая. URL: http://www.gwytb.gov.cn/bmst/202405/t20240524_12622578.htm (на кит. яз.; дата обращения: 27.05.2024).

Политические взгляды и обещания Цай Инвэнь и Чэнь Цзяньжэня [Электронный ресурс] : Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/resource/lglrdppub.2019668236/?sp=14&r=-0.552,0.143,2.104,1.337,0> (на кит. яз.; дата обращения: 12.01.2022).

Смирнов Д. А., Степанова Е. Н. Большой Китай: региональные политические проблемы. М. : ИКСА РАН, 2023.

Согласно опросу Фонда за народное благосостояние, более половины членов ТНП поддерживает «Консенсус 92» Гоминьдан: одновременно вести диалог по национальной обороне и на практике защищать интересы Тайваня [Электронный ресурс] :

Политический центр. URL: <https://tw.news.yahoo.com/> (на кит. яз.; дата обращения: 03.03.2024).

То, о чем мы хотим поставить тебя в известность [Электронный ресурс] : The News Lens. 2022. November 14. URL: <https://www.thenewslens.com/article/176437> (на кит. яз.; дата обращения: 09.02.2024).

67 % of US Experts Think Taiwan Strait Crisis Likely in 2024: CSIS // Taiwan News. 2024. January 23. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/5083821> (дата обращения: 23.01.2024).

2020 Elections: Tsai Wins by a Landslide // Taipei Times. 2020. January 1. URL: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2020/01/12/2003729107> (дата обращения: 27.03.2024).

Albana A., Fiori A. Taiwan-Europe relations under Lai Ching-te: Which Way Ahead? // Taiwan Insight. 2024. March 18. URL: <https://taiwaninsight.org/2024/03/18/taiwan-europe-relations-under-lai-ching-te-which-way-ahead/> (дата обращения: 27.03.2024).

Average Wages Increase 2.11%: DGBAS // Taipei Times. 2024. January 12. URL: <https://www.taipetimes.com/News/biz/archives/2024/01/12/2003811961> (дата обращения: 18.01.2024).

Chang A. A History of the Taiwanese Gay Rights Movement. Senior Honors Thesis, 2012.

Chen F. Taiwan's Constitutional Reform: Proposals and Obstacles // Global Taiwan Institute. 2017. November 15. URL: <https://globaltaiwan.org/2017/11/taiwans-constitutional-reform-proposals-and-obstacles/> (дата обращения: 25.02.2024).

Damm J. How Taiwan Tries to Sway Away from Export Reliance on China [Электронный ресурс] : DW News. 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jcyOO0c_VN8 (дата обращения: 14.05.2025).

Election History [Электронный ресурс] : 中選會. 2016. July 14. URL: <https://web.scc.gov.tw/english/cms/eg> (дата обращения: 05.02.2024).

Elections: Madam President [Электронный ресурс] : Taipei Times. 2016. January 17. URL: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2016/01/17/2003637385>

Fell D. Party Politics in Taiwan. Party Change and the Democratic Evolution of Taiwan, 1991–2004. Abingdon, NY : Routledge, 2012.

Fell D. UK Taiwan Studies Expert Reacts to 2024 Taiwanese Elections [Электронный ресурс] : Youtube. 2024. January 16. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ojFOspA4ah0> (дата обращения: 18.01.2024).

Goldstein S. Interpreting the Taiwan Elections: Democracy in the Shadow Geopolitics [Электронный ресурс] : Youtube. 2024. January 18. URL: <https://www.google.com/search?q=Shelly+Rigger+Taiwan+elections+interview#fpstate=ive&vld=cid:d68557ff,vid:H CWSKDHbFsc,st:0> (дата обращения: 21.01.2024).

Han's 1988 Master's Thesis Critical of China's Plans to Annex Taiwan, HK Extradition [Электронный ресурс] : Taiwan News. 2019. August 27. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3785601> (дата обращения: 09.03.2024).

Hart B., Kennedy S., Blanchette J., Lin B. Critical Questions. Taiwan's 2024 Elections: Results and Implications [Электронный ресурс] : Centre for Strategic & International studies. 2024. January 19. URL: <https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications> (дата обращения: 21.01.2024).

Jaw Shaw-kong Must Resign from BCC Roles [Электронный ресурс] : Taipei Times. 2023. December 7. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/12/07/2003810246> (дата обращения: 09.12.2024).

KMT Wins 52 Legislative Seats, DPP Bags 51 and TPP Eight [Электронный ресурс] : Taipei Times. 2024. January 14. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2024/01/14/2003812069> (дата обращения: 21.01.2024).

KMT's Johnny Chiang Elected Deputy Speaker of Taiwan's Legislature [Электронный ресурс] : Taiwan News. 2024. February 1. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/5089150> (дата обращения: 21.01.2024).

Laws and Regulations. Presidential and Vice Presidential Election and Recall Act [Электронный ресурс] : Ministry of The Interior. Republic of China (Taiwan). 2023. June 9. URL: https://www.moi.gov.tw/english/News_Content.aspx?n=7630&s=297529 (дата обращения: 07.02.2024).

Muyard F. Taiwan Elections 2008: Ma Ying-jeou's Victory and the KMT's Return to Power // China Perspectives. 2008. No. 1. Pp. 81–85.

NT\$900,000 Fundraised for Youth Transport to Vote in Taiwan Election // Taiwan News. 2024. January 13. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/5077491> (дата обращения: 13.01.2024).

Political System Preferences Split, Opinion Poll Show [Электронный ресурс] : Taipei Times. 2023. October 20. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2023/10/19/2003807919> (дата обращения: 20.10.2023).

Rigger S. Tsai Wins Landslide Victory in Taiwan [Электронный ресурс] : Youtube. 2024a. January 13. URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-01-13/how-would-tsai-s-election-win-affect-taiwan-china-relations-video> (дата обращения: 21.01.2024).

Rigger S. Interpreting the Taiwan Elections: Democracy in the Shadow Geopolitics [Электронный ресурс] : Youtube. 2024b. January 18. URL: <https://www.google.com/search?q=Shelly+Rigger+Taiwan+elections+interview#fpstate=ive&vld=cid:d68557ff,vid:H CWSKDhbFsc,st:0> (дата обращения: 21.01.2024).

Swaine M. Interpreting the Taiwan Elections: Democracy in the Shadow Geopolitics [Электронный ресурс] : Youtube. 2024. January 18. URL: <https://www.google.com/search?q=Shelly+Rigger+Taiwan+elections+interview#fpstate=ive&vld=cid:d68557ff,vid:H CWSKDhbFsc,st:0> (дата обращения: 21.01.2024).

Taiwan Yearbook. First Direct Presidential Election. Taipei : Government Information Office, 2003.

Walters R. Taiwan's Election Matters to America [Электронный ресурс] : Hudson. 2024. January 12. URL: <https://www.hudson.org/foreign-policy/taiwans-election-matters-america-riley-walters> (дата обращения: 21.01.2024).

Wang T. Taiwan Post-Election Analysis // Norits Roundtable. 2024. January 19.

Xinhua. 2024. January 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.xinhuanet.com/20240117/061959de49e64213b3a7f75cce0b54b0/c.html> (дата обращения: 16.02.2024).

Zhonghe City Politics [Электронный ресурс] : A Blog on Elections in Taiwan. 2010. March 14. URL: <https://frozengarlic.wordpress.com/2010/03/14/zhonghe-city-politics/> (дата обращения: 21.04.2022).

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Акаев В. Х., Осмаев М. К.**

В статье раскрываются социокультурные, цивилизационные аспекты Российского государства, испытывающего воздействие современной глобализации. Как часть современного глобального мира Россия представляет собой специфическую цивилизацию, разительно отличающуюся от мира западного и восточного. В то же самое время Россия – это государство-цивилизация, опирающееся на западные и восточные культурные ценности. Она представляет собой специфический мир, который в условиях современной глобализации вынужден адаптироваться и вносить свои изменения в быстро меняющиеся обстоятельства. Российская цивилизация формировалась на основе длительного противоречивого этнокультурного развития ее многообразных народов, отличавшихся друг от друга на основе языков, верований, историко-культурного и политического прошлого. Анализируется кавказская цивилизация, которая в условиях современности сохраняет свои традиционные особенности, в числе которых консервативные социокультурные грани, прочные семейные отношения, этнокультурные традиции, адаптирующиеся в глобальных условиях.

Ключевые слова: глобализация, цивилизация, культура, российская цивилизация, интеграция, этнокультурное многообразие, культура народов Кавказа.

* **Для цитирования:** Акаев В. Х., Осмаев М. К. Российская цивилизация в контексте современной глобализации // Век глобализации. 2025. № 2. С. 128–137. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.11.

For citation: Akhiev V. H., Osmaev M. K. Russian Civilization in the Context of Modern Globalization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 128–137. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.11 (in Russian).

** Акаев Вахит Хумидович – д. филос. н., профессор, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. н. с. Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова РАН. E-mail: akaiev@mail.ru.

Vakhit H. Akhiev – Dr. Phil., Professor, Full Member of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Chief Researcher of the Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute of the RAS. E-mail: akaiev@mail.ru.

Осмаев Мовла Камилович – д. и. н., профессор Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. E-mail: osmaev.movla@yandex.ru.

Movla K. Osmaev – Dr. Hist., Professor of Kadyrov Chechen State University. E-mail: osmaev.movla@yandex.ru.

RUSSIAN CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBALIZATION

The article reveals the socio-cultural, civilizational aspects of the Russian state, experiencing the impact of modern globalization. As part of the modern global world, Russia is a specific civilization, which is in strike contrast to the Western and Eastern worlds. At the same time, Russia is a state-civilization based on Western and Eastern cultural values. It is a specific world, which in the context of modern globalization, is forced to adapt and make its own changes to rapidly changing circumstances. Russian civilization was formed on the basis of a long contradictory ethnocultural development of its diverse peoples, differing from each other on the basis of languages, beliefs, historical, cultural and political past. The Caucasian civilization is analyzed, which in modern conditions retains its traditional features, including conservatism, strong family relationships, ethnocultural traditions that adapt to global conditions.

Keywords: globalization, civilization, culture, Russian civilization, integration, ethnocultural diversity, culture of the peoples of the Caucasus.

Введение

Каждое государственное образование в мире подвергается воздействию глобальных процессов, формирующих его экономику, социальную сферу, культуру и образ жизни граждан. Россия как государство в ходе своего исторического развития прошла длительный и сложный путь экономического, политического, культурного, технологического становления и развития, преодолевая при этом внутренние конфликты, отражая внешние завоевания. История Российского государства, становление его как цивилизации сложна, противоречива, оно преодолело много войн, конфликтов – как внутренних, так и в межгосударственных отношениях.

Цивилизационное становление России – это экономическое, техническое, культурное развитие в целом, а также всех ее нынешних регионов-субъектов, которые в прошлом имели разные формы социально-экономического, политического, культурного проявления. Россия собирала и защищала народы, она и завоевывала княжества, государственные образования на Кавказе, в Центральной Азии, Прибалтике. В годы своего существования СССР прошел общий путь социалистического строительства, что осуществлялось на основе общественной собственности на средства производства, политического, культурного и идеологического единения.

Постсоветское развитие России – это сложный путь преодоления различных кризисов: экономических, политических, территориальных. Каждый субъект России – это ее составная часть, отстаивающая общегосударственные интересы, укрепляющая при этом региональные, локальные интересы и обеспечивающая государственную целостность страны.

Взаимоотношения России и Кавказа имеют длительную историю, различные формы политического и культурного сотрудничества, а также опыт существования в современном мире.

1. Особенности глобального мира

Глобализация мира – это интенсивный процесс экономического, культурного, технологического, духовного развития государств и народов. Это и унификация,

стандартизация мира, подчинение соответствующим правилам экономического, технического и культурного развития. В ходе глобализации формируются общие стереотипы, характерные для евро-американской цивилизации. На их основе развиваются Запад и Восток; будучи в цивилизационном отношении разными мирами, они через глобализацию сближаются, унифицируются и становятся общечеловеческими [Махаматов Т. М., Махаматов Т. Т. 2020]. Глобализация по американским лекалам – это унификация с преобладанием ценностей американского образа жизни, доминированием упрощенного, часто огрубленного, бездуховного состояния общества.

Отмечая ряд преимуществ американского образа жизни, надо подчеркивать его существенные недостатки – это чрезмерная материализация жизни, ее преобладание над духовными, традиционными культурными достижениями. Американский образ жизни, нацеленный на «красивую жизнь» и материальный достаток, порой игнорирует духовные ценности, ставшие нормой жизни для огромного количества людей. Через внедрение массовой культуры американцы решительно меняли образ жизни людей на Западе и на Востоке, а также в России. Унифицируется одежда людей, которые одеты в принципе одинаково: джинсы, майки, кроссовки, куртки, кепки. Сфера обслуживания в мире пытается соответствовать потребностям миллионов отдыхающих людей. В глобальном мире все унифицировано, технологично и ускоренно. И это соответствует современному динамичному миру, но при этом вырабатываются новые человеческие отношения.

Современный мир, достигнув индустриального уровня развития, перешел в постиндустриальное общество, что характерно для развитых капиталистических стран – США, Германии, Японии, Англии. Всему остальному миру США диктуют собственные представления о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Глобализация в своем становлении проходит ряд этапов, связанных с зарождением капитализма, развитием мирового рынка и формированием хозяйственных связей. При этом происходит активизация монополизации и усиливаются международная миграция средств производства, вывоз капитала за границу, расширяются международные экономические связи; осуществляется перестройка международных экономических отношений, налаживавшихся после Первой и Второй мировых войн, когда повышалась производительность труда, происходила либерализация внешнеторговой политики, осуществлялся интенсивный научно-технический прогресс, возникали международные организации (ООН, ВТО, МВФ и т. д.), являющиеся яркими примерами процесса глобализации. Интернационализация хозяйственной жизни, формирование государствами региональных торговых союзов и неформальных сообществ, унификация экономических, культурных, религиозных, политических явлений, транснационализация процесса общественного воспроизводства – существенные процессы современного этапа глобализации.

З. Бжезинский, ссылаясь на Б. Клинтона, отмечает, что «глобализацию нельзя ни задержать, ни предотвратить». С его точки зрения, это «экономический эквивалент таких сил природы, как ветер, вода... и мы не можем ее игнорировать – она не исчезнет сама собой» [Бжезинский 2023: 243]. Отсюда делается вывод, что «неумолимая логика глобализации такова, что все, от прочности экономики США до безопасности городов и здоровья американских людей, зависит от происходящего не только внутри наших границ (то есть США. – *Авт.*), но и на другом конце планеты» [Бжезинский 2023: 243].

Более широкий и социально обусловленный взгляд на глобализацию предлагает А. Н. Чумаков, полагающий, что она являет собою не только потоки товаров или сокращение расстояний, стирание границ или унификацию производственных процессов; глобализация – это еще и тенденции к формированию системы ценностей, к созданию общечеловеческой культуры, открытость и объективность информации, толерантность в международной политике и межкультурном взаимодействии [Чумаков 2006: 221].

В совместной статье А. Н. Чумакова и Оуян Кана отмечается, «что человек по природе своей был и остается биосоциальным существом, в котором сочетаются хорошее и плохое, любовь и ненависть, добро и зло, миролюбие и агрессивность. Культура, воспитание и образование, конечно же, делают человека гуманным, толерантным. Но в нем также сохраняется и то, что заложено естественной природой, его биологией: агрессивность, стремление к доминированию, борьба за выживание, решение проблем с позиции силы и т. п.

Все это в полной мере проявляется также и в поведении отдельных сообществ, и в политике национальных государств. Немаловажно и то, что общая численность населения Земли уже достигла 8 млрд человек и продолжает возрастать» [Чумаков, Оуян Кан 2024: 6].

Ситуация усугубляется тем, что природные ресурсы, необходимые для полноценной жизни и деятельности такого количества людей, ограничены. К тому же они, как и население планеты, распределены неравномерно, и все они так или иначе имеют тенденцию к сокращению. В итоге за доступ к ним идет острая борьба, которая протекает не только в явной, но и в скрытой форме, и нет оснований думать, что в перспективе конфликт интересов будет ослабевать. Скорее, наоборот, с учетом реального положения дел в современном мире и имеющихся тенденций его развития, конфликты явно будут нарастать, а противоборство – усиливаться. Таким образом, мировое сообщество находится сегодня перед лицом беспрецедентных, не имевших аналогов в истории человечества вызовов. В то же время, не имея адекватной системы управления, оно «все больше втягивается в ситуацию нарастания противоречий и неопределенности. В этом и заключается основная проблема глобального человечества» [Чумаков, Оуян Кан 2024: 6–7].

По мнению С. Г. Киселева, глобализация ориентирует на необходимость сотрудничества, единение государств и народов мира. Он также отмечает, что по мере расширения коммуникационных возможностей, возрастания роли информационных технологий, а также экономической, технологической, торговой взаимозависимости мира и с нарастанием глобальных экологических вызовов мы становимся свидетелями нарастания тенденций его разъединения и поляризации как на региональной, так и на цивилизационно-культурной основе. При этом в последние годы противоречия между разными регионами и отдельными странами по большей части не разрешаются, а углубляются. Очевидно, что при анализе процессов и явлений, выраженных в дихотомии «глобализация – регионализация», необходимо учитывать одновременно наличие как объективного, так и субъективного фактора глобализации [Киселев 2024].

Важно отметить и то, что глобализация по природе своей является объективным и закономерным процессом развития человечества. Она характеризует реальность современного мира в том отношении, что все больше проникает в разнообразные сферы человеческого бытования. Но она обусловлена также и субъективным фактором, поскольку в глобальных процессах и их направленности за-

интересованы мощные политические силы, которые в той или иной степени стремятся к установлению «геополитического, геоэкономического и культурного контроля в глобальном и региональном форматах, зачастую в ущерб подавляющему большинству остального населения планеты» [Киселев 2024: 161].

Еще одна важная особенность современной глобализации заключается в том, что она внесла серьезные коррективы в демографическую ситуацию на планете. Так, например, демографическая проблема приобрела острый характер в таких странах, как Германия, Италия, Россия, Швеция, Великобритания, где рождаемость резко снизилась и продолжает снижаться. Складывается ситуация, когда коренное население в некоторых городах Европы становится меньшинством, что ведет к межкультурным конфликтам и росту социального напряжения.

2. Цивилизационное развитие России в условиях глобализации

Развитие России в современных условиях, сохранение ее цивилизационных оснований, приобщение к глобальному миру, когда происходят активные экономические, технологические и научно-технические преобразования, сопряжено с определенными проблемами и вызовами.

Российская цивилизация нами понимается как длительный процесс образования Российского государства, которое составляет единство общественного устройства его многочисленных народов в процессе их исторического, социально-экономического, духовно-культурного сосуществования. В ходе своего историко-культурного развития Россия вобрала в себя различные народы, имевшие свои территории, системы социального устройства, языки, обычаи, традиции, верования. А технологическое их становление происходило по-разному, развиваясь под влиянием государственно-политического устройства, русского языка и русской культуры; через них шло освоение и западных ценностей. В составе Российского государства разные народы развивались экономически, политически, культурно. В своем этнокультурном развитии они прошли тысячелетия, а в составе России приобретали новое качественное состояние, приобщались к достижениям самого Российского государства и европейской цивилизации.

Таким образом, имея длительную историю цивилизационного становления, Россия объединила славянские, тюркские, кавказские, угро-финские и другие народы. Их спайка, союз, интеграция привели к образованию единого государства, которое сегодня имеет свою специфику, а именно, локальный цивилизационный характер. Теперь все чаще эксперты называют Россию государством-цивилизацией, поскольку она являет собою политическую, гражданскую интеграцию разных народов, которые сегодня формируются на основе общей территории, языка, законов, культуры, единой системы государственного управления. Это государство в течение двух последних веков претерпело несколько видоизменений – самодержавие, социализм, а также современное постсоветское состояние. Такое развитие сопровождалось сменой политических режимов, экономических основ и форм управления.

Цивилизационное развитие России сопряжено с достижениями западной цивилизации, которая оказывала на нее самое непосредственное культурное, политическое, технологическое влияние. Она не была свободна и от влияния глобальных мировых процессов, которые оказывали на нее прямое воздействие, в частности в экономическом и информационно-технологическом отношении. Так, например, российское самодержавие зависело от западных технологий. Это было

характерно и для Советского Союза, который не достиг бы вершин индустриализации, если бы не технологическая помощь Запада. В противостоянии Западу и в конкурентном взаимодействии с ним Россия создала машины, станки, построила атомную промышленность, создала ядерное оружие, достигнув в этой области колоссального развития. С начала 1990-х гг. Россия в технологическом, экономическом отношении оказалась в значительной степени зависимой от высокоразвитых стран, находящихся на переднем крае научно-технического прогресса.

Современное экономическое развитие России тесно связано с Китаем и его научно-технологическими достижениями, которые получили мощный толчок за счет продуманной и последовательной политики, а также внешних инвестиций. В итоге из технологически отсталой страны Китай превратился в развитую мировую державу, вызывающую удивление и настороженность у разных стран мира. Роль и значение Китая сегодня исключительно важны для мира. Как отмечает Г. Киссинджер, «мировой порядок, существующий в настоящее время, создавался без китайского участия. Отсюда Китай чувствует себя не так сильно связанным с правилами создания того, в чем он не принимал участия. Там, где результат не соответствует китайским предпочтениям, Пекин задействовал альтернативные формы взаимодействия, такие как специальные каналы расчетов в валюте, установленные с Японией, Бразилией и другими странами» [Киссинджер 2020: 697].

В условиях мирового развития Китай выстраивает свою линию поведения, получая значительные выгоды от правильного понимания и учета таких процессов, демонстрируя очень высокие темпы экономического и технологического развития. В итоге Китай показал многим странам мира пример того, как можно из отсталой страны превратиться в современное, экономически и технологически развитое государство.

Для России китайский опыт имеет несомненный интерес. Россия как цивилизация с 90-х гг. XX в. оставалась «разорванной страной, и западно-славянофильский дуализм оставался неотъемлемой чертой ее национального характера» [Тойнби, Хантингтон 2016: 266]. После распада СССР Россия находилась под активным влиянием западных ценностей и образа жизни. Значительная часть российской молодежи заимствовала ценности массовой культуры и была строго ориентирована на американский образ жизни, радикально отличающийся от национальных, этнических традиций. Социологические опросы показали, что примерно 60 % студенческой молодежи Москвы стала ориентироваться на американские ценности и американский образ жизни. Эти ценности в значительно меньшей степени проникли в молодежную среду кавказцев, которые прочно придерживаются традиционных обычаев, традиций и верований отцов.

Итак, можно сделать вывод, что в глобализирующемся мире Россия радикально изменилась, она стала отходить от своих корней, историко-культурных и духовных традиций, что отражается на образе жизни и поведении подрастающего поколения. Эта ситуация вынуждает на государственном уровне принимать соответствующие меры сохранения историко-культурных и духовных традиций с учетом современного цивилизационного развития. В частности, в российском обществе, среди молодежи в учебных заведениях, в том числе и в школах, трудовых коллективах, представляется важным осуществление патриотической деятельности, при этом особое внимание необходимо уделять освоению традиционных духовно-нравственных, культурных, этнокультурных и семейных ценностей народов России.

3. Развитие Кавказа в контексте цивилизации

Кавказ, целиком входивший в состав СССР, сегодня разделен на две части – Южный и Северный, которые социально-экономически, политически и культурно разноориентированы.

В целом Кавказ – «это не только место встречи и синтеза культур и цивилизаций». Он является регионом, привлекающим внимание очень многих государств, транснациональных компаний, преследующих свои узкопрагматические цели. Так, «обширная зона Прикаспия является богатейшим месторождением нефти и газа, кладовой горючих ископаемых XXI в. Поэтому весьма нахально объявляют Кавказ зоной своих геостратегических интересов США и Англия, Германия и Турция; даже Швеция» [Жданов 2000: 9].

Народы Кавказа в условиях современного развития мира, глобализационных трансформаций, экономических, культурных, политических преобразований сохраняют свои этнокультурные традиции, ценности, не позволяя им размыться. Кавказская молодежь, придерживающаяся вековых семейных традиций, сдержана в плане следования западным антитрадиционным культурным новациям, но при этом в технологическом отношении восприимчива и к новациям.

Известный отечественный кавказовед В. В. Черноус, отстаивая свои позиции о бытовании кавказской горской цивилизации, отмечал, что «горские народы ходом исторического развития оказались втянутыми в глобальное противостояние атлантической империи Англии, континентальной Российской империи, а также Франции и Германии, которые в разные периоды оспаривали гегемонию России в Европе» [Черноус 2000: 33].

Исследования, касающиеся кавказской цивилизации, приобретают неоднозначный характер. Кавказ как сложный в этническом, языковом и религиозном отношении регион развивается в течение многих веков. Кавказские народы, существуя в условиях этнического, культурного, социального разнообразия, формировали особые институты, которые преодолевали обособленность и отчуждение этносов и отдельных локальных социумов. Между тем с помощью этих институтов преодолевались противоречия, конфликты, устанавливались особые взаимодействия, доверительные контакты и отношения между различными народностями и различными общностями внутри одного этноса. Этого кавказские этносы добивались через такие этносоциальные институты, как куначество, аталычество, побратимство, гостеприимство.

Институты, осуществляющие межэтническое сотрудничество народов Кавказа, позволяли накопить богатый опыт взаимной терпимости, достойных компромиссов, разумного приспособления, разностороннего сотрудничества. По мнению Б. Х. Бгажнокова, у адыгских народов «благожелательность стоит в одном ряду с такими принципами поведения, как гостеприимство, почитание старших, женщин... Мало того, она – условие реализации каждого из названных принципов» [Саенкова 2022: 54].

Кавказ, как и любой регион мира, подвергается осязаемым глобализационным новациям: идеи потребительства, следование всевозможным наслаждениям, формируя гедонистическую ментальность, коснулись его народов. Характеризуя современное общество потребления, Жан Бодрийяр пишет, что «общество потребления реализует стремление к вещам, но еще более оно нуждается в их разруше-

нии», а это «разрушение остается основной альтернативой производству» [Бодрийяр 2020: 51].

В ходе сопоставления образа жизни, ментальности народов Кавказа и образа жизни народов западного мира мы наблюдаем духовно-культурную устойчивость, консерватизм кавказцев, их преданность, бережное отношение к своим историко-культурным традициям, исторической памяти. Традиционные ценности народов Кавказа, которые статичны, консервативны, противостоят активно меняющимся ценностям западной цивилизации. А в условиях современного глобального мира, сохраняя свою прочность, они медленно подвергаются изменениям. Культурные новации народы Кавказа принимают осторожно, медленно. Вместе с тем они быстро улавливают и практическую пользу массовой культуры.

Для народов Кавказа их историко-фольклорные герои часто служат в качестве образцов для подражания, несмотря на свою мифологичность. На примерах их деятельности на Кавказе учат детей, подрастающие поколения. По крайней мере, кавказцам приятно, если такое сравнение осуществляется. Кавказ – древний историко-культурный, географический, геополитический регион, через который протекали миграционные потоки, разворачивались крупные военно-политические события.

Современный традиционный Кавказ – как явление природное, социальное, этнокультурное, геополитическое – многообразен и в то же время синкретичен. Он вбирает в себя консерватизм, динамику, удивительную адаптацию к современности, глобальным изменениям, оставляет свой отпечаток на жизни, деятельности и поведении людей.

Недавно, в зимние каникулы, мы отдыхали в санатории в Кисловодске. Как и все отдыхающие, прогуливались по ее центральной улице, именуемой Курортным бульваром. Он был заполнен отдыхающими, прибывшими сюда со всех концов нашей огромной страны. Такого потока людей в этом курортном городе никогда не видели. Невольно обращали внимание на дресс-код отдыхающих. В прошлые годы отдыхающие россияне были одеты в шубы, пальто, дубленки, теплые ботинки. Сегодня иная картина, представленная изменившимся дресс-кодом отдыхающих россиян, принадлежащих к разным этносам, культурам, верованиям. Наличный дресс-код их всех унифицировал.

В современном мире с развитием промышленности, химии на смену шерстяным тканям пришли искусственные ткани, из которых изготавливается удобная и прочная одежда, которую носят несколько лет. И ее очень много в магазинах курортного города. Если в прошлом люди носили одежду из натуральной ткани, сегодня картина иная. Все носят одежду из искусственной ткани. И эта одежда стандартизована: люди одеты в разноцветные шапки, куртки, свитера, майки, джинсы, кроссовки. Море отдыхающих людей – это разноцветные потоки перемещающихся взрослых и детей. У всех них одна мода, одинаковые модели одежды, обуви, которые удобно носить. Одежда их стандартизирована, унифицирована. Все просто, удобно, легко, тепло.

В оценках российских исследователей фиксируется критическое отношение к процессу глобализации, а также к интерпретации понятия «глобализация». Сопряжено это с тем, что в России в сравнении с Европой межчеловеческие отношения строятся на принципах коллективизма, значимости приоритета дружбы над индивидуализмом. История России такова, что она в прошлом, особенно при

социализме, опиралась на принципы коллективизма, общинность, соборность, характеризующиеся как идеал социального общежития народов России.

Развитие России – это прежде всего развитие этнокультурное, происходившее в течение веков, с длительным межрасовым и межнациональным смешением, что закреплено в истории, культуре, мировоззрении современного россиянина. И этот процесс сближает разные народы и нации России, формируя у них общие социально-экономические и культурные ценности, развивая их цивилизационно. У совместно проживающих россиян вырабатывается единая картина социокультурного взаимодействия. Народы России, в частности народы Северного Кавказа, находятся в тесном экономическом, политическом, культурном взаимодействии, осуществляя свою деятельность в рамках существования и развития единого государства, решая общие государственные, региональные и локально-этнические задачи.

Россия сегодня в экономическом, политическом и культурном отношении испытывает значительные трудности, связанные с фрагментацией общества, различного характера антагонистическими противоречиями, преодоление которых даст ощутимый импульс в ее развитии.

Вместо заключения

В современном глобальном мире, как отмечает П. Бьюкенен, «цивилизация, основанная на вере, а с нею культура и мораль отходят в прошлое и повсеместно заменяются новой верой, новой моралью, новой культурой и новой цивилизацией» [Бьюкенен 2003: 21]. Эта общая тенденция, которая выявлена американским автором, конечно же, воздействует и на традиционные общества, оказывая на них как благоприятное, так и негативное влияние, часто дезорганизационного характера.

Глобальные процессы, происходящие в мире, радикально меняют экономику, культуру, образ жизни народов мира, различных стран. Они придают государствам, народам, цивилизациям и культурам ощутимую динамику; позволяют преодолеть болезни, голод, безграмотность, развивать экономику, образование, инновационные технологии, создавать новые материалы.

В то же время глобальные, цивилизационные изменения в мире подвергают человечество серьезным испытаниям. Оно оказывается перед такими угрозами, как опасность разрушительных войн, чрезмерное потребление, духовно-культурное разложение, богоборческие тенденции, порнография, феминизм, демографические, гендерные проблемы, появление рукотворных болезней и огромные затраты на их преодоление.

Сегодня построить одномерный мир, развивающийся на основе евро-американской модели, скорее всего, не удастся. Ситуация усложнилась еще и тем, что к власти в США пришел миллиардер Дональд Трамп, сплотивший вокруг себя исключительно богатых людей своей страны, нацеленных на решение внутренних американских проблем, что для целей США нужно решать проблемы нелегальной иммиграции, установить новые политико-экономические отношения с Канадой (превратив ее в очередной штат), забрать Панамский канал, а у Дании – Гренландию и т. п.

Таким образом, нынешний современный мир является сложным, многообразным, разноориентированным, поликультурным. В этих условиях глобальная массовая культура очень часто порождает напряженные отношения с локальными

этнокультурными ценностями, приводя их к столкновениям, конфликтам. Это явление достаточно хорошо описано профессором Гарвардского университета С. Хантингтоном, утверждавшим, что «межцивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном (или микроуровне) возникают *конфликты по линии разлома*: между соседними государствами, принадлежащими к различным цивилизациям, внутри одного государства между группами из разных цивилизаций и между группами, которые, как в бывшем Советском Союзе и Югославии, пытаются создать новые государства на обломках прежних» [Хантингтон 2011: 323].

Объединение мирового сообщества на основе общечеловеческих целей, ценностей в настоящее время не представляется возможным. Отсюда, глобальное развитие мира предполагает учет политико-экономического, этнонационального развития, духовно-культурного многообразия в регионах, где достаточно устойчивы локальные этнокультурные ценности. Современный мир достигнет своей стабильности, устойчивости при условии сохранения существующего экономического, социально-политического, культурного многообразия, сохранения баланса между различными государствами, цивилизациями и культурами. При этом учет национальных интересов крупных держав, в том числе и России, является одним из главных условий мировой стабильности.

Представляется важным и переформатирование международных отношений, международного порядка, начало которому сегодня положено первыми решениями Дональда Трампа на посту президента США. В этой связи российское государство, сохраняя свои цивилизационные основы, надо полагать, рационально скорректирует свою внутреннюю и внешнюю политику.

Литература

- Бжезинский З. Выбор. М. : АСТ, 2023.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020.
- Бьюкенен Дж. П. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003.
- Жданов Ю. А. Кавказ: традиции и вызовы XXI в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2000.
- Киселев С. Г. Геоцивилизации, глобализация и регионализация // Век глобализации. 2024. № 4(52). С. 158–168.
- Киссинджер Г. О Китае. М. : АСТ, 2020.
- Махаматов Т. М., Махаматов Т. Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации // Век глобализации. 2020. № 1(33). С. 83–92.
- Саенкова Е. П. Цивилизационный статус Кавказа: обзор современных подходов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 50–55.
- Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М. : ТД Алгоритм, 2016.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, Астрель, 2011.
- Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 30–34.
- Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2006.
- Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1 (49). С. 3–21.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Лукашина Е. В., Лукашин А. В.**

В статье рассматривается проблема выстраивания межрелигиозного диалога в системе современных международных отношений. На основе изучения нормативно-правовых актов Российской Федерации (законов, указов, концепций), резолюций ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций авторы анализируют роль межрелигиозного диалога в России и в современном глобальном мире. В статье приводятся трактовка и типология понятия «межрелигиозный диалог», рассматриваются позиции отечественных и зарубежных исследователей относительно эффективности реализации межрелигиозного диалога. На основе данных социологических исследований показана динамика религиозности населения в России и западных странах. На примере деятельности Международного общественного форума (МОФ) «Диалог цивилизаций» рассматривается участие неправительственных организаций и экспертных сообществ в выстраивании межрелигиозного диалога. Отмечается, что в условиях геополитической напряженности межрелигиозный диалог в комплексе с другими мерами может способствовать преодолению экстремизма и международного терроризма, сохранению политической стабильности и упрочению мира.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, религиозность, международные отношения, межкультурная коммуникация, ООН, ЮНЕСКО.

* **Для цитирования:** Лукашина Е. В., Лукашин А. В. Межрелигиозный диалог в системе современных международных отношений // Век глобализации. 2025. № 2. С. 138–148. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.12.

For citation: Lukashina E. V., Lukashin A. V. Interreligious Dialogue in the System of Modern International Relations // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 138–148. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.12 (in Russian).

** Лукашина Елена Валериевна – преподаватель кафедры глобальных социальных процессов и работы с молодежью факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: lbzrkv@list.ru.

Elena V. Lukashina – Lecturer at the Department of Global Social Processes and Work with Youth of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: lbzrkv@list.ru.

Лукашин Александр Владимирович – к. и. н., заместитель начальника отдела использования документов Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: alexlukashin@mail.ru.

Alexander V. Lukashin – Ph.D. in History, Deputy Head of the Department for the Use of Documents of the Russian State Archive of Social and Political History. E-mail: alexlukashin@mail.ru.

INTERRELIGIOUS DIALOGUE IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

The article examines the problem of building interreligious dialogue in the system of modern international relations. Based on the study of normative legal acts of the Russian Federation (laws, decrees, concepts), resolutions of the United Nations, UNESCO and other international organizations, the authors analyze the role of interreligious dialogue in Russia and in the modern global world. The article provides an interpretation and typology of the concept of “interreligious dialogue”, examines the positions of domestic and foreign researchers regarding the effectiveness of the implementation of interreligious dialogue. Based on the data of sociological research, the author analyzes the dynamics of the religiosity of the population in Russia and Western countries. Using the example of the International Public Forum (IOF) “Dialogue of Civilizations”, the participation of non-governmental organizations and expert communities in building interreligious dialogue is considered. It is noted that in conditions of geopolitical tension, interreligious dialogue, combined with other measures, can contribute to overcoming extremism and international terrorism, preserving political stability and consolidating peace.

Keywords: *interreligious dialogue, religiosity, international relations, intercultural communication, UN, UNESCO.*

В современном глобальном мире поддерживается идея построения равноправного, инклюзивного и устойчивого мира с учетом культурного разнообразия как источника силы и трансформации человечества. В послании заместителя Генерального директора по социальным и гуманитарным наукам ЮНЕСКО Габриэлы Рамос, размещенном на электронной платформе ЮНЕСКО по межкультурному диалогу, отмечено, что коммуникация между культурами становится важным инструментом решения глобальных проблем, таких как неравенство, дискриминация, гендерное насилие, и что межкультурный диалог является эффективным механизмом для поиска решений глобальных проблем [Message...].

В современных международных отношениях межкультурный диалог предлагается понимать как преобразующую форму общения, способную усиливать связи и доверие во всех слоях общества. Основанный на взаимном уважении и готовности рассматривать различные точки зрения, он становится эффективным инструментом для поощрения толерантности, принятия разнообразия и более высокой готовности к сотрудничеству.

ЮНЕСКО преследует цель нахождения точек соприкосновения для совершенно разных групп в рамках современных геополитических условий. Важный элемент межкультурной коммуникации – выстраивание межрелигиозного диалога. Особенностью данной деятельности является, с одной стороны, знакомство с культурой и ценностями других стран и народов, а с другой – поддержание своей идентичности и религиозных предпочтений. Религия все больше инкорпорируется в повседневную жизнь людей и в то же время становится важным инструментом культурной дипломатии в системе международных отношений.

Основными религиозными субъектами мировой политики и международных отношений в наши дни следует считать не государства, а многочисленные транснациональные религиозные организации. Среди них:

- Римско-католическая церковь (Ватикан);
- Всемирный совет церквей (Женева, Швейцария);
- Организация исламского сотрудничества (Джидда, Саудовская Аравия);
- Всемирное братство буддистов (Бангкок, Таиланд);
- Межпарламентская ассамблея православия (Афины, Греция);
- Англиканская (в США епископальная) церковь (Кентербери, Англия).

В России, являющейся многонациональной и многоконфессиональной страной, поддержание межкультурного диалога и религиозного многообразия является важным направлением внутренней политики и зафиксировано в официальных государственных документах. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» на законодательном уровне закрепил понятие «традиционных ценностей», определив их как «основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Одной из задач государственной политики в данной сфере была определена «поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям» [Указ... 2022].

На государственном уровне предпринимаются попытки создания условий для реализации духовно-нравственного потенциала молодежи. Реализуется ряд государственных и федеральных целевых программ:

- Национальный проект «Культура» разработан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован в соответствии с указом от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», его реализация началась 1 января 2019 г. [Национальный...];
- Федеральный проект «Патриотическое воспитание» (2021–2024 гг.) направлен на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В рамках проекта ведется работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности [Федеральный проект «Патриотическое...»];
- Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»)» (2022–2024 гг.) направлен на создание условий для эффективной самореализации молодежи, в том числе развитие инфраструктуры. В рамках проекта предусмотрены мероприятия для повышения охвата молодежными проектами и

программами и информирования молодежи о возможностях, механизмах и путях ее самореализации в России [Федеральный проект «Развитие...»].

Религиозное сознание с его ориентацией на абсолютные истины консервативно по своей природе. Религиозный культ основан на ритуалах, то есть на строго регламентированных совокупностях стереотипных, клишированных действий. Религиозные нормы являются частью морального кодекса современной цивилизации. Ими настолько пронизан ментальный мир человека, что он повинуетея им, зачастую даже этого не осознавая. Религия является на сегодняшний день фактором тех процессов, в которых относительная стабильность морального кодекса цивилизации начинает конфликтовать с высокой подвижностью и нестабильностью прагматических интересов ее развития. Одно из ярких проявлений факторности религии в политической жизни современных развитых обществ состоит в том, что она позволяет динамично развивающимся социально-политическим системам избегать перекоса в сторону сугубо прагматических интересов и мотиваций развития и тем стабилизирует динамику политического процесса [Шестакова 2016].

Как отмечает М. М. Мчедлова, современность изменяет традиционные смыслы и формы религии, а религиозный фактор меняет традиционные теоретические конструкции и политические конфигурации: религия в новых и множественных формах пронизывает социальную реальность, размывая традиционные политические константы и заставляя размышлять об алгоритмах свершения социально-политического процесса, о смысложизненных и ценностных императивах и потребностях [Мчедлова 2020: 546].

В ряде западных стран, в которых ранее были сильны религиозные традиции, в последние годы отмечается снижение роли религии в жизни граждан. Так, согласно исследованию Pew Research Center, проведенному в марте 2024 г., 80 % жителей США считают, что роль религии в жизни американцев сокращается (самый высокий процент за всю историю проводимых опросов). При этом 49 % респондентов негативно оценивают данную тенденцию [8 in 10... 2024] (Рис. 1).

В странах Европейского союза за последние годы также отмечается незначительное снижение влияния религии. Согласно опросу «Евробарометра», в октябре 2010 г. 77 % респондентов из стран ЕС называли себя верующими (51 % говорили, что верят в Бога, 26 % верили в существование «какого-либо духа или жизненной силы») [Eurobarometer 2010]. По итогам опроса «Евробарометра» в октябре 2019 г. верующими назвали себя 70 % опрошенных жителей стран Евросоюза, 17 % – агностиками, 10 % – атеистами [Special... 2019].

Примечательно, что в России за последние 30 лет, напротив, отмечается повышение роли религии в жизни граждан. Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенному в июле 2023 г. среди граждан РФ в возрасте от 18 лет (1600 опрошенных), 15 % назвали религию очень важной для себя (в 1993 г. – 6 %). В общей сложности доля россиян, для кого религия важна, составляет теперь 40 % (в 1993 г. – 28 %) [Религия... 2023] (Рис. 2).

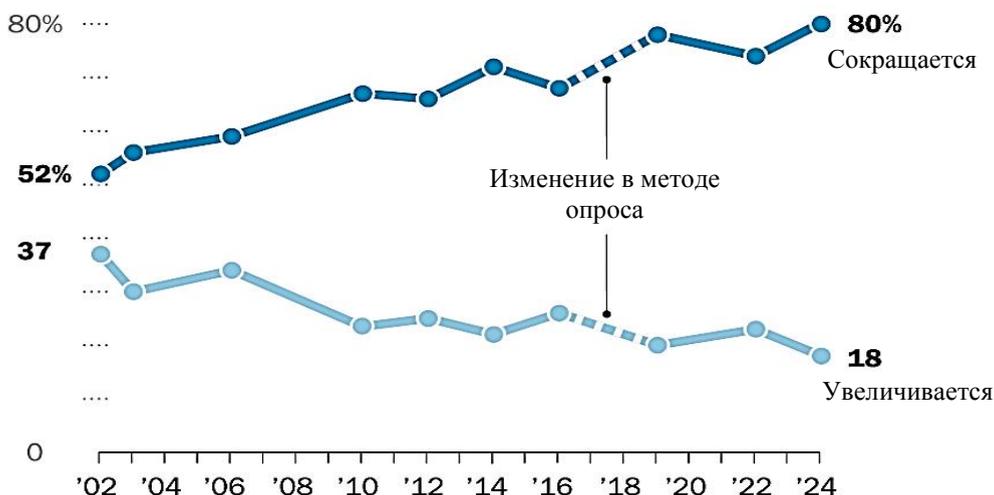

Рис. 1. Влияние религии на жизнь жителей США
(опрос Pew Research Center, март 2024 г., среди населения старше 18 лет)

Источник: Pew Research Center.

Какую роль в Вашей жизни играет религия?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	1993	2023
Очень важную	6	15
Довольно важную	22	25
Не слишком важную	26	29
Не играет никакой роли	35	28
Затрудняюсь ответить	11	3

Рис. 2. Какую роль играет религия в жизни россиян. Сравнение опросов 1993 и 2023 гг.
(Опрос ВЦИОМ, июль 2023 г., среди населения старше 18 лет)

Религиозные традиции в эпоху глобализации испытывают значительные трансформации, в связи с чем возникает вопрос о том, насколько стабильны и долговременны их содержательные характеристики. В настоящее время обычаи и обряды – ведущие элементы традиционной культуры – в современном социуме трансформируются в условиях глобализации и информатизации. Трансляция

идей, ценностей, смыслов и прочих элементов культуры стала осуществляться по иным каналам [Astapov 2017].

В рамках процесса глобализации активно развиваются межкультурные коммуникации и международное гуманитарное сотрудничество. Религиозные идеи, традиционные ценности, государственные нормы и толерантное отношение становятся важной частью социокультурного наследия религии, которое оказывает существенное влияние на общество. Развиваются процессы как взаимопроникновения и взаимообогащения разных культур, так и их конфронтации, нередко принимающие острый характер. Это порождает новые проблемы, которые имеют прямое отношение к практике образования и воспитания [Вульфсон 2011: 121].

Особое внимание следует уделить феномену «диалог» как способу выстраивания коммуникации между участниками процесса. Ввиду того, что в условиях глобализации молодежь получает возможность развивать международную академическую мобильность и в том числе обучаться в смешанных группах (где участвуют представители разных государств, конфессий, национальностей), то выстраивание диалога – это необходимое условие для эффективного образовательного процесса. Положительным моментом такого обучения становится возможность знакомства с другими конфессиональными группами и религиозными нормами.

Межрелигиозный (межконфессиональный) диалог, как и диалог политический – это широкое понятие, включающее в себя разнообразные формы общения, взаимодействия различных религиозных сообществ. Речь идет не только о дискуссиях и переговорах. Такой диалог вбирает в себя многие формы консультаций и соглашений, не исключает координации действий по конкретным вопросам. Целью межрелигиозного диалога является преодоление конфронтации, обеспечение мирного сосуществования религий и религиозных объединений, а в идеале – организация сотрудничества по различным вопросам, волнующим общество. Конечная задача развития межрелигиозного диалога – это обеспечение международной безопасности, формирование культуры мира и ненасилия.

В актуальном общественно-научном дискурсе не существует единого мнения относительно эффективности межрелигиозного диалога. По мнению Т. Мерригана, понятие межрелигиозного диалога является самым неясным термином в лексиконе, описывающем существование религий в современном глобализованном и плюралистичном мире [The Past... 2017: 2]. М. Моейрт отмечает, что формы межрелигиозного диалога могут находиться в спектре «от контактов, сфокусированных на обсуждении конкретных локальных, национальных или этических проблем (глобальное потепление, права человека и т. д.), до встреч верующих в рамках практики “Размышления над Писанием” (Scriptural Reasoning), в которой иудеи, христиане и мусульмане читают Священные Писания друг друга; от личных бесед до международных конференций с сотнями участников; от непреднамеренных встреч между верующими, живущими в одном и том же районе, до коллоквиумов специалистов, которые планируются задолго заранее» [Moeyaert 2013].

В основной своей массе исследователи полагают, что диалог между религиями, являясь неотъемлемой частью стремительно развивающегося мира, не только

возможен, но и необходим. Однако немало существует и противников межрелигиозного диалога. Так, У. Макбрайд рассматривает религии как «возможные тупики – окончательные и неустранимые препятствия, которые останутся даже после того, как будут убраны все прочие препятствия на пути к межкультурному диалогу» [Макбрайд 2003]. Он объясняет свою точку зрения тем, что существуют очень малые различия в вопросе, как именно двое верующих понимают свою религию и что именно она для них означает. Г. А. Абрамян считает, что оптимистические прогнозы исследователей на выявление в диалоге религий общих принципов и, тем более, нравственных кодексов не оправданы. По его мнению, современный диалог культур не сводится к диалогу религий, более того, наиболее продуктивным является рациональный диалог, проводимый на общечеловеческом рационально-логическом языке, а не на языке всегда локальной веры [Абрамян 2005: 11].

Межрелигиозный диалог прошел длинный путь становления и утверждения, и существовавшие в древнее время диалоги принципиально отличаются от современных. Выделяют два типа межрелигиозных диалогов:

- 1) классический;
- 2) современный.

Под классическим диалогом можно понимать существовавшую до XIX в. историю взаимоотношения между религиями, то есть историю их связей и конфликтов, историю представлений и знаний друг о друге.

Современный межрелигиозный диалог понимается уже как сознательная установка, как некий императив, требующий концептуальной разработки и институционального оформления. Он приобретает системный характер, и начиная с XIX в. в связи с ростом новых религиозных течений главной целью диалога является уже не прозелитизм (стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру), а собственная адаптация к иным религиям, признание их нового религиозного статуса [Асланова 2010].

Современный диалог подразделяется на три разновидности:

- Межрелигиозный.

Диалог, проходящий между представителями различных религий.

- Межконфессиональный.

Диалог, призванный решать спорные моменты между различными религиозными течениями внутри одной религии (например, вопрос о канонических территориях). К такому диалогу относятся собеседования православных церквей с нехалкидонскими церквями, прежде всего с Армянской апостольской.

- Секулярный.

Включает в себя научную элиту, религиоведов, социологов, политологов, представителей международных и государственных организаций. Такой диалог посвящен проблемам изучения религий и их истории, закономерностям развития, выработке методологии религиоведческого исследования, законам функционирования и взаимодействия.

В этой связи важным направлением современного высшего образования становится поликультурное воспитание и межкультурный диалог в студенческой среде. Приобщение молодежи к изучению многогранности культурного мира на

основе равноценности и равноправия всех этнических групп, принятия верований других, в том числе адекватное восприятие религии, способствует развитию у молодежи таких ценностей, как «терпимость к различным идеям и верованиям», «восприятие красоты природы и искусства», «эмоциональное и духовное постижение» (наименование ценностей приведено по ценностному опроснику Ш. Шварца) [Schwartz 1992].

Общество и образование закономерно реагируют на меняющиеся условия существования мировых религий и соответствующим образом расставляют акценты. Религия является системой мировоззрения в целом, и религиозные объединения в частности признаются на сегодняшний день одним из важнейших субъектов мировой политики, что отражается в некоторых программных документах международных форумов и симпозиумов. К концу 2001 г. ООН приняла резолюцию «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» [Глобальная...], которая стала началом существования Международного общественного форума (МОФ) «Диалог цивилизаций».

В 2002 г. представителями общественных сил России, Индии и Греции была создана единая международная программа. На сегодняшний день этот международный общественный институт объединяет в единое сетевое сообщество ученых, интеллектуалов, политиков, бизнесменов, деятелей искусства и культуры. Налажены рабочие отношения со многими неправительственными и межгосударственными организациями. В основу деятельности форума положен принцип «диалога цивилизаций». Согласно Родосской декларации-2009, религии способны играть особо важную роль в выделении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо человечества и противопоставляя их обществу, пронизанному лишь стремлением к обогащению и потреблению [Этика... 2009].

В рамках Международного общественного форума (МОФ) «Диалог цивилизаций» обсуждались вопросы образования и инноваций как фундамента для устойчивого развития, роль мировых религий в укреплении духовных и гуманистических ценностей, вклад молодежи в развитие диалога за мир и справедливость, модели личностной идентификации молодежи, роль гражданского общества в решении проблем трансграничной человеческой мобильности, потенциал межкультурного диалога, основанного на взаимной адаптации культурных традиций и признании национально-культурных особенностей как инструменте разрешения мировых конфликтов [О сессии...]. Данный форум работает с сетевой структурой неправительственных организаций, а также сотрудничает с ООН, ЮНЕСКО, Советом Европы, ОПЕК и др.

В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Борьба против диффамации религий». В рамках данного документа диффамация религий определяется как проявление нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, как формирование негативного стереотипного образа религий. ООН призвала государства «принять решительные меры с целью запрета распространения через политические учреждения и организации расистских и ксенофобских идей и материалов, направленных против любой религии и ее последователей и

представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию» [Резолюция...]. Несмотря на усилия ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций, следует признать, что разностороннего и постоянно функционирующего межконфессионального общения, особенно на уровне лидеров, не происходит. Одна из причин здесь заключается в том, что руководители центров «традиционных» религий не стремятся включать в этот диалог представителей других религиозных объединений.

В связи с этим возникает необходимость выстраивания взаимоотношений на приоритетах культурного и религиозного плюрализма. В современном глобальном мире религиозный плюрализм признается важной ценностью. Это значит, что ни одна религия не может рассматривать себя как доминирующую вероучительную систему и любой из них необходимо выстраивать диалоговые взаимоотношения с другими религиями, культурами и верованиями [Сиверцев 2003].

Это положение актуализировано в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666), в которой в числе вызовов, стоящих перед Россией в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, названа «частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации» [Стратегия... 2012]. Среди мер, направленных на укрепление гражданского единства, сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия страны, в Стратегии отмечены «развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, включающих объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации». Отдельное внимание в Стратегии уделяется проблемам работы с подрастающим поколением, отмечена необходимость в организации посещения детьми и молодежью объектов исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, памятных мест, городов-героев и городов воинской славы.

Следует отметить, что на сегодняшний день религия задает паттерны поведения как государственных, так и транснациональных игроков. При этом ни одно государство мира (за исключением Королевства Саудовской Аравии и Исламской Республики Иран) не провозглашает религию в качестве руководящего принципа во внутренней и внешней политике [Чикризова, Лашхия 2022: 112]. В контексте глобальной политики религия используется в целях оправдания весьма различных линий внешнеполитической активности. В международных отношениях она является обоюдоострым оружием, способным принести выгоды любому актору, так как одно государство в состоянии прибегнуть к ней в противостоянии с другим государством, но второе тоже может использовать религию против первого [Демченко 2020].

В условиях обострения этноконфессиональных противоречий и геополитической турбулентности большое значение приобретает межрелигиозный диалог, который в комплексе с другими мерами может способствовать преодолению экстремизма и международного терроризма, сохранению политической стабильности и упрочению мира.

Литература

Абрамян Г. А. Противостояние Запад – Восток как главная цивилизационная ось современности (методологически-мировоззренческий аспект) // Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре. Материалы V Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2005.

Асланова И. Ш. Диалог как форма межрелигиозного общения [Электронный ресурс] : Credo New. 2010. № 2. URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/-2-2010/6311-dialog-kak-forma-mezhreligioznogo-obshheniya.html?ysclid=m63txixz91675042366 (дата обращения: 09.01.2025).

Вульфсон Б. Л. Сравнительная педагогика: актуальные вопросы теории и методологии // Образование и педагогическая наука за рубежом. 2011. № 1. С. 117–130.

Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. Принята резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи от 9 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml (дата обращения: 8.01.2025).

Демченко Д. А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2020.

Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 80–87.

Мчедлова М. М. Религия в политических конструкциях современности: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 541–546.

Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 05.11.2024).

О сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» 2009 года (Справочная информация Министерства иностранных дел Российской Федерации) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/rossia-v-sisteme-mezkonnfessional-nyh-otnosenij/1687805/ (дата обращения: 08.01.2025).

Резолюция Совета по правам человека ООН 7/19 «Борьба против диффамации религий» [Электронный ресурс]. URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_19.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

Религия и общество: мониторинг. За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла [Электронный ресурс] : ВЦИОМ. 2023. 27 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 10.01.2025 г.).

Сиверцев М. Межрелигиозный диалог в эпоху глобализма // Россия и мусульманский мир. 2003. № 2. С. 142–157.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.06.2024).

Чикризова О. С., Лашхия Ю. В. Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1(323). С. 109–120.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.11.2024).

Федеральный проект «Патриотическое воспитание» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 05.11.2024).

Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи (“Молодежь России”»)» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/young/> (дата обращения: 05.11.2024).

Шестакова А. Г. Религиозный фактор в мировой политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2016. № 1. С. 101–105.

Этика поможет экономике выйти из кризиса – Родосская декларация-2009 [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2009. 11 октября. URL: <https://ria.ru/20091011/188417516.html?ysclid=m63kjd3lk616213931> (дата обращения: 08.01.2025).

8 in 10 Americans Say Religion is Losing Influence in Public Life [Электронный ресурс] : Pew Research Center. 2024. March 15. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2024/03/15/8-in-10-americans-say-religion-is-losing-influence-in-public-life/> (дата обращения: 10.01.2025).

Astapov S. N. Religious Traditions in Modern Russia: Adaptation Approaches to Sociocultural Transformations // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. No. 3(11). Pp. 13–19.

Eurobarometer 73.1. Report. Biotechnology. October 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20101215001129/http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_341_en.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Message from Gabriela RAMOS, Assistant Director-General for Social and Human Sciences of UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/intercultural/dialogue/en> (дата обращения 08.01.2025).

Moyaert M. Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations / ed. by D. Cheetham, D. Pratt, M. Thomas. Oxford : Oxford University Press, 2013. Pp. 193–217.

Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by M. Zanna. Vol. 25. New York : Academic Press, 1992.

Special Eurobarometer Report 493. Discrimination in the European Union. October 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.egalite.org/en/Discrimination-in-the-eu-the-never-ending-story-eurobarometer-2019/> (дата обращения: 10.01.2025).

The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue / ed. by T. Merigan, J. Friday. Oxford : Oxford University Press, 2017.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИСТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НООСФЕРЫ С АТАСФЕРОЙ*

Губанов Н. Н., Черемных Л. Г.**

Цель статьи – раскрыть значение возникающего в обществе менталитета нового типа – глобалистского менталитета – для повышения действия ноосферы и снижения действия атасферы. Обосновано положение о том, что в обществе одно из основных противоречий – противоречие между ноосферой и атасферой. Глобалистский менталитет трактуется как ментальный ответ общества на вызов истории в лице глобальных проблем современности и возникающие общепланетные риски. Выявлены возможности этого менталитета детерминировать единые для различных социальных общностей формы восприятия и стили поведения, что послужит условием отсутствия конфликтов и столкновения цивилизаций. Показано, что идея о зарождении общечеловеческого менталитета принадлежит В. И. Вернадскому, а требуемую для общечеловеческой солидарности и избежания военных конфликтов необходимость отказа от принципа консолидации сообществ «образ общего врага» и перехода к принципу «образ общего дела» обосновал также отечественный ученый А. П. Назаретян. С учетом этого и миролюбивой политики России сделано заключение, что мессианская роль в сплочении человечества, преодолении глобального кризиса и сохранении мировой цивилизации принадлежит России. Сделан прогноз дальнейших ментальных изменений в обществе.

Ключевые слова: ноосфера, атасфера, менталитет, глобалистский менталитет, глобальная этика.

* **Для цитирования:** Губанов Н. Н., Черемных Л. Г. Влияние глобалистского менталитета на взаимодействие ноосферы с атасферой // Век глобализации. 2025. № 2. С. 149–157. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.13.

For citation: Gubanov N. N., Cheremnykh L. G. The Influence of the Globalist Mentality on Interaction of the Noosphere with Atasphere // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 149–157. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.13 (in Russian).

** Губанов Николай Николаевич – д. филос. н., профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. E-mail: gubanovnn@mail.ru.

Nikolay N. Gubanov – Dr. Phil., Professor of Department of Humanities, Finance University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Philosophy of Bauman Moscow State Technical University. E-mail: gubanovnn@mail.ru.

Черемных Лариса Георгиевна – к. филос. н., заведующая кафедрой философии Тюменского государственного медицинского университета. E-mail: evalex595@yandex.ru.

Larisa G. Cheremnykh – Ph.D., Head of the Department of Philosophy and History of the Tyumen State Medical University. E-mail: evalex595@yandex.ru.

THE INFLUENCE OF THE GLOBALIST MENTALITY ON INTERACTION OF THE NOOSPHERE WITH ATASPHERE

The purpose of the article is to reveal the significance of a new type of mentality emerging in society – the globalist mentality – increasing the effect of the noosphere and reducing the effect of the atasphere. It is substantiated that one of the main contradictions in society is the one between the noosphere and the atasphere. The globalist mentality is interpreted as society's mental response to the challenge of history in the face of global problems of our time and emerging planetary risks. The possibilities of this mentality determining universal forms of perception and styles of behavior for various social communities, which will serve as a condition for the absence of conflicts and clashes of civilizations, have been identified. It is shown that the idea of the emergence of a universal mentality belongs to V. I. Vernadsky, and the need to abandon the principle of community consolidation “the image of a common enemy”, and the transition to the principle of the “image of a common cause”, required for universal human solidarity and the avoidance of military conflicts, was also argued by the domestic scientist A. P. Nazaretyan. Taking this into account as well as Russia's peace-loving policy, it was concluded that the messianic role in uniting humanity, overcoming the global crisis and preserving world civilization belongs to Russia. Further mental changes in society are predicted.

Keywords: *noosphere, atasphere, mentality, globalist mentality, global ethics.*

На протяжении всей истории философии – и культуры вообще – имела место идея о взаимодействии в мире двух противоположностей, влияющем на его существование и развитие. В китайской философии это была противоположность между *ян* и *инь*. У Эмпедокла данная противоположность выражалась как борьба периодически доминирующих *Любви* и *Вражды*. В христианской и мусульманской философии мировая противоположность представлена борьбой *Бога*, воплощающего *Добро*, и *Сатаны (Шайтана)*, воплощающего *Зло*. Французские ученые П. Тейяр де Шарден и Э. Ле Руа ввели в научную и философскую литературу термин «ноосфера» [Тейяр де Шарден 1987]. В их понимании ноосфера была представлена как облекающая Землю идеальная мыслящая оболочка, зародившаяся в третичном периоде и разворачивающаяся после этого свыше мира растений и животных, то есть над биосферой. Но сфера разума не обладает самостоятельным существованием, ее бытие представлено в действиях людей, их отношениях и сознании. Отечественный ученый В. И. Вернадский, освободившись от толкования ноосферы как самостоятельно существующей мыслящей оболочки, далее разработал учение о ноосфере и наполнил понятие ноосферы конкретным содержанием. Под ноосферой он понимал новую, высшую стадию развития биосферы, специфика которой обусловлена возникновением и функционированием человеческого разума. Последний познает законы природы, создает и совершенствует технику, оказывает все более значительное воздействие на планетарные процессы, а в будущем – и на околоземное пространство, существенно изменяя ее своим воздействием [Вернадский 1977]. «Истолкование взглядов В. И. Вернадского позволяет считать, что ноосфера – это область разумной, отвечающей потребностям всего общества сферы деятельности в противоположность вражде народов, стихийному и хищническому отношению к природе» [Губанов Н. Н., Губанов Н. И.

2022: 5]. Ноосферная деятельность направлена на установление гармонии в отношениях между людьми, странами и народами. Ноосфера – это разумные, выгодные для всех отношения между обществом и природой, между людьми, между их группами, странами и регионами. Такой трактовки придерживается ряд отечественных ученых и философов. Разделяем ее и мы.

Ноосферная деятельность по своей природе конструктивна, ее результатом служат солидарные межличностные и межгрупповые отношения, а также гармоничные отношения между социумом и природой. Однако, согласно Ф. А. Селиванову, «на планете живут не только разум, истина, добро, красота, но и их антиподы: глупость, ложь и заблуждения, зло (и его крайняя форма – злодейство, безобразное, безумное)» [Селиванов 2011: 87–88]. Необходимо «выделить сферу глупости, безумия, зла, то есть атасферу» [Там же: 88]. «Наименование “атасфера” взято Ф. А. Селивановым от имени Аты, дочери Зевса – богини безумия и заблуждения, которая помрачает разум смертных и богов, несет людям разные беды. Матерью Аты, по Гесиоду, была богиня раздора Эрида» [Губанов Н. Н., Губанов Н. И. 2022: 5]. «На Земле есть не одна, а две противоположные сферы – ноосфера и атасфера... Они взаимодействуют, пытаются вытеснить друг друга... Атасфера вездесуща, претендует на всеобъемлемость; она активна... Из-за атасферы гибнут люди и природа, из-за нее люди впадают в крайности... впадают в фанатизм и ослепление» [Селиванов 2011: 88].

Отмеченное выше позволяет выдвинуть предположение о том, что в обществе основные и взаимодействующие друг с другом противоположности представлены атасферой и ноосферой. Поэтому важная задача общества – ослабление атасферы и усиление ноосферы. Проявление активности и атасферы, и ноосферы происходит посредством человеческой деятельности. Ноосфера проявляется в форме культуры с составляющими ее ценностями, а атасфера – в форме антикультуры с совокупностью антиценностей. Направленность деятельности детерминирована менталитетом людей. В статье мы покажем значение зародившегося в обществе нового менталитета для ослабления атасферы и усиления ноосферы.

Новый менталитет мы называем глобалистским, или общецивилизационным, поскольку он является ментальным ответом современного социума на вызов истории, представленный глобальными проблемами и связанными с ними угрозами существованию человечества. Менталитет представляет собой «возникшую на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций» [Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2013: 24].

Глобалистский менталитет отличается от уже имеющихся менталитетов важными особенностями. К концу XX века наибольшее число людей имели народные (этнические), общегосударственные (национальные) и межнациональные (региональные) менталитеты. «Бывшие ранее коллективные менталитеты содержали в себе те социально-психологические особенности, которыми обладали все члены данной общности и которыми они отличались от других общностей. В каждой

группе эти менталитеты обуславливали особенные способы мышления, восприятия действительности, деятельности, поведения. Их функция состояла в обеспечении самовоспроизводства групп и защите их интересов» [Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2017: 136–137]. Это осуществлялось путем межпоколенческой трансляции соответствующих ценностных установок. В таких условиях ценностные установки различных социальных групп были способны противостоять друг другу, что было источником конфликтов.

В отличие от существовавших групповых менталитетов возникающий общецивилизационный менталитет способен детерминировать единые для различных социальных общностей формы восприятия и стили поведения, что послужит условием отсутствия конфликтов. В глобалистский менталитет войдет множество социально-психологических качеств, которые станут общими у членов различных социальных общностей – конфессиональных, профессиональных, региональных, национальных, этнических. Это позволит обществу достичь высокой степени солидарности, что необходимо для решения глобальных проблем современности и сохранения земной цивилизации.

Возникающий глобалистский менталитет имеет интернациональный состав: он представлен наиболее передовыми людьми, относящимися к разным этносам и нациям. По своему составу глобалистский менталитет будет полиэтническим и полинациональным. Благодаря этому менталитету может обеспечиваться единство и непрерывность существования не каких-то социальных групп, а всей земной цивилизации. Общецивилизационный менталитет послужит ментальной основой, требуемой для консолидации общества и выработки мер по решению глобальных проблем. Этот менталитет будет способствовать установлению справедливых отношений между странами и народами, а также гармоничных отношений между социумом и природной средой. В настоящее время имеется вероятность возникновения конфликтов между культурно-цивилизационными системами на основе различия в их ментальных установках. Если глобалистский менталитет охватит преобладающую часть населения планеты, то возможность таких конфликтов будет устранена.

Идею о возникновении общецивилизационного менталитета впервые высказал В. И. Вернадский. Согласно ему, главный компонент такого менталитета – чувство общечеловеческой, или планетарной, идентичности: «Человек впервые реально понял, что он житель Планеты. Он может и должен мыслить не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте» [Вернадский 1977: 24]. «Другими компонентами глобалистского менталитета становятся такие качества личности, как нетерпимость к насилию, любовь к справедливости, бережное отношение к природе, приверженность нормам разумного, или умеренного, потребления материальных благ» [Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2011: 54–55]. При своем функционировании глобалистский менталитет повышает действенность ноосферы и снижает активность атасферы. В связи с этим его можно называть ноосферным менталитетом. Таким образом, термины *глобалистский менталитет*, *общецивилизационный менталитет*, *ноосферный менталитет* мы будем использовать как синонимы.

Идея глобалистского менталитета находится в одной концептуальной связке с идеями глобальной культуры и глобальной (планетарной) этики. Понятие глоба-

листского менталитета обладает тем же объемом, что и категория глобальной культуры, но бóльшим объемом в сравнении с категорией глобальной этики, поскольку этика входит в состав культуры как ее часть. В. А. Лекторский отмечает: «Наряду с традиционными национальными культурами складывается глобальная культура. Но это культура особого типа... Новая глобальная культура – в каком-то смысле надстройка над культурами традиционными, но она не может не взаимодействовать с теми культурами, которые существуют» [Лекторский 2011: 6]. В общецивилизационном менталитете в личностной форме представлена глобальная культура.

А. Н. Нысанбаев пишет: «Глобализующемуся миру должны отвечать глобальные принципы. Если это будет глобальный эгоизм, человечество на планете Земля ждет крах. Следовательно, глобальному эгоизму необходимо противопоставить общечеловеческую духовность, или новую глобальную этику» [Нысанбаев 2017: 14]. Нам представляется, что глобальная этика войдет в общецивилизационный менталитет как его нравственная часть.

Для США и стран Западной Европы характерен государственный эгоизм, который они постоянно проявляют при развязывании войн в Сербии, Афганистане, Сирии, Ливии, Ираке, Грузии, Украине с целью установления там марионеточных режимов для достижения своих незаконных политических и экономических целей. Такой эгоизм не будет присущ глобалистскому менталитету.

После перевода западными странами значительной части своей промышленности в страны с дешевой рабочей силой многие страны третьего мира стали развиваться более быстрыми темпами. «Процесс западной деиндустриализации привел к сокращению разрыва между развивающимися и развитыми странами... именно потому, что глобализация стала более выгодна развивающимся экономикам, чем западным странам, США стали тормозить этот процесс» [Гринин 2023: 107]. Это привело к заметной деглобализации. Распространение на планете глобалистского менталитета будет способствовать наступлению нового этапа глобализации.

К наиболее негативным атасферным компонентам западного менталитета относятся чрезмерная потребительская интенция, неумемное стремление менять автомобили, бытовую технику, айфоны и т. п. Это приводит к истощению ресурсов планеты и углублению экологического кризиса. Самый опасный элемент атасферы – использование правительствами западных держав безнаказанного вооруженного насилия, в том числе непостижимых с точки зрения разума «гуманитарных бомбардировок».

А. Н. Чумаков пишет: «...хотя мировое сообщество уже фактически и стало под влиянием процессов глобализации единой целостной системой, тем не менее оно еще не обрело соответствующих механизмов управления, адекватных этой целостности» [Чумаков 2013: 36]. По его мнению, создание глобальной системы управления – одна из важнейших задач общества. Без нее может возникнуть состояние войны «всех против всех». «Только теперь, когда глобализация привела человечество к целостной системе, во всеобщее противоборство оказались вовлечены уже не отдельные люди и коллективы, а национальные государства и другие субъекты международных отношений» [Там же: 38]. Условием результативного общепланетарного управления является принятие различными культурно-циви-

зационными системами определенного множества общих ценностей. Это множество ценностей должно быть закреплено в праве. В. Д. Зорькин пишет, «что процессы глобализации уже ставят в повестку дня необходимость формирования глобального правопорядка, глобального права, а значит, и глобального правопонимания» [Зорькин 2018: 12]. Это правопонимание войдет в состав общецивилизационного менталитета как его существенная часть.

Общественные отношения делятся на два типа: конфликтные и солидарные. Первые из них относятся к атасфере, они ослабляют общество, а становясь чрезмерными, начинают угрожать существованию данного социума. Солидарные отношения, относящиеся к ноосфере, напротив, укрепляют социум. Они создают состояние ментального согласия двух и более социальных акторов, при котором формируется общий интерес и стремление индивидуальных и групповых акторов к общей цели.

В условиях обострения глобальных проблем отношения между солидарностью и конфликтностью становятся решающими для сохранения и дальнейшей эволюции общества. Следует признать, что главная форма солидарности – общечеловеческая солидарность. Пока она еще установилась. Но решение глобальных проблем без нее невозможно. Достижение такой солидарности возможно на пути формирования глобалистского менталитета.

Покажем далее, почему для сохранения нашей цивилизации требуется доминирование солидарных отношений. Согласно А. П. Назаретяну, основная опасность для общества порождается тем обстоятельством, что в массовом менталитете людей сохраняется матрица *свои-чужие*: «Испокон веков значимым фактором мировосприятия и социальной солидарности оставался образ общего врага. Он относительно ограничивал насилие внутри племени, вожества, государства, конфессии или сословия, перенося агрессию во внешний мир, и вместе с тем обеспечивал вектор смыслообразования» [Назаретян 2018: 106]. Но установка *свои-чужие* вела к возникновению конфликтов и последующих вслед за ними военных столкновений. При высокой степени развития военных технологий существование указанной установки чревато глобальной катастрофой.

Однако человечество может избежать такого исхода. «Социально-психологическими экспериментами... доказано, что имеется альтернативный механизм консолидации и смыслообразования – образ общего дела. Он не предполагает наличие злонамеренного контрагента, но нацеливает на совместную работу по устранению естественного хаоса или последствий собственного недомыслия» [Там же: 106–107]. В XXI в. такое единое для всего населения мира дело представлено необходимостью консолидации социума для разрешения глобальных проблем. Общезивилизационный менталитет благодаря вхождению в него конструктивных сходств взаимодействующих социальных общностей может стимулировать социум к деятельности по выполнению этого неотложного дела.

Вызывает глубокое сожаление то обстоятельство, что правительства западных государств вместо объединения стран с целью решения обостряющихся глобальных проблем прилагают огромные усилия для разжигания вражды на планете, инициируют столкновения государств и истощающую страны гонку вооружений. В отличие от западных стран политика России ставит своей целью развитие взаимовыгодного сотрудничества различных стран. Но правительства западных стран

упорно противодействуют этому. А земная цивилизация при этом «переживает неуклонно углубляющийся глобальный кризис, ведущий, в конечном итоге, к ее деградации и гибели» [Дубровский 2017: 57].

Однако возможность избежать развития по трагическому сценарию имеется. Дело в том, что появление общих проблем приводит к возникновению конструктивных сходств между взаимодействующими различными социальными акторами, в том числе и групповыми. Это означает сближение их ценностных ориентаций и возникновение единой для них цели. Как отмечалось, такая цель в наше время – неотложная социальная потребность в решении глобальных проблем.

Приведем последовательность возможных этапов по устранению ментального конфликта различных сообществ: 1) обнаружение социальными акторами общих опасностей и угроз, а также постановка задач по их устранению; 2) обсуждение ценностной тематики в ходе межсубъектной коммуникации; 3) коррекция ценностных ориентаций у членов социальных общностей в результате целенаправленной деятельности общественных и государственных организаций, особенно образовательных и культурных учреждений, СМИ; 4) достижение консенсуса по вопросу приемлемых для всего общества ценностей. Глобальные проблемы несут значительные угрозы существованию общества. Но наряду с этим их возникновение вызывает ментальное сближение, что является условием их успешного решения. В описанной ситуации проявляется диалектика самоотрицания глобальных проблем.

Отметим далее три важных обстоятельства. Первое из них состоит в том, что идея о необходимости общечеловеческого менталитета для сохранения цивилизации принадлежит, как известно, выдающемуся отечественному ученому В. И. Вернадскому. Второе обстоятельство следующее: положение о возможности избежать планетарной катастрофы в результате перехода от традиционной ментальной матрицы «образ общего врага» к матрице «образ общего дела» и достижения в итоге такого перехода общечеловеческой солидарности обосновал также российский философ А. П. Назаретян – руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. И третье обстоятельство заключается в том, что для России характерна последовательно и неустанно проводимая миролюбивая политика. С учетом этих трех обстоятельств следует сделать вывод о том, что главная роль в консолидации человечества, преодолении глобального кризиса и сохранении мировой цивилизации принадлежит именно России.

В сложившейся ситуации можно усмотреть первый этап реализации прогноза российских философов-славянофилов (К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова), согласно которому России принадлежит мессианская роль в истории человечества. Итог духовного поиска отечественной философии, относящегося к этой роли, А. В. Гулыга сформулировал так: «Русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую философскую культуру. Ее источники: русский исторический опыт, православная религия, немецкая диалектика. Русская идея имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития...» [Гулыга 2003: 32]. В. Д. Зорькин пишет, что «эта русская идея всеобщего спасения трансформируется в признание равного права всех народов и государств на стабильное и безопасное развитие: не право

избранных (так называемого “золотого миллиарда”) на лучшую долю, а равное право всех на то, чтобы достойно войти в будущее» [Зорькин 2019: 12].

К настоящему времени возник ряд общественных организаций, работа которых в значительной мере влияет на становление общецивилизационного менталитета. Можно отметить активную деятельность Будапештского клуба (с 1993 г.), Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (с 2002 г.), Евроазиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН (с 2011 г.). С помощью проводимых мероприятий и выпуска литературы члены этих организаций стремятся формировать у политиков и массовых участников мероприятий чувства планетарной идентичности и общечеловеческой солидарности.

В случае дальнейшего развития позитивных тенденций можно предположить следующий прогноз ментальных изменений: 1) в качестве доминирующего на планете устанавливается ноосферный менталитет, им будет обладать преобладающая часть земного населения; 2) этот менталитет станет ментальной основой для возникновения общецивилизационной солидарности, что позволит избежать конфликтов и военных столкновений; 3) помимо глобалистского в социуме будут существовать региональные менталитеты (исламский, африканский, западноевропейский и др.); 4) в пределах географических регионов будут находиться этнические и национальные (общегосударственные) менталитеты, а те, в свою очередь, будут включать в себя конфессиональные и профессиональные менталитеты; 5) требуемые для стабильного и безопасного функционирования социума элементы различных групповых менталитетов будут включены в состав общецивилизационного менталитета, что приведет к духовному единению человечества. В ходе описанной динамики будет прослеживаться тенденция сближения менталитетов социальных общностей и тенденция становления менталитета глобалистского.

В заключение можно отметить, что менталитет отдельного человека представляет собой сложную систему. Каждому человеку на планете будут присущи несколько групп социально-психологических особенностей – общечеловеческие особенности (относящиеся к глобалистскому менталитету), региональные особенности (например, особенности западноевропейского менталитета), национальные особенности (например, особенности русского менталитета), этнические особенности (например, особенности русского менталитета), а также профессиональные, конфессиональные, гендерные и возрастные особенности. Будет существовать постоянный диалог между лицами, относящимися к разным видам менталитета. Этот диалог будет создавать конструктивную интеллектуальную напряженность в ходе межличностных коммуникаций и условия для возникновения разнообразных инноваций, стимулирующих прогресс общества.

Достижение ценностного консенсуса между различными социальными группами и общностями не может быть итогом стихийного протекания социальных процессов. Для превращения в обществе угроз и опасностей, порождаемых глобальными проблемами, в интегрирующий общество фактор, стимулирующий возникновение ноосферного менталитета, требуется согласованная целенаправленная деятельность образовательных учреждений, политических партий, других общественных организаций, деятелей искусства, религии, науки. Они способны освободить людей, относящихся к различным социальным общностям, от взаимного недоверия, вражды, подозрительности, агрессивности и других атаферных

явлений и привить им ноосферные идеи справедливости, солидарности, взаимопомощи и взаимопомощи.

В наше время творческие усилия философам, психологам, педагогам и другим гуманитариям следует направлять на разработку одной из важных проблем: каким образом должны измениться ментальные особенности населения стран, относящихся к традиционным и техногенным цивилизациям, чтобы возникла общечеловеческая солидарность, наступило торжество ноосферы и в полной мере реализовались идеалы гуманизма. И главную роль в достижении такого состояния общества сыграет Россия.

Литература

- Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1977.
- Гринин Л. Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 2. Возможные сценарии реконфигурации Мир-Системы и мирового порядка // Век глобализации. 2023. № 3. С. 90–115. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.07.
- Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов // Социологические исследования. 2011. № 4(324). С. 51–58.
- Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.
- Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Образование и глобалистский менталитет // Век глобализации. 2017. № 1(21). С. 132–142.
- Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Ноосфера, атасфера и глобалистский менталитет: о мессианской роли России в решении глобальных проблем и спасении мировой цивилизации // Православные истоки славянской письменности и культуры: сб. науч. статей по материалам 44-й Общероссийской научно-практической конференции. Тюмень : Изд-во ТюмГУ-Press, 2022. С. 5–9.
- Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М. : Эксмо, 2003.
- Дубровский Д. И. Главный вопрос проблемы сознания // Философские науки. 2017. № 1. С. 57–70.
- Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.
- Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–12.
- Лекторский В. А. Единство мира и многообразие культур (материалы «круглого стола» украинских и российских философов) // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 6–7.
- Назаретян А. П. Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 99–110.
- Нысанбаев А. Н. Становление глобальной этики взаимопонимания // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 11–19.
- Селиванов Ф. А. Сфера глупости (атасфера) / В. Н. Сагатовский, Ф. А. Селиванов // Бытие и мы. Тюмень : Вектор Бук, 2011. С. 87–90.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987.
- Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ РЕНЕССАНС ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА*

Лопатников Д. Л.**

Детерминизм и индетерминизм в трактовке взаимоотношений общества и природы был и остается одним из дискуссионных вопросов значимости различных факторов глобального развития. Преобладание детерминистских или индетерминистских подходов в оценке характера взаимосвязей человека и природы всегда были тесно связаны с философским мировосприятием в различные исторические эпохи и в различных цивилизационных традициях, а также со сменой преобладающих хозяйственных укладов на карте мира. В начале нынешнего века можно говорить о ренессансе географического детерминизма, который обусловлен прежде всего глобальной алармистской экологизацией массового общественного сознания. В первые десятилетия нынешнего века мейнстримными стали концепции устойчивого развития и зеленой экономики как ответы на экологический запрос общества. Тематика взаимоотношений в системе «природа – общество» вышла на первый план в общественном дискурсе. По мере роста экологических притязаний людей, развития научно-технического прогресса и при переходе к постиндустриальному укладу хозяйства географический детерминизм не отменяется, а возрождается в новом качестве.

Ключевые слова: географический детерминизм, постиндустриализм, экофилософия, природные условия, природные ресурсы, экологическая проблема, устойчивое развитие.

POST-INDUSTRIAL RENAISSANCE OF GEOGRAPHICAL DETERMINISM

Determinism and indeterminism in the interpretation of the relationship between society and nature has been and remains one of the controversial issues of the importance of various factors of social development. The predominance of de-

* Статья подготовлена в рамках темы государственного задания Института географии РАН № АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

Для цитирования: Лопатников Д. Л. Постиндустриальный ренессанс географического детерминизма // Век глобализации. 2025. № 2. С. 158–165. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.14.

For citation: Lopatnikov D. L. Post-Industrial Renaissance of Geographical Determinism // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 158–165. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.14 (in Russian).

** Лопатников Дмитрий Леонидович – доктор географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. E-mail: imartos@mail.ru.

Dimitri L. Lopatnikov – Dr. Geogr., Senior Researcher at the Institute of Geography of the RAS. E-mail: imartos@mail.ru.

terministic or indeterministic approaches in assessing the nature of the relationship between man and nature has always been closely linked with the philosophical worldview in various historical epochs and in various civilizational traditions, as well as with the change of prevailing economic patterns on the world map. At the beginning of this century, we can talk about the renaissance of geographical determinism, which today is primarily due to the global alarmist ecologization of mass public consciousness. In the first decades of this century, populist concepts of "Sustainable Development" and "Green Economy" as answers to the ecological demand of society became mainstream. The topic of relationships in the "Nature-Society" system has come to the fore in public discourse. With the growth of people's environmental claims, the development of scientific and technological progress and the transition to a post-industrial way of life, geographical determinism is not abolished, but is revived in a new quality.

Keywords: *geographical determinism, postindustrialism, eco-philosophy, natural conditions, natural resources, environmental problem, sustainable development.*

Детерминизм и индетерминизм в осмыслении взаимоотношений природы и общества

Тема детерминизма – индетерминизма во взаимоотношениях человека и природы уходит корнями в философию. Философия изначально не могла обойти тему взаимоотношений человека с окружающим его миром, в котором природа служит его фундаментальной составляющей. С другой стороны, знание по ключевым вопросам бытия было и остается поливариантно. Диапазон оценок характера взаимовлияния человека и природы широкий. В разные исторические периоды и в разных цивилизационных традициях доминирующие мысли и акценты были разными.

То, что человек всю историю своего существования неразрывно связан с окружающей его природой – одно из проявлений действия универсального экологического закона единства организма и среды его обитания. Но характер и формы взаимосвязей человека со средой обитания были разными и трансформировались по мере его развития и становления цивилизации [Hardin 2023].

Ключевое место в выявлении причинно-следственных связей в системе «природа – общество» принадлежит географии. Классический географический детерминизм как концепция родился в глубокой древности и делал главный акцент на влияние природных сил (стихий) на общественное развитие. В трудах Аристотеля, Гиппократ, Платона можно найти идеи обусловленности общественного развития природными условиями.

Одним из признанных и не единожды критикуемым классиком географического детерминизма эпохи Просвещения стал Ш.-Л. де Монтескье [1955: гл. XIV], в трудах которого основное внимание уделялось климату. Близких, но более «мягких» геодетерминистских взглядов придерживались И.-Г. Гердер, Ж. Б. Дюбо [Давыдова, Ахвердиев 2017]. Оппонентом выступал Вольтер. Влияние особенностей природной среды на достижения в социально-экономическом развитии и геополитические позиции государств на карте мира стали предметом очной и заочной полемики философов, социологов, экономистов, среди которых И. Кант, К. А. Сен-Симон, Г. В. Ф. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс.

С началом эры индустриализации акценты существенно сместились. Промышленная волна усилила веру в «Человека», выходящего из-под власти довле-

ющих над ним естественных сил. Р. М. Кабо писал, что реформация с ее антропоцентризмом и культом могущества человека привела к «антиэкологизму Нового времени» [Кабо 1956: 8]. Мощнейший удар по классическому географическому детерминизму нанес антропологический материализм Л. Фейербаха с его ключевой идеей «Человека-Бога». Тем не менее это не привело к полному уходу в прошлое географического детерминизма как отжившего свое время.

В доцивилизационное время прямого потребления даров природы человек напрямую зависел от нее. Цивилизация, с одной стороны, обособила человека от природы, но с другой – росла зависимость от природных ресурсов. Эта зависимость усиливалась по мере роста их потребления. В течение нескольких тысячелетий возможности развития народов, государств, цивилизаций все в меньшей степени зависели от природных условий и все в большей – от ресурсно-сырьевой базы. При господстве аграрного уклада – от агроклиматических ресурсов, в индустриальное время – от минеральных энергетических и сырьевых ресурсов. Ведь базисом экономики стали сырьевые, энерго- и сырьеемкие отрасли. Индустриальный период усилил геоиндетерминистские тенденции. Эпоха индустриализации стала временем экономического и технократического детерминизма. В процессе индустриализации все большее внимание стала привлекать ресурсная тема.

Историческую роль в осмыслении значимости ресурсного фактора в развитии человечества сыграл известный доклад Римскому клубу «Пределы роста» [Медоуз и др. 1991]. Главная заслуга этого доклада состоит в том, что после эпохи романтики индетерминистского «Преобразования природы Человеком-Богом» он вернул тему взаимозависимости человека и природы в круг фундаментальных проблем глобального мира. Доклад доказывал усиление детерминированности социально-экономического развития отдельных стран и мира в целом природными ресурсами, прежде всего минеральными.

Влияние доклада «Пределы роста» на общественное сознание можно назвать поворотным [Чумаков, Штарк 2019]. Он заложил основы экологического алармизма и популизма, оторвавшегося от научной базы. Большинство прогнозов, сделанных в докладе, не оправдались. У него были и есть авторитетные оппоненты [Саймон 2005, Atkisson 2010], но их голоса потонули в мейнстримном общественном сознании.

С доклада «Пределы роста» началась первая волна экологического алармизма индустриального времени, когда главный акцент делался на исчерпание природных ресурсов. В процессе постиндустриализации мировой экономики, сперва в высокоразвитых странах, а затем и в глобальном масштабе главный акцент сместился с природно-ресурсной проблематики к проблематике экологического качества окружающей человека среды. Вторая волна алармизма постиндустриального времени, на гребне которой мы, возможно, находимся, стала беспрецедентно популистской по своим масштабам. Главным фактором этого явилось формирование на стыке столетий информационного общества [Кастельс 2000] и так называемого «среднего класса» – главного носителя идей эокантропоцентризма [Дридзе 2000].

Наступившее постиндустриальное время привело не к признанию устаревшими дискуссий между геодетерминистами и индетерминистами, а к переосмыслению значимости и характера влияния природных факторов на траекторию общественного развития. Это позволяет сделать вывод о том, что географический детерминизм в постиндустриальную эпоху не ослабевает или отменяется, а модифицируется.

В постиндустриальное время новая роль природного фактора связана в первую очередь не с естественными природными условиями и наличием либо отсутствием востребованных природных ресурсов, а с экологическим фактором. В условиях постиндустриального уклада экономики роль «экологического фона» для организации высокопроизводительного труда становится не просто значимой, характеристики этого фона рассматриваются как ключевые при оценке эффективности и рациональности экономики на всех уровнях территориальной иерархии – от локального до глобального – при формировании перспективных планов развития.

Если первая волна алармизма индустриального времени была связана прежде всего с акцентом на объективную необходимость все больших объемов природных ресурсов для социально-экономического развития мира и переживанием по поводу возможного исчерпания этих ресурсов, то вторая, постиндустриальная алармистская волна делает главный акцент на угрозу для окружающей человека среды. Тематика исчерпания природных ресурсов осталась, но ушла на второй план, уступив место страстям по «глобальному потеплению» и его последствиям для среды обитания человека, проблемам бытовых отходов, экологических характеристик городской среды и др. В результате данной трансформации качественно изменилась оценка роли «объективных» и «субъективных» факторов в социально-экономическом развитии в пользу усиления последних.

«Объективное» и «субъективное» в экофилософии постиндустриального времени

Экофобная философия «власти человека над природой», ставшая господствующей в индустриальное время, по сути, означала ментальный переход от неосознанного игнорирования базовых законов экологии «по незнанию» в доиндустриальное время к их осознанному игнорированию: к началу XX в. они были уже сформулированы. Экофильные идеи до второй половины прошлого века тоже были, но они развивались скорее как оппозиционные.

Разворот к экологической проблематике в общественном сознании во второй половине прошлого века был ответом не только на объективную проблему исчерпания природных ресурсов и деградацию природных экосистем, но и на ухудшение экологических параметров окружающей человека среды в процессе индустриального роста и растущий запрос все большего числа людей на достойное качество своей жизни. Именно озабоченность экологическими характеристиками качества жизни стала главным фактором рождения массовых экологических движений.

Алармизм по своей природе не приближает к объективности оценки ресурсов и экологических проблем человечества, а является одним из вариантов «панического субъективизма». Эффект алармизма двоякий. С одной стороны, он привлекает внимание к проблеме, и ее начинают замечать. С другой – зачастую приводит к негативным невротическим реакциям. Так было с «чернобыльским синдромом», когда для населения зоны «чернобыльского шлейфа» медицинские последствия психологического плана оказались сопоставимы с последствиями радиационного загрязнения. Так было с «компьютерным» кризисом миллениума, когда несколько тысяч американцев встречали новый год в бункерах. Японский экономист Т. Сакайя писал: «Два нефтяных кризиса 1970-х гг. в очередной раз со всей очевидностью продемонстрировали, насколько беспочвенной была наша вера в то, что запасы природных ресурсов неисчерпаемы. Даже японцы (и в особенности японцы), которые всегда чувствовали себя уютно, отгородившись от осталь-

ного мира своим образом жизни, основанным на дешевом импорте продуктов питания и сырья, сегодня вынуждены задуматься о том, какое будущее уготовлено этим поставкам. Любой слух о потопленном в Персидском заливе очередном танкере порождает в стране волну измышлений о том, что вот-вот грядет третий нефтяной кризис, подобно тому, как бесснежная зима дает пищу зловещим прогнозам о неурожае риса. В результате этих алармистских настроений Япония на протяжении 1980-х гг. была «затоварена» и нефтью, и продовольствием, однако ни страх неизбежного дефицита, ни общее ощущение того, что сырье и ресурсы не беспредельны, не покидали людей» [Сакайя 1999: 341].

В этом ракурсе нужно оценивать и современную волну алармизма постиндустриального времени. Это не просто ответная реакция на объективное ухудшение экологической обстановки на планете. Это психологический бум, и он прежде всего связан с коренным изменением критериев оценки «благополучия – неблагополучия» общества в целом, когда выросли требования к условиям жизни людей вообще и экологические требования в частности. То, что алармизм пришел с Запада, а не с Востока, следствие не только того, что на Западе экологическая обстановка намного хуже, чем на Востоке. Сегодня как раз наоборот. Прежде всего это результат достигнутого (пока) более высокого уровня благосостояния людей в странах так называемого «золотого миллиарда» и, как следствие, роста их «экологических притязаний».

«Экологическая волна» последней четверти XX в. связана не только и не столько с имеющим место объективным обострением экологической обстановки на Земле именно в этот период, сколько с субъективным «прозрением» жителей высокоразвитых стран. Это создало важнейшую предпосылку перехода от неосознанного игнорирования экологических проблем в доиндустриальный период через их осознанное игнорирование в индустриальный период и время всемирных лихолетий к осознанному учету экологического фактора при переходе к постиндустриальному развитию [Лопатников 2016; 2020].

«Устойчивое развитие»: путь в лучшее будущее или очередная иллюзия?

Концепция устойчивого развития, которая стала активно внедряться в публичное поле в конце прошлого века, стала некой конструктивной мегаидеей, миссия которой – отвести человечество от возможного грядущего социально-экономического и экологического апокалипсиса.

С начала XXI в. концепция устойчивого развития стала, по сути, всемирно признанной доктриной глобального развития. Она носит выражено геодетерминистский характер, непосредственно связывая перспективы социально-экономического развития человечества с антропогенным воздействием человека на природу и последствиями этого воздействия. Главная заслуга концепции устойчивого развития состоит в том, что она опирается на принципиально новое видение значимости, «веса» различных факторов социально-экономического развития. Среди них впервые на первый план вышел экологический фактор.

Однако можно ли сегодня говорить о том, что наконец найдена теоретическая основа для оптимистического сценария развития человечества на основе его гармонии с природой, что дает, говоря словами Н. Ф. Реймерса, «надежду на выживание человечества»? [Реймерс 1992.] Этот вопрос остается открытым.

В концепции устойчивого развития есть ряд дискуссионных тем, требующих неангажированных исследований и свободных от догм научных дискуссий ее

сторонников и противников [Шупер 2012]. Но сегодня в условиях масштабной информационной волны по внедрению алармистских идей в «широкие массы» возможность ведения беспристрастных научных исследований существенно сузилась. В частности, они требуют как минимум независимого финансирования.

Одной из ключевых тем борьбы за «устойчивое развитие» стало глобальное изменение (потепление) климата. В дискуссиях о природном или природно-антропогенном происхождении глобального потепления точка пока не поставлена, притом что само потепление является научно доказанным фактом [Семенов 2018; Снакин 2019]. Но, несмотря на всю сложность объяснения и дискуссионность происхождения глобального изменения климата на Земле, именно тематика «глобального потепления» стала главным и мощным катализатором экологизации общественного сознания в первые два десятилетия нынешнего века. В свою очередь экологизация общественного сознания стала социальной основой для стремительного роста многочисленных зеленых движений и организаций, влиятельных зеленых партий, проводников экологического популизма.

В условиях экологического популизма, достигшего планетарных масштабов, искать «научные истины» в тематике взаимоотношений человека и природы становится все сложнее. Это ярко иллюстрирует развернувшаяся всемирная «борьба с глобальным потеплением». Притом что антропогенную версию глобального потепления можно рассматривать пока не иначе как серьезную научную гипотезу, в информационном поле она постулируется как совершенно доказанный факт. Голоса немногих специалистов, в той или иной степени относящихся настороженно или скептически к антропогенной версии глобального потепления [Шполянская 2019 и др.] игнорируются как не отражающие то, что сегодня хотят услышать представители экологических движений, партий и экологически озабоченные массы. Усиление популизма вообще – одна из сторон информационного общества. И одна из главных разновидностей популизма сегодня – экологический популизм.

Вместе с этим, даже если оценивать антропогенную версию глобального потепления как в большей степени популистски-конъюнктурную, чем научную, приходится признать, что она уже оказывает реальное влияние на современную социально-экономическую политику стран и макрорегионов мира. Хотя и дискуссионные, но доминирующие представления об антропогенном происхождении глобального потепления облекаются в юридические нормы и признанные общественным мнением приоритеты политики на всех уровнях территориальной иерархии, от глобального до локального, которые уже начинают определять экономическое и социальное развитие. Перед принятием важных решений ООН по корректировке концепций мирового развития вычисляется «углеродный след», при формировании долгосрочной экономической политики устанавливается «углеродный налог» и т. п. Это приводит к качественной экоориентированной перестройке мировой энергетики и промышленности под лозунгом «зеленой экономики», «декарбонизации». Принципиально важно, что это уже реалии нынешнего времени, безотносительно к оценкам правильности этого пути, звучащим со стороны огромного числа общественных, политических и хозяйственных эколоббистов-алармистов, или его ошибочности, по мнению традиционалистов-скептиков [Лопатников 2022].

Новый географический детерминизм и экологическая перспектива

Экофилософия постиндустриального времени опирается не на биоцентристскую идею «спасти природу от человека», а на экоантропоцентристскую идею «спасти природу для человека». Только с опорой на экоантропоцентризм возможен переход от антагонизма в отношениях между человеком и природой к их коэволюции на основе взаимовыгодного сотрудничества. На постиндустриальном этапе заканчивается противостояние личного интереса и общественного в сфере «экологии». «Официальная» алармистская волна постиндустриального времени, озвучиваемая «зелеными» спикерами в ООН, на многочисленных международных и национальных экологически ориентированных форумах, фокусирует внимание на спасении планеты во имя спасения человечества. Биоцентрический подход с идеей, что «человечество – раковая опухоль на теле Земли» [Воронцов 2005], лежавший в основе парадигмы «спасения планеты» в последние десятилетия прошлого века, отошел на второй план. Если биоцентрический подход к тематике взаимоотношений природы и общества полвека назад породил мощное природоохранное движение и в мире, и в СССР, то сегодня на него опираются скорее экологические экстремисты и террористы.

Утилитарный подход к природе как в индустриальный, так и в постиндустриальный период сохраняется. Однако теперь не только природные ресурсы, но и в меньшей степени качество окружающей человека среды становится одним из ключевых ресурсов социально-экономического развития, приобретая экономическую ценность. При этом по мере роста общего уровня благосостояния людей их экологические притязания растут. Рост экологических притязаний людей по мере роста их благосостояния стал одной из характерных черт постиндустриального развития. Наиболее ярко это проявляется у слоев общества, не занятых в непосредственном производстве материализованного продукта. В частности, это связано с тем, что для работников, занятых в сферах нематериального производства (а в высокоразвитых странах их большинство), экологическое качество окружающей среды становится весомым фактором производительности труда.

При переходе к постиндустриальному времени географический детерминизм не устаревает или отменяется, а модифицируется. Роль природного фактора в глобальном развитии не уменьшается. Однако меняется содержимое природного фактора. Происходит усиление детерминированности глобальных трансформаций экологическими характеристиками окружающей среды. Это делает снова востребованной теорию географического детерминизма для более глубокого осмысления перспектив развития мировой цивилизации.

Литература

Воронцов Н. Н. Эволюция. Видообразование. Система органического мира: Избр. труды. М., 2005.

Давыдова М. Л., Ахвердиев Э. А. Климатический детерминизм и посибилизм в философии права и государства: история развития и современные проблемы // Политика и Общество. 2017. № 7. С. 1–8.

Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.

Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимоотношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. М. : ОГИЗ, 1946. С. 7–18.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Лопатников Д. Л. Геоэкология постиндустриального времени // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 118–124.

Лопатников Д. Л. Миграция центра экологического неблагополучия и «геоэкологический переход» // Известия РАН. Сер. географическая. 2020. Т. 84. № 5. С. 728–736.

Лопатников Д. Л. Парадигмы «Устойчивого развития» и «Зеленой экономики» в контексте нового геодетерминизма // Рациональное природопользование: традиции и инновации: Материалы III Международной конференции (Москва, МГУ, 20–22 октября 2022 г.) / отв. ред. М. В. Слипенчук. М. : Наука, 2022. С. 42–48.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс Ш В. В. Пределы роста. М. : Изд-во МГУ, 1991.

Монтескье Ш.-Л. де. Избр. произведения. М. : Гослитиздат, 1955.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. М. : Россия молодая, 1992.

Саймон Дж. Неисчерпаемый ресурс. М. : Социум, 2005.

Сакай Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.

Семенов С. М. Как человек влияет на глобальный климат Земли? // Век географии / под ред. В. М. Котлякова, О. Н. Соломиной, А. А. Тишкова, В. А. Колосова. М. : Дрофа, 2018. С. 49–71.

Снакин В. В. Глобальные изменения климата: прогнозы и реальность // Жизнь Земли. 2019. Т. 41. № 2. С. 148–164.

Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. Т. 32. № 4. С. 40–49.

Шполянская Н. А. Климат и его динамика в плейстоцене-голоцене как основа для возникновения разнообразных рисков при освоении районов криолитозоны // Геориск. Международный научный журнал. 2019. № 1. Т. XIII. С. 6–24.

Шупер В. А. Инновационное развитие в свете евразийской теории Л. Н. Гумилева // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 123–130.

Atkisson A. Believing Cassandra: How to be an Optimist in a Pessimist's World. New York : Routledge, 2010.

Hardin G. L. Environmental Determinism: Broken Paradigm or Viable Perspective? [Электронный ресурс] : East Tennessee State University. URL: <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3191&context=etd> (дата обращения: 05.11.2023).

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

Степанов Н. С.**

В статье раскрыты предпосылки развития Арктического региона под влиянием глобализационных процессов и представлено обоснование перспективы развития взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации в рамках объединений БРИКС и ШОС в Арктике. Обоснована необходимость обеспечения военной защиты народно-хозяйственных эффектов, которые получает при освоении энергоресурсов и полезных ископаемых Арктического региона экономика Российской Федерации, а также необходимость обеспечения военной защиты национального транспортного маршрута Северного морского пути, задействованного в круглогодичном экспорте российского сырья и готовой продукции на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Выявлен рост конфликтного потенциала в Арктике, вызванный увеличением интенсивности операций ВВС, ВМС США и членов организации НАТО в текущих условиях. Сделан вывод о том, что конструктивное взаимодействие Российской Федерации и стран БРИКС и ШОС создаст возможности для мирного освоения арктических проектов по добыче углеводородных ресурсов и полезных ископаемых и будет способствовать как развитию Арктического региона, так и устранению проблем, связанных с модернизацией портовой инфраструктуры Северного морского пути и устранением дисбаланса соответствия его мощностей объемам железнодорожных грузоперевозок, окажет реальное противодействие санкционным и торговым ограничениям, приведя состояние социально-экономических систем государств – членов БРИКС и ШОС к устойчивому функционированию и сбалансированному развитию.

Ключевые слова: глобализационные процессы, БРИКС, ШОС, стратегическое партнерство, санкции, экономическая безопасность, Арктический регион, ресурсы, Северный морской путь, перспективы развития.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания «Структурная модернизация экономики и обеспечение технологического суверенитета России» Центра институтов социально-экономического развития II научного направления «Экономическая политика», ИЭ РАН, на 2025 г.

Для цитирования: Степанов Н. С. Предпосылки развития Арктического региона под влиянием глобализационных процессов // Век глобализации. 2025. № 2. С. 166–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.15.

For citation: Stepanov N. S. Prerequisites for the Development of the Arctic Region under the Influence of Globalization Processes // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 166–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.15 (in Russian).

** Степанов Никита Сергеевич – к. э. н., с. н. с. Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН. E-mail: stepanov720@inecon.ru.

Nikita S. Stepanov – Ph.D. in Economic Sciences, Senior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: stepanov720@inecon.ru.

PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC REGION UNDER THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES

The article reveals the prerequisites for the development of the Arctic region under the influence of globalization processes and presents the substantiation of the prospects for the development of mutually beneficial cooperation of the Russian Federation within the framework of the BRICS and SCO associations in the Arctic. The article substantiates the necessity to provide military protection of the national economic effects that the economy of the Russian Federation receives from the development of energy resources and minerals of the Arctic region and substantiates the necessity to provide military protection of the national transport route of the Northern Sea Route, involved in the year-round export of Russian raw materials and finished products to the markets of the Asia-Pacific region. The growth of conflict potential in the Arctic, caused by the increased intensity of operations of the US Air Force, Navy and members of the NATO organization in the current conditions, has been revealed. It is concluded that constructive interaction between the Russian Federation and the BRICS and SCO countries will create opportunities for the peaceful development of Arctic projects for the extraction of hydrocarbon resources and minerals, and will contribute to the development of the Arctic region, as well as to the elimination of problems associated with the modernization of the port infrastructure of the Northern Sea Route and the elimination of the imbalance between its capacity and the volume of rail freight traffic, and will provide a real resistance to sanctions and trade restrictions, leading the socio-economic systems of the BRICS and SCO member states to sustainable functioning and balanced development.

Keywords: globalization processes, BRICS, SCO, strategic partnership, sanctions, economic security, Arctic region, resources, Northern Sea Route, development prospects.

Введение

Актуальность исследования подчеркивает тот фактор, что Российская Федерация выступает в качестве глобального геополитического лидера среди арктических стран по объему добычи углеводородных ресурсов и полезных ископаемых в Арктическом регионе, опережая США по данным показателям в денежном эквиваленте более чем в семь раз [Вершина... 2023]. Российская Федерация выступает в качестве глобального геополитического лидера среди арктических стран по объемам грузоперевозок на национальном транспортном маршруте России «Северный морской путь», выступающем альтернативой Суэцкому каналу в контексте реализации международного транзита энергетического сырья, полезных ископаемых и прочей продукции [Там же].

Военно-политическую ситуацию в Арктике характеризует стремление стран ЕС, США и их союзников контролировать как арктические ресурсы, так и транспортные пути в арктической морской зоне [Белобров 2022]. Европейский союз и США выступают против национального транспортного маршрута России, оспаривая российский контроль морского пути над внутренними водами, и стремятся пересмотреть его статус.

Эксперты отмечали, что почти 60 стран мирового сообщества обозначили свое желание в контексте использования ресурсов Арктического региона, и вы-

ше 25 стран мирового сообщества, в том числе и государства – члены БРИКС, в текущих условиях готовы приступить к разработке месторождений арктического шельфа [Степанов, Соколовская 2022].

Здесь следует отметить тот факт, что в целях стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности в документах «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [см.: Указ... № 164 2020] и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [см.: Указ... № 645 2020] были обоснованы цели обеспечения экономической, энергетической и военной безопасности Российской Федерации. Цели активизации хозяйственной деятельности в Арктике указаны в Федеральном законе № 193-ФЗ от 13.07.2020 [см.: Федеральный... 2020]. Целевые показатели развития территории Арктического региона, задачи и меры по решению проблем, препятствующих достижению развития национального транспортного маршрута России «Северный морской путь», обоснованы положениями государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [см.: Постановление... 2021] и положениями нормативно-правового акта «Транспортная стратегия с горизонтом прогнозирования до 2035 года» [см.: Распоряжение... 2021].

Повышенное внимание руководства Российской Федерации к развитию Арктического региона в условиях санкционных и торговых ограничений со стороны стран ЕС, США и их союзников в отношении реализации арктических проектов и усиление военной активности в Арктике со стороны блока НАТО подчеркивают актуальность и своевременность проведения исследования.

Методология

Методология исследования базируется на применении системного подхода, который позволил автору статьи комплексно, объективно рассмотреть множественные изменения глобализационных процессов в сфере развития Арктического региона и обосновать направления решения проблем, связанных со стремлением стран ЕС, США и их союзников контролировать как арктические ресурсы, так и транспортные пути в арктической морской зоне. Автором применены методы системного и сравнительного анализа, метод анализа законодательно-правовых актов и трудов научной литературы. Для визуализации данных использовался графический метод.

Результаты

В научных трудах М. В. Иванова, К. П. Данилина, М. В. Кошкарева раскрывался экономический потенциал Арктического региона и обосновывалась необходимость его развития для повышения устойчивости функционирования экономики Российской Федерации [Иванова и др. 2022].

Научные исследования И. В. Гурлева, А. А. Макоско, И. Г. Малыгина [Гурлев и др. 2022: 1] и исследовательские работы других авторов [Степанов 2022б] раскрывали траекторию развития национальной экономики Российской Федерации на базе основного элемента арктической транспортной инфраструктуры, в качестве которого выступает Северный морской путь (СМП). Здесь следует

отметить, что авторы указали на значительные проблемы, препятствующие развитию СМП и выраженные недостаточным уровнем развития портовой инфраструктуры, отсутствием равноправной конкуренции с суэцким направлением (в настоящее время около 75 % общего грузооборота доставляется через южный коридор – Суэцкий канал и Средиземное море), необходимостью развития железнодорожных путей и достижения соответствия мощностей портовой инфраструктуры объемам железнодорожных грузоперевозок [Степанов 2019].

Отмечается тот факт, что развитие Северного морского пути способствует превращению Арктического региона в новый фактор экономического роста и является для Российской Федерации важнейшим приоритетом [Его же 2022а] и обоснованием перспективы развития Арктического региона на базе укрепления взаимовыгодного сотрудничества с Китайской Народной Республикой, признающей ряд определенных «выборочных компромиссов» Российской Федерации в контексте привлечения иностранных инвестиций для развития Арктики и достижения рентабельности Северного морского пути [Степанов 2020].

В. А. Плотников и Ю. В. Вертакова [2022], Д. Фантаццини и его соавторы [Fantazzini *et al.* 2008] в своих научных работах отмечали тот факт, что системы стран – экспортеров энергетических ресурсов и полезных ископаемых в условиях воздействия санкционных и торговых ограничений подвергаются угрозам потери стратегических рынков, влекущим за собою снижение валовой выручки и уменьшение налоговых отчислений в государственные бюджеты.

Экономическая значимость перспектив развития Арктического региона

Экономическая значимость перспектив развития Арктического региона обуславливает необходимость военной защиты народно-хозяйственных эффектов, которые возможно получить на основе выраженной международной востребованности потребления российских полезных ископаемых и энергоресурсов. Арктический шельф Российской Федерации (длина побережья страны вдоль Северного Ледовитого океана – 22 600 км) содержит огромные нетронутые запасы углеводородов и полезных ископаемых. Арктическая зона Российской Федерации составляет 4 млн кв. км.

В российской Арктической зоне представлено 42 разведанных и освоенных месторождения по добыче полезных ископаемых, таких как платина и палладий, титан, никель, цинк, серебро, кобальт, золото, вольфрам, медь и др. [Освоение... 2020]. Арктический регион предстает в качестве ключевого нефтегазодобывающего центра Российской Федерации, на ресурсной базе которого разрабатывается ряд значимых для устойчивого функционирования экономики страны проектов, таких как «Арктик СПГ-1» с ежегодным объемом производства природного газа в 53 млрд куб. м; «Арктик СПГ-2» с ежегодным объемом производства сжиженного природного газа в 19,8 млн тонн; «Ямал СПГ» с ежегодным объемом производства сжиженного природного газа в 20 млн тонн [Проект... 2020]. Объемы морских отгрузок нефти с месторождений Трещина, Титова, Приразломного и Новопортовского в денежном эквиваленте по итогам 2022/2023 г. (до введения санкций по европейскому направлению) превышали 33 млрд евро. За счет реализации

нефтегазодобычи на российском арктическом шельфе обеспечивается 10 % от совокупного ВВП Российской Федерации (202 млрд долларов) [Проект... 2020].

В Арктическом регионе в текущих условиях реализуется свыше 460 инвестиционных экономических проектов. Процентное соотношение реализации проектов в российской Арктической зоне по инвестиционным направлениям [В Арктике... 2022] представлено на Рис. 1.

Рис. 1. Процентное соотношение реализации проектов в российской Арктической зоне по инвестиционным направлениям

В рамках реализации инвестиционных экономических проектов создано 30 тыс. рабочих мест, при этом в соответствии с целевыми ориентирами Стратегии развития Арктики до 2035 г. совокупные объемы инвестиций превысят 29 млрд долларов [Там же]. Прогнозные объемы нефти в российской Арктической зоне оценивают в 35 млрд тонн; прогнозные объемы газа оценивают в 210 трлн куб. м, при этом разведанные ресурсы нефти исчисляются в 7,3 млрд тонн, и в 55 трлн куб. м исчисляются разведанные ресурсы газа [Освоение... 2020].

Тем не менее страны ЕС, США и их союзники предъявляют претензии на любые углеводородные ресурсы или полезные ископаемые, расположенные на морском дне хребта Ломоносова. Страны ЕС, США и их союзники ввели масштабное количество санкций в отношении Российской Федерации и ее экономики, связанных с заморозкой государственных международных резервов страны и экспроприацией доходов от их использования, в том числе и санкций, направленных против организаций, которые поддерживают развитие арктических проектов по добыче и производству сжиженного природного газа «Арктик СПГ-2» и «Ямал СПГ». Нарушены нормы международного права [США... 2024].

Мировой конфликт из-за углеводородных ресурсов или полезных ископаемых в Арктике в ближайшее время вполне возможен из-за развития военной активности блоком НАТО, что подчеркивает значение укрепления системы военной защиты Арктики для Российской Федерации.

По итогам 2023 г. объем грузоперевозок по Северному морскому пути составил 36,254 млн тонн [Быстрова 2024]. При этом к 2035 г. его планируют увеличить почти в три раза – до 130 млн т. В связи с данным фактором крупнейшие проекты российских нефтегазодобывающих компаний и предприятий горнодобывающей промышленности связаны с развитием судостроения: танкеров ледового класса Arc4, танкеров СПГ ледового класса Arc7 и атомных ледоколов.

СМП выступает в качестве альтернативы Суэцкому каналу. Если ранее акцент грузоперевозок по Северному морскому пути делали на международный транзит Европа – Азия, то в текущих условиях он делается на круглогодичный экспорт российского энергетического сырья, полезных ископаемых и прочей продукции на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Карта морских путей представлена на Рис. 2.

Рис. 2. Карта морских путей

Российская Федерация на основании ст. 21 и 234 Конвенции ООН по морскому праву распространила разрешительный порядок судоходства по всему маршруту Северного морского пути, так как он проходит по внутренним морским водам, территориальным морям и районам прилежащих зон [Конвенция... 1982: 3].

Обеспечение стратегической безопасности Северного морского пути и необходимость его военной защиты

Обострение геополитического противостояния ЕС, США и их союзников, с одной стороны, и Российской Федерации и ее союзников – с другой, привело к масштабному введению обоюдных санкционных и торговых ограничений и ценовым войнам на глобальном рынке энергоресурсов и полезных ископаемых.

Европейский союз и США выступают против национального транспортного маршрута России, оспаривая российский контроль морского пути над внутренними водами, и стремятся пересмотреть его статус [Коньшев, Сергунин 2018].

Отметим тот факт, что Второй флот ВМС США и ВМС НАТО проводят военные учения в Арктике и в районе СМП и вводят в строй новые ледоколы [Белобров 2022], рассматривая варианты проведения операции по обеспечению свободы навигации союзными ВМС в водах национального транспортного маршрута России и тем самым создавая прямые угрозы безопасности Российской Федерации [Там же]. Российскую Федерацию исключили из арктического форума «Встречи начальников генштабов вооруженных сил стран – членов Арктического совета» и из арктического форума «Круглый стол сил безопасности Арктики».

Со стороны стран блока НАТО в Арктическом регионе начиная с 2018 г. и по текущее время непрерывно проводятся военные учения и маневры антироссийской направленности «Единый трезубец 2018», «Холодный ответ 2022», «Северный ответ 2024», которые имеют неординарный агрессивный характер, что подтверждается участием авианосцев США «Гарри Трумэн» и Британии «Принц Уэльский» с боевыми самолетами «судного дня», способными к применению ядерного оружия [Там же].

В учениях было задействовано порядка 50 тыс. военнослужащих, свыше 250 единиц авиационной техники и 65 кораблей стран блока. Район учений охватил центральные и восточные части Норвегии и прилегающие к ним акватории Северной Атлантики и Балтийского моря, а также воздушное пространство Исландии, Финляндии и Швеции. Одновременно с этими учениями проводилось еще пять коалиционных мероприятий оперативно-боевой подготовки, где общая численность войск НАТО вблизи границ России в период маневров достигала 80 тыс. человек [Там же].

Согласно имеющимся оценкам экспертов, в настоящее время в Арктике расположено около 50 объектов военной инфраструктуры стран – членов НАТО. В их число входят 22 аэродрома, 23 военно-морские базы, пункты базирования, а также четыре радиолокационные станции (РЛС) наблюдения за космосом и воздушным пространством Арктики, и намечены планы по созданию комплексной сети из восьми РЛС на территории Норвегии [Там же].

Единая система базирования объединенного стратегического командования Северного флота Российской Федерации простирается до острова Котельный,

фактическая граница проходит по Берингову проливу, южнее начинается зона контроля Тихоокеанского флота. В текущих условиях Северный флот имеет статус военного округа, и в его составе находятся армии ВВС и ПВО. Состав Северного флота пополнен специальной Арктической бригадой. Военно-морские базы на всей протяженности зоны ответственности Северного флота должны обеспечить присутствие частей и подразделений ВМФ в Арктике.

Увеличение интенсивности операций ВВС, ВМС НАТО в Арктическом регионе влечет за собою рост конфликтного потенциала и требует реализации конкретных мер по комплексному развитию инфраструктуры морских портов и морских судоходных путей в акваториях СМП, Баренцева, Белого и Печорского морей, создания штаба морских операций по управлению судоходством в целях расширения территории расположения российских военно-морских баз и повышения боевых возможностей Северного флота в Арктике.

В текущих условиях существует широкий спектр проблем, препятствующих Российской Федерации развить систему базирования военно-морского флота. Недостаточное развитие инфраструктурного обеспечения ВМФ и несоблюдение планов и сроков по ее созданию связано с оттоком населения из российского Арктического региона, вызывающего дефицит рабочих, решающих проблемы инфраструктурного развития российской системы базирования ВМФ. В Арктическом регионе находятся всего четыре относительно крупных города с совокупным населением не более 900 тыс. жителей.

Дальнейшее наращивание военных арктических возможностей стран НАТО создаст возможности для воспрепятствования доступу российских компаний к добыче полезных ископаемых и углеводородных ресурсов и для воспрепятствования их экспорту на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так как будет установлен контроль стран НАТО над российским судоходным арктическим маршрутом и над добычей ресурсов и полезных ископаемых.

Китайская Народная Республика обосновывает международный статус СМП и пытается расширить права неарктических государств [Коньшев, Сергунин 2018]. Здесь следует отметить тот факт, что Китай является членом БРИКС. Интеграционная структура БРИКС в рамках реализации стратегически важного партнерства с участием России формирует новый мировой порядок через поиск и внедрение альтернативных подходов, создающих возможности для мирного разрешения конфликтов и устранения критических угроз безопасности для всех стран – членов объединения. Интеграционная структура БРИКС в рамках реализации стратегически важного партнерства с участием России формирует новый мировой порядок через неприемлемость введения односторонних санкций и организацию противостояния торговым ограничениям на основе формирования более справедливых правил международной финансовой системы.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика регулярно проводят на Дальнем Востоке военно-морские учения, отрабатывая слаженность ВМС двух стран при отражении нападения условного противника, и данное взаимодействие возможно перенести в Арктический регион, что значительно поспособствует в дальнейшей перспективе развитию системы базирования военно-морского флота. Стратегическая защита объектов неядерного потенциала и ядерных сил, располо-

женных в Арктическом регионе, сдерживает коллективную агрессию стран НАТО и обеспечивает комплексную безопасность Северного морского пути России.

Анализ перспектив развития Арктического региона под влиянием глобализационных процессов стран – участниц БРИКС и ШОС

Интенсивное развитие вооруженного конфликта на Украине и палестино-израильского конфликта окончательно подорвало международную экономическую безопасность и выступило в качестве новой волны политической фрагментированной глобализации мировой экономики.

Стратегически важное партнерство Российской Федерации в контексте объединения экономически связанных усилий стран – участниц БРИКС и ШОС, направленных на устранение барьеров для ведения международной торговли, перемещения капитала и преодоления многочисленных проблем в других видах экономической деятельности, создает предпосылки развития Арктического региона под влиянием глобализационных процессов, формирующих новый многополярный мировой порядок.

Новые центры силы, представленные интеграционными структурами БРИКС и ШОС с участием России, крайне заинтересованы в защите своих политических, финансовых и социально-экономических систем и в связи с этим фактором принимают политические, финансовые, социально-экономические решения, руководствуясь интересами эффективного развития своих национальных экономик.

Конструктивное взаимодействие стран БРИКС и ШОС с участием России в контексте развития Арктического региона способно решить широкий спектр проблем, вызванных наличием дисбаланса между потенциальными возможностями и фактическим использованием углеводородных ресурсов и полезных ископаемых странами – членами интеграционных структур. Прогнозные мировые запасы нефти, залегающие в Арктическом регионе, составляют 13 % от объема общемировых запасов. Прогнозные мировые запасы природного газа, залегающие в Арктическом регионе, составляют 30 % от объема общемировых запасов. Прогнозные мировые запасы металлов платиновой группы, залегающие в Арктическом регионе, составляют 19 % от объема общемировых запасов. Прогнозные мировые запасы титана, золота, цинка, никеля и кобальта, залегающие в Арктическом регионе, составляют 10 % от объема общемировых запасов [Освоение... 2020].

В многоуровневой социально-экономической системе мирового устройства возникают проблемы, связанные с адаптацией обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в реалиях современных условий. Страны – партнеры БРИКС и ШОС ориентированы на построение защитных экономических механизмов. Положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года трактуют содержание понятия экономической безопасности в качестве ключевого элемента защиты национальной экономики от различных внутренних и внешних угроз [О стратегии... 2017: 8].

Таким образом, сотрудничество стран БРИКС и ШОС охватывает целый комплекс системы действий, гарантирующих экономике Российской Федерации в условиях воздействия угроз, кризисных ситуаций самостоятельность, надежность, устойчивость и непрерывное совершенствование.

Заключение

Подводя итоги исследования, сделаем вывод, что внедрение альтернативных подходов в рамках реализации стратегически важного партнерства с участием Российской Федерации и стран БРИКС и ШОС на базе глобальной организации их конструктивного взаимодействия создаст возможности для мирного освоения арктических проектов по добыче углеводородных ресурсов и полезных ископаемых и будет способствовать как развитию Арктического региона в целом, так и устранению критических угроз безопасности для всех стран – участниц интеграционных структур.

Сотрудничество Российской Федерации и стран БРИКС и ШОС сможет помочь преодолеть препятствия в развитии Северного морского пути и решить проблемы, связанные с модернизацией портовой инфраструктуры за счет привлечения прямых иностранных инвестиций из дружественных стран. Сотрудничество Российской Федерации и стран БРИКС и ШОС сможет создать равноправную конкуренцию Северного морского пути с суэцким международным транзитным направлением грузопотоков и снимет дисбаланс соответствия мощностей портовой инфраструктуры объемам железнодорожных грузоперевозок.

Перспективы развития Арктического региона на базе укрепления взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации и стран БРИКС и ШОС приведут к реализации освоения месторождений российской Арктики и устранят дисбаланс между потенциальными возможностями и фактическим использованием углеводородных ресурсов и полезных ископаемых странами – членами интеграционных структур. Организация совместного взаимодействия стран – участниц интеграционных структур в Арктике окажет реальное противодействие санкционным и торговым ограничениям со стороны стран ЕС, США и их союзников и приведет состояние социально-экономических систем государств – членов БРИКС и ШОС к устойчивому функционированию и сбалансированному развитию.

Литература

Белобров Ю. НАТО – курс на дестабилизацию Арктики [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2022. № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2733> (дата обращения: 09.12.2024).

Быстрова Д. Объем грузоперевозок по Севморпути составил 36,254 млн т в 2023 году [Электронный ресурс] : Страна Росатом. 2024. 15 января. URL: <https://strana-rosatom.ru/2024/01/15/obem-gruzoperevozok-po-sevmorputi-s/> (дата обращения: 09.12.2024).

В Арктике реализуются более 460 проектов с господдержкой [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2022. 13 апреля. URL: <https://ria.ru/20220413/arktika-1783298818.html?ysclid=15766udl1f39652075> (дата обращения: 09.12.2024).

Вершина айсберга: реальные перспективы экономики Арктики [Электронный ресурс] : Росконгресс. 2023. 5 апреля. URL: <https://roscongress.org/materials/vershina-aysberga-realnye-perspektivy-ekonomiki-arktiki-/> (дата обращения: 09.12.2024).

Гурлев И. В., Макоско А. А., Малыгин И. Г. Анализ состояния и развития транспортной системы Северного морского пути // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12. № 2. С. 258–270. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-2-258-270.

Иванова М. В., Данилин К. П., Кошкарев М. В. Северный морской путь как пространство согласования интересов для устойчивого социально-экономического развития Арктики // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12. № 4. С. 538–550. DOI: 10.25283/2223-45942022-4-538-550.

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. 1982 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

Коньшев В., Сергунин А. Арктический регион: тенденции 2018 года. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/2018/arctic.html> (дата обращения: 09.12.2024).

Освоение Арктики в перспективе [Электронный ресурс] : Минэнерго России. 2020. 12 марта. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/1/705/ (дата обращения: 09.12.2024).

О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420398070> (дата обращения: 09.12.2024).

Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 10. С. 1037–1050.

Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» от 30.03.2021 № 484 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381261/ (дата обращения: 09.12.2024).

Проект – Арктика ЦДУ ТЭК [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/ (дата обращения: 09.12.2024).

Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (дата обращения: 09.12.2024).

Степанов Н. С. Институциональное развитие северного морского пути как системный драйвер экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216. № 2. С. 112–124.

Степанов Н. С. Модернизация портовой инфраструктуры Северного морского пути // Федерализм. 2020. Т. 25. № 3(99). С. 52–65. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-3-52-65.

Степанов Н. С. Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022а. № 57. С. 202–210. DOI: 10/17223/19988648/57/14.

Степанов Н. С. Траектория развития Северного морского пути: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. 2022б. № 3(116). С. 94–116. DOI: 10.31249/rsm/2022.03.06.

Степанов Н. С., Соколовская Е. А. Экологический баланс в процессе ресурсоосвоения Арктики // Федерализм. 2022. Т. 27. № 3(107). С. 58–76. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-3-58-76.

США ввели санкции против компаний, поддерживающих «Арктик СПГ-2» и «Ямал СПГ». 2024. 30 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://nangs.org/news/downstream/lng/ssha-vveli-sanktsii-protiv-kompanij-podderzhivayushchikh-arktik-spg-2> (дата обращения: 09.12.2024).

Указ Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» от 26.10.2020 № 645. 2020а [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 09.12.2024).

Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 05.03.2020 № 164. 2020б [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 09.12.2024).

Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 09.12.2024).

Fantazzini D., Dalla V. L., Giudici P. Copulae and Operational Risks // *International Journal of Risk Assessment and Management*. 2008. Vol. 9. No. 3. Pp. 238–257.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКУ*

Шаповал В. М., Рочняк Е. В., Бабаев Б. С.**

Статья посвящена исследованию глобальных вызовов и кризисных явлений современной цивилизации. В частности, проведена систематизация деструктивных явлений, вызовов и угроз для общества и экономики по основным признакам. Доказано, что пересечение кризисных явлений различного характера, их комплексность еще больше повышают достаточно высокий уровень неопределенности в современном обществе и различных его сферах, усугубляют взаимозависимость и остроту их проявления, вызывая таким образом поликризис. Более глубокий анализ пандемии COVID-19 и климатических изменений позволил прийти к выводу, что указанные вызовы демонстрируют уязвимость абсолютно всех стран и народов мира, являются источниками экономических и социальных рисков, соответственно, требуют особого к себе внимания и системного реагирования. Определено, что, наряду с негативными и деструктивными последствиями для экономики и общества в целом, пандемия COVID-19 и климатические изменения имеют и положительные эффекты для некоторых сфер жизнедеятельности человека. Выявлена также чрезвычайная роль государства в решении возникающих вследствие планетарных угроз проблем и смягчении остроты кризисных явлений во всех сферах общества, в том числе и в экономике.

* **Для цитирования:** Шаповал В. М., Рочняк Е. В., Бабаев Б. С. Глобальные вызовы современности и их влияние на общество и экономику // Век глобализации. 2025. № 2. С. 178–189. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.16.

For citation: Shapoval V. M., Rochnyak E. V., Babayev B. S. Global Challenges of Present and Their Impact on the Society and Economy // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 2. Pp. 178–189. DOI: 10.30884/vglob/2025.02.16 (in Russian).

** Шаповал Валентина Михайловна – д. э. н., профессор, профессор кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)». E-mail: vmshapoval2017@gmail.com.

Valentina M. Shapoval – Dr. Econ., Professor, Professor of the Department of Finance, Accounting and Economic Security of the Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University). E-mail: vmshapoval2017@gmail.com.

Рочняк Елена Владимировна – к. филос. н., доцент, доцент кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». E-mail: lero1981@yandex.ru.

Elena V. Rochnyak – Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of the Gorlovka Institute of Foreign Languages. E-mail: lero1981@yandex.ru.

Бабаев Борис Станиславович – аспирант кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)». E-mail: bsbabaev@gmail.com.

Boris S. Babayev – postgraduate student of Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University). E-mail: bsbabaev@gmail.com.

Ключевые слова: глобальные вызовы, угрозы, деструктивные явления, экономика, влияние, последствия, противодействие, предотвращение, эпидемия, пандемия, коронавирус, коронакризис, глобальное потепление, климатические изменения, климатические аномалии, ущерб, экологические катастрофы, предупреждение.

GLOBAL CHALLENGES OF PRESENT AND THEIR IMPACT ON THE SOCIETY AND ECONOMY

The article is devoted to the study of global challenges and crisis phenomena of modern civilization. In particular, a systematization of destructive phenomena, challenges and threats to society and the economy was carried out according to the main features. It is proved that the intersection of crisis phenomena of a different nature and their complexity further increase the rather high level of uncertainty in modern society and its various areas, exacerbate the interdependence and severity of their manifestation, thus causing a polycrisis. A deeper analysis of the COVID-19 pandemic and climate change led to the conclusion that these challenges demonstrate the vulnerability of absolutely all countries and peoples of the world, are sources of economic and social risks, and therefore require special attention and a systemic response. It has been determined that, along with negative and destructive consequences for the economy and society as a whole, the COVID-19 pandemic and climate change have positive effects for some areas of human life. The extraordinary role of the state in solving problems arising from planetary threats and mitigating the severity of crisis phenomena in all spheres of society, including the economy, is also revealed.

Keywords: global challenges, threats, destructive phenomena, economy, impact, consequences, counteraction, prevention, epidemic, pandemic, coronavirus, coronacrisis, global warming, climate change, climate anomalies, damage, environmental disasters, warning.

Несколько последних лет мир на фоне значительных экологических проблем переживает серьезные социально-экономические трансформации, к которым сегодня добавились еще и политические потрясения. Ситуация, в которой оказалось человечество, продемонстрировала реальную глубину и контрадикторность процессов развития современной цивилизации. Общество столкнулось с угрожающими проявлениями социальной и культурной деградации; мечты относительно разумного и гармоничного преобразования природы реализовались на практике масштабным разрушением литосферы, гидросферы, атмосферы и биосферы Земли. Человечество непрерывно углубляется в кризис – общий, системный и долгосрочный, который характеризуется определенными чертами, особенностями и характеристиками:

1. Кризис имеет яркую эсхатологическую окраску, поскольку актуализирует вопросы относительно дальнейшего существования человека как биологического вида на планете Земля.
2. Кризис приобретает глобальный, общепланетарный характер, не оставляя для человечества возможности широкого выбора.
3. Кризис имеет многоаспектный, комплексный, динамичный, прогрессирующий, переменный характер; он является глубоко проникающим процессом,

объединяющим кризисные явления антропологического, экономического, экологического, демографического, социального и культурно-исторического характера.

Например, ключевыми признаками только антропологического кризиса, представляющего угрозу для всего человечества, по оценкам исследователей, являются следующие:

- разрушение биосферы Земли, включая физическое существование человека;
- физическая деградация человека разумного как биологического вида (нарушение генного механизма человека, рост количества заболеваний, этиологически связанных с состоянием окружающей среды, распространением эпидемий и т. д.);
- депопуляционные процессы в ряде стран мира;
- прогрессирующий кризис человеческого общения с заменой его на всеобъемлющую коммуникацию;
- кризис человеческой субъективности и виртуализация человеческого «я»;
- аксиологическая дезориентация, разрушение системы ценностного сознания, возникновение одномерного человека.

Все это свидетельствует о том, что пересечение кризисных явлений различного характера, их комплексность еще больше повышают и без того достаточно высокий уровень неопределенности в современном обществе и различных его сферах, усугубляют взаимозависимость и остроту их проявления и вызывают так называемый поликризис.

Как свидетельствуют исследования, чрезвычайно сильному влиянию современных вызовов и угроз подвержена экономика.

Очень важно в сложившихся условиях противодействовать существующим, ожидаемым и неожиданным деструктивным явлениям, вызовам и угрозам. Очевидно, чтобы противодействие было действенным, все вызовы и угрозы необходимо тщательно анализировать, а также изучать последствия их влияния.

Соответственно, целью данной статьи является исследование глобальных вызовов и кризисных явлений современной цивилизации, их систематизация, акцентирование внимания на самых острых, на наш взгляд, проблемах современности (пандемии COVID-19 и климатических изменениях), определение последствий их влияния на общество и экономику, а также выявление роли государства в решении возникающих вследствие планетарных угроз проблем и смягчении остроты кризисных явлений во всех сферах общества.

Как показали исследования, вызовы и угрозы могут быть самыми разнообразными: от местных и краткосрочных до угроз, влияющих на национальную экономику и в целом на мировую экономику и требующих значительных затрат для ликвидации их последствий.

Влиянию могут подвергаться как отдельные бизнес-процессы, так и сферы деятельности в целом; как имущество и персонал отдельных компаний, так и трудовые ресурсы государства, промышленная и инвестиционная политика страны.

В зависимости от возможности предупреждения угрозы могут быть непреодолимыми и предотвращаемыми своевременными и правильными действиями. Следует заметить, что именно анализ и детальное изучение угроз позволяют не просто принимать эффективные решения по их устранению, но и разрабатывать соответствующие меры по предупреждению и предотвращению деструктивных явлений и процессов в экономике.

По степени охвата: локальные; местные; региональные; на уровне отдельных стран; глобальные

По степени частоты: одноразовые; периодические; с длинными волнами цикличности

По степени нанесенного ущерба и уровню затрат на восстановление: быстро возобновляемые; средневозобновляемые; явления длительного действия, требующие значительных затрат на восстановление, катастрофические

По субъектам влияния: макроэкономические процессы; внешнеэкономические операции; сельское хозяйство; пищевая промышленность и т. д.

В зависимости от возможности предотвращения: непреодолимые (эпидемии, войны, катастрофы, чрезвычайные ситуации, заставляющие действовать вопреки намерениям); предотвращаемые

В зависимости от вероятности наступления: невероятные; маловероятные; вероятные; достаточно вероятные; полностью вероятные

По степени проявления: явные (реально существующие); видимые; латентные (скрытые, тщательно замаскированные)

По объектам влияния: персонал; имущество; информация; технологии; деловая репутация компаний; др.

В зависимости от природы возникновения: экономические; политические; техногенные; правовые; экологические; криминальные; конкурентные и т. д.

В зависимости от сферы возникновения: внутренние и внешние по отношению к субъектам экономики

Рис. Систематизация деструктивных явлений, вызовов и угроз для экономики по основным признакам

В зависимости от степени проявления все вызовы и угрозы можно разделить на реальные, то есть явные на данный момент, видимые и латентные, то есть скрытые или замаскированные, которые могут проявиться в любой момент.

Проведенное исследование позволило систематизировать деструктивные явления, вызовы и угрозы, влияющие на экономику разных уровней, по основным признакам (см. Рис.).

Естественно, локальные и местные явления, которые чаще всего имеют краткосрочный характер и не наносят значительного ущерба экономике, преодолевать и предупреждать проще, чем глобальные угрозы, имеющие системное и более длительное воздействие на экономику и требующие значительных затрат для их устранения.

Среди всего разнообразия вызовов и угроз, оказывающих влияние на различные сферы и уровни экономики, остановимся на глобальных явлениях современности, таких как пандемия COVID-19 и климатические изменения.

Начать, пожалуй, следует с эпидемий и пандемий. Кроме того, что эпидемии (холера, чума, птичий и свиной грипп, атипичная пневмония, коронавирус SARS-CoV-2) наносят колоссальный ущерб здоровью людей, иногда даже забирая человеческие жизни, нарушают уклад жизни населения отдельных стран, а в некоторых случаях, как это произошло с пандемией COVID-19, и всей планеты, они также вызывают серьезные нарушения в экономике на всех уровнях и возникновение кризисных явлений в других сферах. В частности, пандемия COVID-19 затронула человеческое общество в целом, всю мировую экономику, культуру, экологию, политику и много других сфер жизнедеятельности человека.

Следует заметить, что сегодня даже появился термин, под которым подразумевают феномен влияния COVID-19 на общество и его последствия – «коронакризис» [Социально-экономические...].

К негативным последствиям пандемии COVID-19 для экономики большинства стран, в том числе и для России, можно отнести следующие:

- сокращение деловой активности многих сфер и субъектов хозяйствования, снижение платежеспособности бизнеса, а иногда и его банкротство, вследствие ограничений, направленных на сдерживание распространения вируса (в первую очередь это коснулось транспортных компаний: от авиакомпаний и железнодорожных перевозчиков до предприятий общественного транспорта);

- ухудшение внешнеторговых условий, нарушение международных производственных цепочек и, как следствие, нарушения в поставках комплектующих материалов для сложных продуктов (например, компьютеров, электроники, бытовой техники, автомобилей), а также промежуточной продукции, материалов и сырья для текстильной промышленности, производства одежды, пищевой индустрии, субстанций для фарминдустрии, которые непосредственно поставлялись из Китая;

- административные ограничения, вплоть до приостановки деятельности большинства сегментов сферы услуг, в частности торговли, сектора общественного питания, туризма, бьюти-индустрии, сферы досуга и пр. (например, только за несколько месяцев пандемии потери туризма во всех странах достигли 1,2 трлн долларов США, то есть 1,5 % глобального ВВП [Мировая..]);

– снижение потребительского спроса, особенно на товары и услуги не первой необходимости (технику, электронику, одежду, мебель, отдых, путешествия, развлечения, украшения, предметы роскоши и пр.), вызванное мерами социального дистанцирования, как вынужденного, так и добровольного;

– сокращение доходов, изменения в социально-экономической активности большинства людей как результат административных ограничений и сокращения деловой активности не только компаний, но и отдельных предпринимателей;

– потеря работы миллионами людей и, соответственно, рост безработицы во всех странах (как в развивающихся, так и в развитых); возникновение социальной напряженности, паники, страха, увеличение числа эмоциональных «срывов», имеющих тяжелые последствия для человека, устойчивости его психологического состояния, как следствие коронавирусных ограничений. Например, только в США уровень безработицы в разгар пандемии достиг 14,7 % – наивысшего уровня со времен Великой депрессии [Влияние COVID-19...]. Кроме того, следует заметить, что безработица и проблемы, связанные с ней, в первую очередь коснулись одной из наиболее уязвимых групп населения во всех странах – молодежи.

К негативным последствиям пандемии COVID-19 для экономики можно также отнести: снижение инвестиционной активности, отток капитала из развивающихся стран, обвал цен на нефть, изменения курсов валют и пр.

Согласно прогнозам экспертов, до 2025 г. мировая экономика в результате негативных последствий пандемии COVID-19 может недополучить 35 трлн долларов США [Там же].

Что же касается России, то, по данным Росстата, только в 2020 г. пандемия коронавируса нанесла отечественной экономике ущерб в размере около 1 трлн рублей в стоимостных показателях, что в 1,4 раза больше, чем суммарный урон от остальных инфекционных болезней [Роспотребнадзор... 2021].

Вместе с тем некоторые сферы в отдельных странах (в том числе и в России) в условиях пандемии COVID-19 получили импульс к развитию, что можно рассматривать как своего рода положительные последствия коронакризиса.

Несмотря на то что были нарушены цепочки поставок, приостановлена деятельность огромного количества предприятий пищевой промышленности, претерпели изменения потребительские предпочтения, произошел резкий рост спроса на продукты питания, особенно в начале пандемии, что привело к избыточным покупкам и пустым полкам супермаркетов, оборот мировой пищевой индустрии в 2020 г. увеличился на 20 % по сравнению с 2019 г. и достиг 8,2 трлн долларов США, что стало самым значительным ростом за последние несколько лет. В разрезе стран самый большой рост оборота продуктов питания (на 36 %) наблюдался в Индии, достигнув 633 млрд долларов США. В Китае, имеющем самую крупную в мире пищевую промышленность, оборот продовольственного рынка в 2020 г. на фоне коронакризиса вырос на 13 % по сравнению с 2019 г. и составил 1,28 трлн долларов США. Второй в мире по величине рынок продовольствия (США) вырос в 2020 г. на 12,7 % и достиг 970,4 млрд долларов. В Японии и России оборот продовольствия вырос соответственно до 425,2 и 275 млрд долларов США, что значительно превышает объемы 2019 г. [Доходы... 2021].

Следует заметить, что сельское хозяйство и пищевая промышленность РФ – одни из немногих сфер, которых пандемия не коснулась напрямую. Этому спо-

собствовал начатый еще в 2014 г. в стране процесс импортозамещения продовольствия. Пока большинство государств претерпевали неудобства от разрыва внешнеэкономических связей и нарушения цепочек импортных поставок, Россия в период пандемии COVID-19 закрывала потребности населения по большинству продуктов питания собственными силами.

Кроме сельского хозяйства и пищевой промышленности, и некоторые другие секторы российской экономики оказались в выигрыше, упрочили свои рыночные позиции, а в некоторых случаях даже нарастили прибыль.

Так, настоящий бум во время карантинных ограничений пережили сфера ритейла совместно с сектором курьерской доставки. Этому способствовали закрытие торговых центров, ограничения в деятельности супермаркетов и предприятий общественного питания. Например, у сервиса доставки еды «Delivery Club» только за первые три недели локдауна количество заказов выросло на 40 % [Влияние COVID-19...].

В условиях пандемии повышенным спросом пользовались также различные онлайн-сервисы, прежде всего образовательные и игровые платформы, платформы для организации и проведения различных вебинаров и телеконференций, всевозможных тренировок с инструктором в режиме онлайн и многие другие. Также наблюдался увеличенный спрос на информационно-развлекательный контент различных онлайн-медиа.

Таким образом, бесспорным следует признать тот факт, что пандемия коронавируса выступила мощнейшим драйвером глобальной цифровизации. Карантинные ограничения доказали необходимость внедрения цифровых технологий в самые разные сферы жизнедеятельности человека.

Что касается экономики, то, по мнению экспертов, коронакризис способствовал ускорению ее цифровизации в 10 раз [Влияние... 2022]. Пандемия COVID-19 продемонстрировала исключительную важность внедрения инструментов автоматизации и дистанционного управления бизнес-процессами.

К еще одной глобальной проблеме современности, затрагивающей абсолютно все регионы и страны мира и оказывающей влияние на экологию, энергетику, здоровье людей, международную политику и, бесспорно, на экономику различных уровней, относятся климатические изменения, в частности глобальное потепление, вызванное увеличением выбросов углерода в атмосферу.

Уже давно доказано, что из-за увеличения температуры воздуха происходят неблагоприятные экологические изменения, в частности повышение уровня моря и кислотности океана, таяние ледников и исчезновение многих видов растений и животных, усиливаются и учащаются природные катаклизмы (штормы, ураганы, наводнения, оползни и сели, засухи и лесные пожары и др.), а также распространяются чрезвычайно опасные заболевания (клещевой энцефалит, малярия, лихорадка Лайма и др.) и расширяются ареалы обитания насекомых, которые их переносят.

Кроме того, повышение температуры воздуха негативно сказывается на состоянии самого человека, повышая уровень заболеваемости и даже смертности, и, самое главное, на его деятельности, поскольку замедляет экономическую активность людей, снижает их производительность труда. Другими словами, глобальные климатические аномалии вызывают снижение эффективности трудовой дея-

тельности человека, что не может не иметь последствий, однозначно негативных, для экономики, и прежде всего – в аспекте сокращения долгосрочного потенциала экономического роста [Фачча и др.].

Вместе с тем следует заметить, что климатические изменения могут иметь как краткосрочные последствия, так и долгосрочные, с отложенным эффектом. Но даже краткосрочные последствия, например после ураганов и бурь, могут быть чрезвычайно катастрофичными для экономики, и оставлять их без внимания нельзя.

Бесспорно, проблема изменения климата с каждым годом становится все серьезнее и острее, соответственно, появляются попытки остановить или хотя бы замедлить данный процесс, в какой-то мере адаптировав его к современным условиям. А в последнее время в разных странах все чаще предпринимаются предупредительные меры – так называемый переход к зеленой, то есть низкоуглеродной, экономике [Как изменение...].

Несмотря на предпринимаемые меры, негативные последствия климатических аномалий постоянно возрастают. Ущерб для мировой экономики оценивается в сотни миллиардов долларов США ежегодно, а в 2025 г. может достигнуть 1,7 трлн долларов. Очевидно, что в перспективе он может лишь увеличиваться и, по оценкам экспертов, достигнуть к 2075 г. 30 трлн долларов США, а к 2100 г. – 20 % глобального ВВП [Сафонов; Ущерб... 2021; Stern 2007].

Что касается России, то ущерб от глобального потепления в нашей стране оценивается в 2 % ВВП ежегодно, а в некоторых регионах – до 5 % валового регионального продукта. По мнению некоторых экспертов, вследствие изменения климата к 2030 г. в РФ могут еще больше усугубиться так называемые климатические барьеры, вызывающие торможение развития экономики [Оценка... 2011].

К одной из наиболее уязвимых отраслей экономики как в РФ, так и в других странах относится прежде всего сельское хозяйство, время от времени страдающее от климатических аномалий, в частности от небывалых ливней и засух, которые влекут за собой порчу, а часто и полную потерю урожаев и, как следствие, продовольственные проблемы.

Например, прирост температуры на один градус приводит к сокращению урожая зерновых примерно на 5 %. Только в период с 1981 по 2002 г. мировой урожай пшеницы, кукурузы и других основных культур снизился на 40 мегатонн в год [Global... 2018].

Потери урожаев в условиях отсутствия государственной поддержки вызывают серьезную экономическую проблему, в частности рост кредиторской задолженности перед финансовыми учреждениями сельхозпроизводителей, пытающихся таким образом возместить ущерб подобного рода катаклизмов и продолжить свою деятельность. Вместе с тем подобная практика часто вызывает банкротство и даже ликвидацию сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, в результате изменения климатических зон, вызванного глобальным потеплением, возникает необходимость перераспределения мощностей аграрного производства, что, бесспорно, увеличивает и без того значительные издержки в сельском хозяйстве.

Все чаще и в больших объемах от пожаров, болезней и вредителей страдают лесные хозяйства, для восстановления которых требуются огромные затраты и не одно десятилетие, не говоря уже о том, какие колоссальные средства необходимы для тушения непосредственно самих лесных пожаров. Кроме того, сокращение

лесных массивов, в свою очередь, вызывает целую цепочку негативных природно-климатических изменений, влияющих на многие сферы экономики.

В целом к последствиям, вызванным глобальным потеплением, можно отнести:

- нарушение экологического равновесия, вытеснение одних биологических видов другими, исчезновение многих видов растений, животных, других организмов, играющих чрезвычайно важную роль в продовольственной цепочке (например, только в период с 2000 по 2018 г. на планете исчезло около 150 пород домашнего скота), что подрывает способность биосферы поддерживать существование жизни на планете [Стремительное...];

- ущерб, наносимый инфраструктуре и сельскохозяйственным производителям вследствие роста повторяемости, интенсивности и продолжительности климатических катаклизмов (наводнений, аномальных осадков и засух, деградации вечной мерзлоты);

- повышение пожароопасности в лесных массивах и на торфяниках, увеличение количества непосредственно самих природных пожаров, достигающих ежегодно по всему миру 7 млн, представляющих серьезную угрозу жизни и здоровью людей и наносящих колоссальный ущерб экономике. При этом следует заметить, что, с одной стороны, пожары являются следствием изменения климата (увеличения температуры, возникновения тепловых волн, чрезмерно сухой погоды, приводящих к неуправляемым возгораниям, а с другой стороны, сами пожары являются чрезвычайно мощной причиной изменения климата вследствие выброса во время пожаров черного углерода, или сажи;

- продовольственные проблемы, связанные с недоступностью, недостаточностью и ухудшением качества многих продуктов питания, колоссальный дефицит питьевой воды;

- нарушение привычного образа жизни многих коренных северных и африканских народов, вызванное изменением температурного режима;

- межгосударственные противоречия, возникающие в сфере добычи и использования ископаемых энергоносителей, непредвиденные потери компаний, деятельность которых зависит от ископаемых видов топлива, при переходе к низкоуглеродной экономике;

- сокращение производств определенных товаров и даже отдельных сфер экономики, изменение цен на сырье и готовую продукцию в сторону увеличения; сокращение экспортно-импортных операций, нарушение цепочек поставок и т. д.

Все это свидетельствует о том, что последствия глобального изменения климата и связанные с этим процессом риски необходимо не только изучать и учитывать сейчас, но и понимать, как будет развиваться экономика в таких условиях в будущем.

Уместно обратить внимание на то, что климатические аномалии не всегда являются угрозой и проблемой для экономики, да и общества в целом. Как свидетельствует практика, именно глобальное потепление и связанные с ним последствия подталкивают производителей с целью сокращения объемов выбросов углерода в атмосферу переходить к ресурсосберегающим и энергоэффективным технологиям, внедряя таким образом принципы устойчивого развития.

Также благодаря потеплению можно наблюдать положительные изменения и в сельском хозяйстве, а именно: увеличение посевных площадей, рост урожайности и т. д.

Например, только в России благодаря повышению температуры и уменьшению холодного периода года в течение последних 30 лет наблюдается значительное увеличение производства зерна.

Глобальное потепление способствует также увеличению продолжительности навигации в Северном полушарии, что облегчает освоение новых месторождений полезных ископаемых. Вследствие повышения температуры воздуха сокращается отопительный сезон во многих странах, соответственно, снижается расход энергоресурсов.

Поскольку полное прекращение выбросов углекислого газа в атмосферу невозможно ни сегодня, ни в ближайшем будущем (к сожалению, диоксид углерода имеет свойство накапливаться в атмосфере), все усилия должны быть направлены на адаптацию экономики, да и всего общества, к происходящим вследствие глобального потепления изменениям.

С целью повышения адаптационной способности субъектов экономики к опасным климатическим аномалиям и различного рода стихийным бедствиям необходимо, на наш взгляд, своевременно выявлять деструктивные тенденции и процессы, возникающие вследствие глобального потепления, прогнозировать возможные их последствия и угрозы, разрабатывать целевые мероприятия для их предотвращения, а при невозможности этого – мероприятия по смягчению и ослаблению негативного влияния. Очевидно, что меры реагирования на глобальные климатические изменения должны быть включены как в программы и стратегии хозяйствующих субъектов, так и в соответствующие программы, стратегии и политики на государственном уровне.

Среди глобальных вызовов последних месяцев можно назвать также серию землетрясений различной силы по шкале Рихтера по всей нашей планете от Курил до Новой Гвинеи и Индонезии. Первые и наиболее разрушительные из них произошли 6 февраля 2023 г. в южной и центральной Турции, а также в северной Сирии.

Помимо прямого физического ущерба странам, где они проходили, а также необходимости колоссальных затрат на восстановление и реконструкцию, данные землетрясения вызвали существенные экономические потрясения. И в первую очередь это связано с нарушением мировых логистических потоков. Поскольку эпицентры землетрясения являются промышленными центрами стран, в ближайшие месяцы следует ожидать сбоя в бизнесе и задержек в транспортировке сырья и готовой продукции. Больше всего пострадают цепи поставок в таких важных отраслях, как текстильная промышленность, производство медицинских приборов, строительная промышленность, производство пищевых продуктов и металлообработка. Также существенное влияние факт землетрясений оказал на сферу туризма, и хотя этот природный катаклизм пока обошел стороной туристические центры, он, тем не менее, значительно повлиял на спрос.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать следующее. Проанализированные глобальные вызовы современности демонстрируют

уязвимость абсолютно всех стран и народов мира и, вне всякого сомнения, требуют особого к себе внимания и системного реагирования. Прежде всего потому, что они являются источниками экономических и социальных рисков. Огромная роль в решении возникающих вследствие планетарных угроз проблем и смягчении остроты кризисных явлений во всех сферах общества, в том числе и в экономике, бесспорно, принадлежит государству. Наряду с негативными и деструктивными последствиями для экономики и общества в целом, глобальные вызовы имеют и положительные эффекты для некоторых сфер жизнедеятельности человека, а также вызывают необходимость формирования новых правил и норм, регулирующих человеческое общество и все его сферы в условиях глобализации.

Литература

Влияние коронавируса COVID-19 на экономику стран мира [Электронный ресурс] : Zdrav.Expert. 2022. 13 июля. URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Влияние_коронавируса_COVID-19_на_экономику_стран_мира (дата обращения: 04.02.2025).

Влияние COVID-19 на экономику. Аналитические материалы COFACE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coface.ru/Novosti-i-Publikacii/Publikacii/Vliyanie-COVID-19-na-ekonomiku.-Analiticheskie-materialy-Coface> (дата обращения: 12.02.2025).

Доходы пищевой промышленности выросли на рекордные 20 % в 2020 г. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.unipack.ru/print/82674/> (дата обращения: 10.02.2025).

Как изменение климата влияет на экономику [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/finance/64987-kak-izmenenie-klimata-vliyaet-na-ekonomiku> (дата обращения: 12.02.2025).

Мировая туристическая отрасль – жертва COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/mirovaya-turisticheskaya-otrasl-zhertva-covid-19/> (дата обращения: 05.02.2025).

Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу / под ред. В. М. Катцова, Б. Н. Порфирьева. М. : Д'АРТ : Главная геофизическая обсерватория, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://voeikovmgo.ru/otsenka-makroekonomicheskikh-posledstvij-izmeneniya-klimata> (дата обращения: 05.02.2025).

Роспотребнадзор оценил ущерб российской экономике от коронавируса [Электронный ресурс] : РБК. 2021. 5 июля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/07/2021/60e279799a794700a6eb6de2c> (дата обращения: 07.02.2025).

Сафонов Г. Влияние климатических изменений на экономику России. Адаптация к изменению климата в РФ [Электронный ресурс]. URL: https://ecodelo.org/rossiyskaya-federaciya/31784-vliyanie-klimaticheskikh-izmeneniy-na-ekonomiku-rossii-adaptaciya_k_izme (дата обращения: 06.02.2025).

Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социально-экономические_последствия_пандемии_COVID-19 (дата обращения: 04.02.2025).

Стремительное исчезновение видов животных и растений чревато дефицитом продовольствия в будущем [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019> (дата обращения: 08.02.2025).

Ущерб от глобального потепления к 2075 году может составить \$30 трлн в год [Электронный ресурс] : Anadolu Ajansı. 2021. 30 марта. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/ущерб-от-глобального-потепления-к-2075-году-может-составить-30-трлн-в-год/2192315> (дата обращения: 08.02.2025).

Фачча Д., Паркер М., Стракка Л. Глобальное потепление и инфляция [Электронный ресурс]. URL: <https://econs.online/articles/opinions/globalnoe-poteplenie-i-inflyatsiya/> (дата обращения: 08.02.2025).

Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1.5 °C above Pre-Industrial Levels and Related Global Greenhouse Gas Emission Pathways, in the Context of Strengthening the Global Response to the Threat Of Climate Change, Sustainable Development, and Efforts to Eradicate Poverty / ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, H.-O. Pörtner, D. Roberts *et al.* Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1017/9781009157940.

Stern N. The Economics of Climate Change. The Stern Review. Cambridge : Cabinet Office – HM Treasury, 2007.

ЮБИЛЕИ

ВАЛЕРИЮ ВИКТОРОВИЧУ СНАКИНУ – 75 ЛЕТ

Члену редколлегии и постоянному автору нашего журнала, академику и члену Президиума Российской экологической академии (РЭА), заведующему сектором Музея землеведения МГУ, заведующему лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН, лауреату Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, доктору биологических наук, профессору В. В. Снакину 24 апреля 2025 г. исполнилось 75 лет.

Валерий Викторович хорошо известен научной общественности и широкой аудитории как видный ученый и талантливый популяризатор науки в области экологии и природопользования, опубликовавший более 300 научных работ, в том числе 20 монографий и словарей. Он является разработчиком новых физико-химических методов анализа почв и почвенных растворов, систем почвенных и ландшафтных параметров для ведения экологического мониторинга и комплексной оценки степени деградации и устойчивости экосистем. Он предложил новую (тектоническую) гипотезу о причинах великих вымираний видов в результате дрейфа материков и периодического их объединения (2016, 2021); исследовал закономерности эволюции биосферы, естественно-научные основы глобализации, отмечал отсутствие научных основ у концепции устойчивого развития и теории

парникового эффекта как результата деятельности человека; внес существенный вклад в развитие терминологии в области экологии и природопользования.

В 1997–2001 гг. В. В. Снакин был директором Центра научных программ и проректором по науке Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ). В Пущинском государственном университете, МГУ имени М. В. Ломоносова и РГГУ читал курсы «Глобальные экологические процессы и эволюция биосферы», «Экология», «Ландшафтная экология», «Глобальные природные процессы». Является членом редколлегий журналов «Жизнь Земли», «Использование и охрана природных ресурсов в России» и «Век глобализации», а также автором четырех изобретений.

Отмечая научные достижения, а также коммуникабельность и замечательные человеческие качества Валерия Викторовича Снакина, редколлегия и международный редакционный совет журнала «Век глобализации» сердечно поздравляют его с 75-летней годовщиной со дня рождения и желают ему крепкого здоровья, благополучия, успехов и новых творческих достижений.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klein N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukiyanenko V. I. Homo Consumens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consumens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мировозыятийственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyy mekhanizm: dvizheniye k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnyye tendentsii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoye obshchestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] // Jurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI, а также в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК.

«Век глобализации». 2(54), 2025. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *Р. Ш. Эсанни*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 16.06.2025. Дата выхода: 30.06.2025

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.

Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет предоставлен издательством.

Отпечатано в АО «Г8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5

Заказ № .